

101 ПРОЗАИК XXI ВЕКА

2

Галина
Щербова

...

ПОЭТОВ
НАДО ХВАЛИТЬ

СТАТЬИ, ЭССЕ

Москва 2020

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44
Щ 66

Галина Щербова

Щ 66 Поэтов надо хвалить : статьи, эссе. Галина Щербова / 101 прозаик XXI века. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2020. – 204 с.

ISBN 978-5-00170-

Книга поэта и прозаика Галины Щербовой включает статьи, в которых рассматривается творчество десятков поэтов-современников. Анализируя их стихи, их книги, критик раскрывает своё понимание искусства поэзии и его действенных инструментов. Все статьи написаны исключительно по личной инициативе автора, как живой отклик на одобрение, возникшее при чтении стихов.

Звучат поэты: Александр Хабаров, Олег Агринский, Екатерина Шевченко, Максим Гресько, Наталья Аришина, Марина Кудимова, Александр Суворов, Алексей Решетов, Нина Бялосинская, Юрий Иванов-Скобарь, Игорь Терехов, Александр Бутузов, Сергей Быстров, Василий Рысенков, Михаил Рысенков, Любовь Сердечная, Андрей Расторгуев, Сергей Нещеретов, Григорий Шувалов, Ирина Рогозина (Шиловская), Алексей Любегин, Борис Романов, Юрий Баранов. Все они – люди XXI века, который отражается в их искусстве.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-

© Г. Щербова, 2020
© Оформление, серия,
Издательство «У Никитских
ворот», 2020

От автора

О стихах

Желая начать разговор о стихах, не делаешь акцент на том, что это разговор о хороших стихах. Представляется, что говорить имеет смысл только о хороших, иначе и быть не может. То есть разговор о стихах начинается без предупреждения об их высоком качестве, они считаются хорошими по умолчанию.

Однако далеко не всем ясно, чем хорошие стихи отличаются от плохих. Так человеку, не имеющему музыкального образования, трудно оценить уровень исполнительства, он считает прекрасным то исполнение, которое прошло без ошибок, очевидных погрешностей. При этом мнение профессионального музыканта может оказаться категорически противоположным. Для него качественная техника, выстроенные ноты – не самый сильный аргумент при оценке исполнения. Он хочет чувства, выразительности, яркости, глубины. Бог знает чего он хочет! Растерянный слушатель уходит в сомнениях, ведь профессионал не дал никаких критериев для обоснования своего приговора. Или дал на специальном музыкальном языке, его мнение изложено темно, не убеждает.

То же самое с пониманием стихов. Категорически недостаточно благородной темы, точной рифмы, ровного ритма. Следовательно, есть ещё что-то, без чего стихи окажутся плохими или останутся филологическими упражнениями.

С моей точки зрения, поэтическая книга хороша, если на каждой странице встречается впечатляющая строка или любопытный оборот, тонкое замечание или неожиданное сравнение. При чтении книги хорошего поэта приятно сознание, что, открывая её на любой странице, не ошибёшься,

непреренно найдёшь одну-две-несколько изюминок – разномасштабных акцентов, с естественной грацией соединённых между собой. Возникает желание похвалить книгу, показать достоинства стихов, поддержать поэта искренним положительным откликом, найти для этого точные и убедительные слова.

Не имеет смысла выискивать огрехи, неудачи. Они всегда есть. Надо радоваться хорошему, что, несомненно, преобладает. Живой поэт, услышав разумные обоснованные похвалы, сам увидит свои недостатки. Не просто «нравится» или «не нравится», а почему нравится, в чём удача, каким образом уникальное стихотворение сложилось и было выпущено на волю в законченном виде. Не надо бояться захвалить.

Но это всё разговор о хороших стихах. А вот как идентифицировать плохие? Проще всего – показать, отсутствие чего или наличие чего в стихах делает их плохими.

Филологически и литературно неподготовленный читатель отзывается на очевидное, доступное его оценке: благородная тема стихотворения, как оно хорошо зарифмовано, как строго ритмически летят строки.

Читатель находит эти стихи хорошими. Он сам порой пишет поздравительные вирши сотрудам или членам семьи, но так гладко и броско никогда бы не смог написать, так может только настоящий поэт.

Но оказывается, что так написать может и хороший графоман, ремесленник, тот, кто освоил накопленные человечеством навыки и умения. Он отличается качественной техникой, склонностью к пафосным и возвышенным темам, отчётливостью выводов. Ещё он отличается стабильной плодовитостью: ему в работе не препятствует поиск слова, метафоры, когда за словами возникает новый не буквальный смысл – несказанное.

Настоящий художник, поэт – первооткрыватель, до него никто ещё так не сказал, никто ещё так не увидел. А плохие стихи (как рифмованные, так и свободные) складываются из очевидного, общеизвестного. Устойчивые словосочета-

ния воспринимаются набором лишённых окраски кубиков: я смотрю в окно, я иду по улице, широкое поле, белая берёза, синее небо, зелёная трава, голубая река... Непременным условием плохого стихотворения является подытоживающий вывод, являющийся такой же банальностью.

Плохое стихотворение никогда не воспринимается чувственно, не рождает стихийного ответного порыва. Оно осваивается умом, через понимание. Все чувства, которые человек испытывает, прочтя плохое стихотворение, придут к нему не через сердце, душу, а через голову. Плохое стихотворение можно сравнить с двухмерным объектом – его смыслы плоски, конкретны, не имеют разночтений, неоспоримы. Возможность соучастия читателя в осмыслении исключена, так как всё названо, утверждено, вариантов нет. Остаётся только согласиться со справедливостью высказанных слов.

Но чувственный отклик на стихотворение возможен и без понимания. Эффект неожиданности, как вспышка. Так вдруг замирает сердце от красивой мелодии, так оно замирает от ужаса при горестной вести. Искусство только там, где мы отзываемся на его создания чувственно, стихийным порывом. Во всех остальных случаях речь идёт о профессионализме, мастерстве, ремесленничестве – об умении сделать хорошо, что точно оценивается умом.

Несказанное в стихотворении – пространство многозначности, где осуществляется перетекание смыслов, обыгрываются идиомы, свойственные русскому языку, и тонкие звуковые аналогии, – это область страшных помех, как для переложения прозой, так и для перевода на другой язык. Хорошие стихи трудно или невозможно перевести без урона. Плохие легко, они защищены однозначностью, можно не опасаться за точность передачи.

Хорошие стихи уникальны, они всегда отличаются друг от друга новизной взгляда, замысла. Плохие похожи один на другой, сложенные из общих слов и понятий. И чем более качественно сложены, чем точнее выполнены швы между сборными элементами, тем больше вводят в заблуждение читателя, склоняя его признать их хорошими стихами. Пло-

хие стихи обычно длинные. Банальностей много, все они просятся в стихотворение. Чем длиннее сочинение, тем более размыта в нём тема, акценты тонут в фактуре, композиция разваливается, интерес к итогу дискредитируется многословием. Держать высокий тонус в длинном стихотворении могут очень немногие поэты.

Чувство меры, то есть баланс между роскошью и достаточностью, крайне важно в поэзии. Ведь каждое стихотворение – создание природы; как животное, растение – оно соразмерно масштабу содержания и того впечатления, которое несёт. Избыточность акцентов, ярких строк так же губительна, как и отсутствие всего этого. Плотность стихотворения достигается умением сказать о многом кратко и исчерпывающе, что ведёт к афористичности, когда в одной строке заключён уникальный смысл, схвачены в узел ниточки многих тем, дающих сюда свои позывные.

Опасность настоящих плохих стихов (качественно исполненных, а не просто неумелых или безграмотных) в том, что они неуязвимы. К ним не подкопаешься, от них любая критика отскакивает, настолько они лишены энергичной индивидуальности, пусть вызывающей, даже провокационной, которая обращает на себя внимание в хороших стихах. Плохие стихи – гладкие, обкатанные. Напоминают круглого дурака Тэффи: «...Настоящий круглый дурак распознаётся, прежде всего, по своей величайшей и непоколебимейшей серьёзности. Самый умный человек может быть ветреным и поступать необдуманно, – дурак постоянно все обсуждает; обсудив, поступает соответственно и, поступив, знает, почему он сделал именно так, а не иначе».

Неискушённый в поэзии человек склонен читать и оценивать стихи понятные, буквальные. Его подкупает техника и гладкость, высокая тема. Он ничего более не ждёт от стихов, поэтому часто говорит, что не любит поэзию, считая поэзией понятные ему плохие стихи. Плохие стихи вводят людей в заблуждение, формируют превратное представление о прекрасном искусстве поэзии. Потому что неточные рифмы Пушкина в «Руслане и Людмиле» уступают

в качестве бойким советским стихам. Обманутый плохими стихами читатель начинает сомневаться и в Пушкине.

Поэзия лучше всех других искусств говорит о любви. Этого от неё и ждут. Влюблённый непременно хватается за перо, ощущая, что не в силах держать в себе красоту и величие своего переживания. Не важно, что у него ничего не получится, важно, что здесь-то и рождается тот чувственный порыв, без которого невозможно понять значение поэзии, понять поэзию. Поэты – слуги любви до самой смерти. Они обязаны о ней писать, даже если в реальности выглядят её шутами. Поэты стареют и охладевают, а их стихи о любви – нет. Лучшие формулы любви созданы поэзией.

Именно чувство – тот щуп, которым мы осваиваем эстетические стороны жизни: будь то произведение искусства или деталь окружения. Ведь в младенчестве, ещё не умея говорить, не умея формулировать мысли и выводы, перепрыгивая в своих реакциях через длительные осмысления, единственным инструментом, которым мы осваиваем мир, является чувственный порыв.

Интересен современник

*московские поэты Максим Гресько, Олег Агринский,
Александр Хабаров, Екатерина Шевченко,
Наталья Аришина, Марина Кудимова*

(опубликовано: Москва. 2015. № 9)

Писатели – люди слова. Буквы горбатые, а слова гладкие. Очень измученный на вид человек читал хорошие сильные стихи. Прочитал и ушёл. Кто, как фамилия, откуда возник, куда исчез? Всплеск на поверхности бытия – и снова гладь неизвестности.

В большинстве своём современники – настолько неизвестные поэты, насколько ничего не знают друг о друге. Поэтому в своём искусстве повторяют один и тот же путь, один и тот же мысленный ход. Событие, ощущение носится в воздухе, поэты ловят его и обращают в стихи.

Интересна фактура поэтического ландшафта современности. Интересен тот, о ком ещё никто не высказывался в форме подведения итога. Загадочен поворотный момент, когда вчера обычный человек, пусть талантливый, пусть успешный, но такой же, как и все, занимающиеся тем же делом, – вдруг становится Именем. Гений – это человек, в котором художник одолел обывателя. Ведь поначалу его не считают каким-то особенным. Он – птица в стае, беспорядочно облепляющей медленно воздвигающийся постамент славы, до поры неизвестно чей.

Читая современников, изумляешься многообразию. Гудит на тысячи голосов хор о нашем времени. Закрепляет в стихах интонацию, любимые выражения, афоризмы,

жаргон, анекдоты. Перелицовывает реплики прошлого, вживляет их в новый контекст, обыгрывает смыслы, рождает каламбуры и афоризмы. Непременно отыщется что-то замечательное.

*раскидистая крона
надо мной
пример
как многочисленны дороги
к небу
(Максим Гресько)*

Запускаем руку в море стихов и вытаскиваем. Выбор случаен, принцип один: современник, говорящий о том, что все мы видим, чувствуем, понимаем, чем все мы живём.

Гресько Максим. Стихи просто так. М.: Бослен, 2009.

Агринский Олег. Оглянись на рассвет. М.: Belvus, 2014.

Хабаров Александр. Жесть и золото: Стихи о Родине. М.: Фэстпринт Москва, 2013.

Шевченко Екатерина. Стихи. М.: РИФ «Рой», 1995.

Аришина Наталья. Сто стихотворений. М.: Прогресс-Плеяда, 2013.

Кудимова Марина. Черёд (поэтическое приложение к журналу «Сибирские огни»). Новосибирск, 2011.

И это лишь капля в море... Однако основная масса критических и литературоведческих работ посвящена авторам устоявшимся, в основном ушедшим, ставшим историей, занявшим позиции, которые уже не поколебать. Феерическая комета Имени описала и замкнула область исследования, внутри которой начинается работа по систематизации, архивации, анализу наследия. А в это же самое время, вплотную к ведущимся исследованиям сорят бесценными фактами биографии и мастерства будущие титанические фигуры.

Современник – серая лошадка. Критики сознательно уклоняются от преждевременной огласки собственного мнения о его творчестве. Взамен применяется дежурный

метод, «пиар», технология создания и внедрения в ситуации конкуренции некоего объекта – идеи, товара, услуги, персонала. Формируется предварительный постамент, создаётся в целом одобрительная формулировка о творчестве того или иного автора-современника. Но пиар – не критерий мастерства, а механизм продвижения, внутри которого работает принцип: «Хватит заниматься творчеством. Пора уже заниматься творческими успехами». Пиар часто опирается на реальные достоинства стихов, но и автор посредственный так же легко будет разрекламирован.

И всё ж для действующего поэта здоровое безразличие благотворнее изнуряющего внимания.

Поэтическое творчество – процесс, вскрывающий индивидуальность поэта, следовательно, и высказываться о его искусстве надо только индивидуально. Это вообще принцип любого искусства – высказывать своё мнение. Скучны те, кто говорит банальности, пусть даже это великие истины из великих книг. Интересны те, кто говорит, что думает.

*Всего два слова
Я живу
Сумеют стать ответом
И оправданием всему
И вся на свете этом
(Максим Гресько)*

Индивидуальное высказывание всегда свежо, даже если касается самой избитой темы. Открываем книги на авось, а оказываемся на нужной странице. Умная книга всегда откроется на нужной странице. В ней каждая страница – нужная.

*Из себя выйти легко,
В себя прийти трудно,
А вот уйти от себя – невозможно.
(Олег Агринский)*

В оценке стихов современника требуется всего лишь уловить наличие индивидуальности. Её можно назвать и самобытностью, и авторским лицом, и оригинальностью. Но во всех случаях – это зерно новой неожиданной находки, сделанной автором, ставшей его изобретением.

Хвалить всегда непросто. Зато легко ругать: сначала определить недостатки, они непременно есть и они отчётливы; далее – определить стилевое сходство с современниками и Именами; далее – обоснованный вывод. В итоге мы ничего не узнаем об индивидуальности автора, о котором читаем или слушаем. Узнаем лишь, чем он схож с тем, что уже есть, и чем он плох.

Если не научиться аргументировано возражать, будем вынуждены со всем соглашаться. Надо идти совсем другим путём. Сначала определить, что является достоинством данного автора, оно обязательно найдётся, раз есть недостатки, которые суть продолжение наших достоинств. Далее – указать на то свойство, которое отличает данного автора от всех прочих, от современников и старых мастеров. При этом и неисправимый недостаток может обернуться преимуществом, оригинальностью. А может случиться, что такого свойства нет, значит, индивидуальность пока не сформировалась, однако это не исключает наличия достоинств, профессионализма.

Поэзия многолика, оперирует понятиями, за которыми бездонные пропасти возможностей. Мы говорим: «Главное в искусстве – настроение...» или «Здесь есть настроение...» И это справедливо. Настроение – формула. Применять её можно бесконечно, каждый раз подставляя различные значения показателей.

Второй столп – образ. Яркая метафора, неожиданное сравнение, аллюзия, совпадение, точно подмеченное сходство. Образ – мгновенная картинка, отпечаток в памяти, всплывающий всегда одним и тем же неугасимым ликом.

Третий столп – мысль, оригинальная, кратко и точно поэтически высказанная.

Мысль – «я понимаю». Образ – «я вижу». Настроение – «я чувствую». И если для примера образа достаточно взять отдельную строку, а для передачи мысли – фрагмент, который её охватывает, то для того, чтобы показать, как создается настроение, надо привести стихотворение полностью. Невозможно разъять слова и извлечь буквальный смысл: всё рассыплется, во всём по отдельности обнаружится непоследовательность и банальность. Источник очарования исключительно в уникальной системе, выстроенной поэтом на основе своих чувственных приоритетов.

Настроение – система слов, в сумме дающих новое качество, новое цельное значение. Здесь ничего не надо понимать, ничего не надо объяснять, здесь всё происходит само собой – «я чувствую!»

Шёлк

*Рука в перчатке жёлтой
Впивается в древко.
Нам сшили ночь из шёлка,
Её нести легко.*

*Она чернее прочих,
В ней нет огня и льда.
На шёлке нашей ночи
Всего одна звезда.
(Александр Хабаров)*

* * *

*Усталость тела вместо хвори
Дождливый день умело завершит.
Мгла смазала цвета предгорий
И скрыла очертания вершин.*

*Как никогда ночь дышит тишиною,
И верится в покой как никогда.*

*Таким, наверно, удалось лишь Нюю
Мир ощутить, когда сошла вода.*

*Настало время приглашённых в гости,
Вмиг раскрутилось снов веретено –
Дремота выбрала себе эфирный мостик,
А облако – открытое окно.
(Олег Агринский)*

* * *

*Где та даль и дом вдали?
Дверь со слайдами Дали?
Где тот двор и я в траве
С муравьями в рукаве?*

*Юбка длинная с воланом,
Взгляд с мечтательным обманом,
Вишни сквозь стекло в воде –
Где?
(Екатерина Шевченко)*

* * *

*Обнажаются ближние рощи,
И у дальних редуют края,
Чтобы храмов нетленные мощи
Нам являлись в чаду забвения.*

*И в эпоху тотальной пластмассы
Столько золота – ну, посмотри, –
Словно содраны иконостасы
И разбиты в куски алтари.*

*Не осилим и этих вериг мы...
Ладно, горшей беды не накличь!*

...А рябин киноварные стигмы
Проступают сквозь битый кирпич.
(Марина Кудимова)

Каштаны

В галошах с острыми носками
и в клетчатых платках до пят
старухи медными щипцами
в жаровнях угли шевелят.
Я вмиг состарюсь, вмиг увяну –
ты вспомнишь, что любил меня?
Закутаюсь в платок и стану
сидеть, сощурясь, у огня,
щипцами по жаровне звякать,
тревожить гаснувший огонь,
каштана сахарную мякоть
щелчком выбрасывать в ладонь.
Тебе бы я кулёк свернула,
взяв поперёк журнальный лист,
шутливое слово вернула,
похожее на птичий свист.
Всего лишь мелкая монета
за жаркий отблеск на золе,
за пыл, которым я согрета,
за горсть каштанов на столе.
(Наталья Аришина)

Мысль – «я понимаю».

Мой странный Бог / Из под прикрытых век / Ты смотришь на движенье по бумаге / Пера / Что предрекает передраги / В которых дни проводит человек / И слушая упрёки и мольбы / Просящих отпущенья за пороки / Скрываешь / Что менять не вправе строки / Уже давно написанной судьбы (Максим Гресько)

И мирозданье кружится, как глина, / Та, из которой сделали нас всех, / Похожих друг на друга – и врагами, / Нас

множество, но мы тверды, как снег, / К кресту земли прибитый сапогами... (Александр Хабаров)

Конец войны не ждёт конца сраженья (Максим Гресько)

Подвиг бесшумен... (Марина Кудимова)

Дай срок – и я остепенюсь. / А Бог не даст уйти до срока.
(Олег Агринский)

Я прочла твою рукопись, молча расставила знаки... // Вопреки одичанью, предательству, лунному свету / я прочла твою рукопись – другого прибежища нету. (Наталья Аришина)

Это боль, угодившая прямо в сердце, / словно зёрнышко мака, она прорасти готова. / Никогда не узнаешь, цветок распустился или – / или сердце твоё, не выдержав, разорвалось. (Наталья Аришина)

Все прожитые дни. / В них цветы покаенья / И крапива греха. (Олег Агринский)

Ливень мёртвые поросли / В силах сделать травой. (Олег Агринский)

За каинство, за мельтешенье, / За истину не по уму / Прощения и разрешенья / Народу прошу моему (Марина Кудимова)

Образ – «я вижу».

Разбилась о ветер небесная гжель... (Екатерина Шевченко)

В сумерках флоксы, точно флаконы / Светлых духов. (Екатерина Шевченко)

Мне ведь шагать под снегом, под хвойными куполами... (Александр Хабаров)

Сон цветной, как на волнах мазут! (Марина Кудимова)

Звучат лишь чёрные глаголы / Глубокопамятных дубов. / Под небом колокольной мощи... (Екатерина Шевченко)

Скрипя лучом по глади полированной / Сползло солнце в омут чёрный (Максим Гресько)

Внезапно убегает лето – / Совсем как кофе на плите. (Олег Агринский)

Ночь катится шаром... (Александр Хабаров)
Я в руинах лежу, как город... (Александр Хабаров)
Под окном моим разбросаны, / в лунном свете догорая, /
створки мидии раскосые – / словно маска самурая. (Наталья
Аришина)
Январь, обернувшийся волком, / Трусит по уснувшей Руси.
(Екатерина Шевченко)
Стайки из газет гоняет ветер / На собачек издали по-
хожих (Максим Гресько)
Май – карнавал цветущих веток / И панихида прошлых
вьюг! (Олег Агринский)
День мой небесный, / ненастный, туманно-нечёткий, /
рада тебе, как невеста / свиданию через решётку. ...// Я
тебе чёрные крылья сошью белого цвета. (Екатерина Шев-
ченко)
Помпономмышь на кухню юркнула / И тут же растег-
нулся сад. / И на подносе рядом с рюмкою / Бесшумно бился
шелкопряд. (Екатерина Шевченко)
Вкусен ветер – нежный, как суфле. (Олег Агринский)
Осторожно засвечу фонарик / вместо костерка. / Сни-
мется разбуженный комарик / с влажного песка. (Наталья
Аришина)
Вчера я с книгою сидела / На плохоньком крыльце весны ...
(Екатерина Шевченко)

Современники откликаются на впечатления реальной жизни, говорят обо всём, чем мы сегодня живём и дышим. Отдавая дань масштабным темам, они переводят взгляд на темы камерные и освещают тёплым светом поэтического прозрения простейшие реалии, находя живые точные слова для рассказа о погоде, природе, домашних любимцах, доме и ближайшем окружении.

И вот неожиданный вывод: какие грустные книги. Грусть разная: меланхоличная, лёгкая, горькая, ироничная... Грусть – дыхание одиночества – естественна для поэзии. Одиночество плодотворно. Длительное одиночество мучительно, но может

быть исчерпано противоречием, сформулированным лично автором статьи:

как хорошо
сидеть одной на даче
и знать
что где-то далеко
есть много близких

Критик никогда не ошибётся, если выскажет своё собственное мнение. Право высказаться обосновывается индивидуальностью высказывания. Его интонация, тема, знак могут совпасть или не совпасть с общественным мнением, зато будет свежесть, новый взгляд, опирающиеся на индивидуальные механизмы творческого мышления, на шкалу личных художественных предпочтений.

Театр

Я примерял ливреи и кафтаны
Кривляясь перед зеркалом примерно
Натягивал мундиры и сутаны
В незапертой случайно костюмерной

Мне жали фракы
Шею тёрли латы
Корона глупо набекрень сползала
И роба узника шестой палаты
Треща по швам никак не налезала

Но кто-то тихо надо мной склонился

Ваш выход!
Произнёс

Мигнули лампы

*И в чём пришёл я
В том и удалился
Держать ответ под ярким светом рампы*
(Максим Гресько)

Артист должен играть, а не притворяться. Вот отчётливый вывод и о поэте, и о его поэзии: невозможно притворяться. В стихах всегда останешься самим собой. Если за стихами не видно человека, стихи – ложь.

Писать о современниках – это роскошь купания в море стихов, написанных поэтами ещё не отстоявшимися, ещё взлетающими и падающими, меняющими голос, манеру... ищущими. Мнение современника о современниках субъективно. Оно, в первую очередь, характеризует того, кто высказывается. Это риск. Но размышлять о безграничном и неистощимом – ни с чем не сравнимое удовольствие. Азарт поиска. Занимательная головоломка. Стоит рисковать.

2015

«Я сильным был, но ветер был сильнее...»

*о книге стихотворений Александра Суворова
«Свет не вечерний» («BELVUS», 2013)*

(опубликовано: Москва. 2015. № 4; «НГ-Exlibris»,
приложение к «Независимой газете». 05.06.2014. № 19 (745))

Поэзия есть частная жизнь автора, вынесенная на всеобщее обозрение волею судеб и волею требований к данному виду искусства. Прикосновение к стихотворению становится прикосновением к душе поэта. Поэзия – это ещё и отлившаяся в стихи цепь впечатлений, из которых составлена его жизнь. Чем острее и ярче личное восприятие, тем отчётливее проступает в стихах авторское лицо.

Само название противоречиво и притягательно: «Свет не вечерний» – ведь это просто свет. Определение «не вечерний» призывает к выбору любого другого света, кроме вечернего, – дневного, солнечного. Но Суворов останавливается на эпитете «не вечерний», настаивая на всяком свете, кроме вечернего.

«Свет не вечерний» одновременно напоминает и Фаворский свет, и песню «Ой да не вечерняя заря занималась» (Л.Н. Толстой, «Живой труп»), и есенинский «...тот вечерний несказанный свет...», – он словно включает в себя уже известные контексты и развивает образ, делая его ещё более выразительным:

*...Рождённые – гореть. И наш печальный свет –
Свет не вечерний – льётся над планетой.*

Речь идёт, в первую очередь, о поэтах, но также и обо всех, кто отдаёт себя в служении истине и искусству. В программном, по сути, стихотворении звучит христианская тема жертвенности и неизбежности этой жертвы, а также причастности к этой роковой и высокой миссии всех рождённых гореть неувечерним и несказанным светом.

С первых страниц в глаза бросается высокий уровень того поэтического прозрения, которым отмечено едва ли не каждое из стихотворений. Практически в каждом есть зерно замысла, зовущее его цитировать, запомнить. Александр Суворов говорит по-отцовски: «*Приходит мысль издалека, / И я беру её на руки*».

В стихах слышится шероховатость речи, что задаёт своеобразное настроение сборнику, стихотворения воспринимаются как бы написанными в странствии, на ходу, когда смена картин и обстоятельств рождает новые мысли и образы, отвлекая от предыдущих, охлаждая интерес к ним. Почти дневниковые записи, в которых драгоценными вкраплениями строки:

Был сладок день малиною морозной...

*Полночь стоит на коленях
среди асфальта и стен.*

*Младенцем веки я разжал
И не узнал ни век, ни место.*

Кажущиеся шероховатости речи – они же неожиданные шедевры, соединяющие противоположные смыслы и несочетаемые слова, открывая горизонты неуловимых чувств, абсолютно новых и пронзительных. Поэт чувствует на пределе и за пределом и свободно передаёт словами то, что чувствует, работая то на точных, то на банальных рифмах, то на ассонансе. Это указывает на виртуозное владение поэтическим инструментарием. В работе над стихотворением

автор подчиняется исключительно творческой интуиции, обосновывая своё право:

*Но, отступив, я верен красоте,
И, преступив, я знаю: это свыше...*

В книге немало стихотворений, в которых идея и её воплощение достигли совершенства и которые хочется выучить наизусть.

* * *

*Остановите время, я сойду.
Мне осенью так хочется забыться,
Среди аллея растаять на ходу
И никогда назад не воротиться.*

*Остановите время – я устал
От мельтешенья и жужжанья речи.
Я сам себя навеки испытал –
Мне птичья речь дороже человечей.*

*Так смутно и привольно на душе.
Идя осенней липовой аллеей,
Я понимаю: нам не цвести уже –
Под снегом утро серое белеет.*

*А посему – остановите дни,
Которые, наверно, не напрасно
В раздумьях сердце вещее хранит:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»*

В книге Александра Суворова шесть разделов, в которых представлены и новые стихи, и относящиеся к прошедшему десятилетие. Отсюда книга цельная, плотная, как спил дерева, одновременно показывающий кольца длительного

роста, что афористично определено самим автором в коротком стихотворении-четверостишье:

* * *

*Когда уже привыкнешь жить,
То жизнь не кажется привычкой –
И начинаешь дорожить
Её мельчайшею частичкой.*

Книгу пронизывают несколько настойчивых тем, как исконных, глубинных – обязательных для настоящего русского поэта – тем России, Родины, народа, места поэта в мире, любви, так и сугубо индивидуальных, близких именно Александру Суворову тем детства и детской ранимости, Москвы, неприкаянности, смерти.

Эти темы структурируют массив слов и строк, сплетаются и расходятся от стихотворения к стихотворению, чередуются, сменяют друг друга, объединяются, либо вступают в противоречие, создавая тем самым великое разнообразие образов при строгом отборе средств.

Россия, Родина, русский народ – вечная тема большой русской поэзии, которая у Суворова раскрывается в мотивах причастности к судьбе России, в совместном несении тягот, в сочувствии к выстрадавшему Родиной, в верности ей. Но и здесь проявляется индивидуальность поэта, который делает акцент на сыновней зависимости, на готовности принять как нежность, так и суровость Матери.

В теме России-Родины звучит непрекращающийся диалог с поэтами русской плеяды, близкими и чуждыми, классиками и современниками, где по-прежнему ведутся скрытые споры, остаются ненайденными ответы на животрепещущие вопросы, ждут своего развития извечные русские идеи. В стихах Суворова слышен продолжающийся на равных разговор с великими; и не только с поэтами, но и с философами, историками, религиозными деятелями.

*Снегами – скатерти камчатные,
Веками – синие снега,
Вином и кровью позаятнаны.
В полмира след от сапога...
(«Девятьсот семнадцатый»)*

*Нам вещали пьяные пророки,
Нас блаженные облобызали.
Им внимали стены да сороки
На пустом кладбищенском вокзале.*

*Нашей кровью истекли святые,
Нашим прахом умостили замки –
Правды нет. В душе давно пустыня –
И её не оросить слезами.
(«Вы пройдёте мимо этих башен...»)*

*Как холодно в России Рождество,
Промозглые и дымные рассветы –
Христос продрог, и, чтоб согреть Его,
Не хватит даже солнечного света.
(«Холодная улыбка Рождества...»)*

*Власть зла над русской землёй,
Неистребимая веками.
Кровь под запёкившимся Кремлём,
Чьи башни кажутся кльками,
Бурлит подземными толчками.
(«Власть зла над русской землёй...»)*

Отсюда начинается разговор о мире, открывающемся после прочтения того или иного стихотворения, тех или иных строк. Какая пластика, как богат зрительный ряд, как всё исполнено болью и трагизмом, даже если коснуться двух кратких строк:

*Посмешище для всей земли,
Пылит немая Россия...*

Образ России максимально приземлён. Эхом проступает лермонтовское «Прощай, немая Россия, страна рабов, страна господ...», но у Суворова трагизм строится на горькой иронии, на контрасте между очевидно уничижительным портретом страны и значительностью идеи, которой она живёт, словно бы не замечая, какой предстаёт в глазах всей земли:

*И всё ей видится вдали
Средь поруганья и бессилья
Небес таинственный Мессия.*

Здесь и согласие с очевидным, и настояние на по-прежнему непознаваемой силе вновь разорённой, как сто и двести лет назад, России, где «народ... велик в несчастьи, беден в праздник...»

Портрет автора, неприкаянность и смерть. Самосознание, самооценка – тема, к которой неизбежно приходят поэты в моменты раздумий, когда нельзя высказаться, не определив свою точку зрения, своё место в мире и в конкретной ситуации. При этом часто первоначальная проблема остаётся за пределами стихотворения, зато размышления автора о своей роли в её решении, о своих душевных порывах сохраняются в поэтических строках. Для Александра Суворова осмысление поэтического призвания, человеческого значения и собственного места в мире и истории неразрывно связано с темой России, сопряжено с раздумьями об одиночестве, итогах жизненного пути.

*Ну а ты, плывущий на скорлупке,
На сосновой щепке по ручью,
Всё считаешь, маленький и хрупкий,
Что тебе любое по плечу?..*

*Но вот и жизнь глядит с листа:
Всё сказано и всё допето,
Осталась только простота
И ясность Божьего Завета.*

*...Жизнь дана, чтоб умереть когда-то –
И будешь в этой смерти одинок.*

*Когда уже не станет в жизни сил
И треснет в сердце вечная основа –
Уйду скитаться по Святой Руси
До самого конца пути земного.*

Умирает не старший – созревший...

Однозначно определён срок. Поэт живёт, пока чувствует в себе способность меняться, находит в себе силы продолжать рост. Остановка – смерть, если не физическая, то творческая.

*И это знание разъедает сердце
Предчувствием спешащей рядом смерти,
Ещё не видящей, к кому она спешит...*

И быстрыми штрихами образ автора – чудесное стихотворение-автопортрет, написанное словно бы по отражению в глазах дорогого собеседника.

* * *

*Я звук
На твоих губах,
Я твой слух,
Я мольба о своём...*

*Я – ходьба
Под дождём
В ожидании
Молнии.*

*Я – свидание,
Полное горечи,
И желание,
Полное немочи.*

*Я – свеча
В полночи.
Вот, что я...*

Тема Москвы. Стихи Москве посвящали многие поэты. Казалось бы, на первый взгляд, нет тут новизны и нет причин выделять эту тему как особенную. Но только у Александра Суворова, едва ли не единственного из современных поэтов, в том числе москвичей, обращение к своему городу так настойчиво и последовательно. Нет ни одного поэта, который на протяжении одной книги столь часто обращался бы к Москве, соотносил своё и её самосознание, самочувствие. Эти стихи писал житель Москвы, непрестанно ощущая на себе взгляд города. Москва для Суворова – объект наблюдения, размышления, среда обитания, прибежище, защита. В строках о ней тревожное чередование любви и отчаяния.

*Как холодно! Лишь бьёт метель кресты
Василия Блаженного, а выше –
Нет звёзд, одни лишь сгустки черноты
Да ливень снежный мечется по крышам.*

*Но нет отчаянья, одно лишь чувство – боль...
(«Красная площадь»)*

*Был город светом упоён,
И каждую минуту
Казалось: каждый в нём спасён
И не лишён приюта.
(«Московское Рождество»)*

*Который день мне снится ад,
Одни и те же дни и лица.
Я улыбаюсь невпопад
В лицо оскаленной столице.*

Тема незащищённого детства в интерпретации А. Суворова оборачивается скорбной (если не страшной) стороной – темой сиротства, разрастаясь и переплетаясь с темой Родины, в которой так непросто бытие обычного человека, на своей же земле чувствующего себя сиротой, оставленным без внимания и заботы.

*Отчизна, откликнись! – я здесь,
Я твой человек неизвестный.*

*По-сиротски дышится в Отчизне,
В городах приютский уют.*

Упоминание о детях в стихах Суворова всегда трепетно, строки проникнуты нежностью, которую поэт не афиширует, но и не скрывает, что свойственно сильным людям и сильным поэтам, не боящимся упрека в сентиментальности.

Точно и страшно нарисовано бессильное детское горе, одиночество беспомощности, куда безразличием взрослых ввержены дети.

...Эта ночь мне кажется гробницей.

*А в ночи мерцает Детский дом,
Словно лайнер, дальними огнями, –
Это души, скованные в нём,
Это детки плачут перед сном
Жаркими, беззвучными слезами.
(«Детский дом»)*

Тема любви. И эта тема, как и все прочие, как и само настроение книги, у Суворова полна трагизма. Обоожествление чувства любви и предмета любви – и тут же ирония, признание автором естественной прозаичности счастливых мгновений. Наряду с очень светлыми, прозрачными воспоминаниями постоянный рефрен – всё проходит; более того – всё прошло.

*Тебя, с кем можно забывать
Всё. Даже имя.
С тобою можно жизнь пройти
И не заметить.*

*С тобой по улице идти,
Что тоньше нити,
Услышишь – улицы гудят –
Не разминитесь!
(«Пусть»)*

* * *

*Наших встреч ворованные ласки
Навсегда останутся в душе.
Стихли звуки, и огни погасли
Где-то на последнем этаже.*

*Нам такое изредка даётся –
Обмануть постылую судьбу.
Всё проходит, счастье остаётся
Пулей в сердце, в цинковом гробу.*

*Злым оскалом, тусклой вереницей
Не всегда влекутся наши дни.
Завтра может солнце измениться,
Только нам себя не изменить.*

*Наших встреч ворованные ласки
Навсегда останутся в душе.
Даже если в мире всё напрасно –
Есть окно на верхнем этаже.*

И яркий пример переплетения ведущих тем – любви, разлуки, Родины, Москвы – в четверостишье, где пунктирно нанесены главные вехи.

*Помилуй, Боже, тьма над Петроградом
И над Москвой полуночной зима.
Мы далеки, сердца – должно быть, рядом.
Нас заточила Родина впотьмах.*

Тема поэзии неизбежно вытекает из автопортрета автора, что-то уточняя в чертах конкретной личности, что-то обобщая до всеобщего образа поэта. Редкие и краткие вспышки творческого успеха и признания происходят на фоне неустроенного быта, неостребованности стихов, неудовлетворённости собой, сомнений в истинности призвания.

*Поэзия – вот там. Она с земли гонима,
Где звёздный свиток свит, нетронут пред тобой.
На четырёх ветрах неведомо стоим мы
Над твердью бурых волн, над тьмой. Глаза закрой.
(«Поэзия»)*

*...Муторна музе рубашка чужая,
Даже, случись, если собственной нет.*

*...Старался я место святыне
Найти среди грешных искусств.*

* * *

*Скачи, полночный вестовой.
Ты за день, верно, притомился,
И блик над светлой головой
В уставший пепел превратился.*

*Войди же в ночь и поспеши
Сказать нечаянное слово.
Светло здесь – это свет души,
Ослетшей от луча дневного.*

*Никто не может омрачить
Прощанья с днём – последней дани.
Мы вечно – странники в ночи
Под звёздчатыми куполами.*

В стихотворении отчётливая аллюзия на утраченный роман Даниила Андреева «Странники ночи», чтение которого завершилось катастрофой для десятков невинных слушателей, обречённых в итоге на суровое странствие к собственной гибели под «звёздчатыми куполами» православия, также поверженного свирепой властью. Отсюда неимоверна глубина короткого стихотворения, одного из тех, которое просится быть выученным наизусть.

Книга прочитана.

Чтобы составить о книге представление, её достаточно прочитать один раз.

Чтобы написать о том представлении, которое составилось, надо прочитать как минимум второй раз. Чтобы понять те смыслы, которые заложены автором в его стихи, надо читать и читать.

Нет необходимости настаивать на жёсткой систематизации стихотворений по темам, такой разбор проведён для лучшего понимания авторской индивидуальности, зашифрованной в настойчивых повторениях, указывающих на их значимость для поэта.

Есть в сборнике стихотворения, которые касаются иных тем, затрагивают иные струны жизни. К примеру, прекрасное стихотворение о Христе «Они считали деньги...», или философски глубокое, с осенним настроением стихотворение «Грибною тишиной укутан вещей бор...», или наполненное силой душевного сопротивления стихотворение «Мы в ночи оседлали крылатых коней...», продолжающееся словами: «Век двадцатый, ты смрадом могильным пропах, / Увлекая живых за собой».

Современная поэзия, в отличие от классики ушедших веков, внутри которых уже всё выстроено, все имена названы, все ступени заняты, – многолика, в ней пока всё обрывочно, противоречиво, субъективно, мнение о ней опирается на несистематизированные сведения. Рейтинг конкретного поэта неустойчив в виду меняющейся картины, постоянно открывающей новые имена и одновременно хранящей в неизвестности те, которые займут свои ступени лишь впоследствии.

Одно очевидно и несомненно: главными темами современной поэзии остаются те же вечные темы, что и прежде, и всегда. Меняется лишь антураж и голос поэта – то личное, что привносят в искусство Бог и человек.

Мгновенные впечатления, полученные поэтом и отлитые в художественные образы, их осмысление, интеллектуальная и творческая обработка, – вот отчётливый и неповторимый портрет автора, собранный в искреннюю книгу. Именно такой является книга стихотворений Александра Суворова «Свет невечерний», которая завершается строками:

*Меж смертным и бессмертным светом
Видна незримая тропа.*

Где я считал себя поэтом,
Одна любовь была слепая.

Мы там живём без осужденья,
И дышит трепетный простор
В молитвенном благодареньи
Тому, кто день в ночи простёр.

2014

Стихи поэта – его дом

поэзия Алексея Решетова

(опубликовано: Решетовские встречи:
Литературно-художественный альманах. № 5. 2017. Березники)

Читатель оценивает стихи по принципу, насколько точно переданы в них его собственные настроения, порывы, переживания, мысли. Особенно ценит читатель способность поэта ясно высказать то смутное неназванное, что он никак не мог облечь в слова. И вот слова написаны.

Читатель ищет в поэзии совершенство – ясность мудрой фразы, высоту чувства, красоту мира.

Критик, если сам не поэт, но эрудирован в области литературного творчества, ищет в стихах изучаемого поэта черты, позволяющие обобщить творчество, найти ему место в исторической системе стилей, приоритетов, то есть определить сходство с кем-то, с чем-то. Отчего-то критиков почти не интересуют отличия – индивидуальные неповторимые черты поэта. А они всегда есть – как внешность, как голос. Поэтическое творчество всегда индивидуально.

Поэт оценивает стихи не как читатель, не как искусствовед. А как соперник, который знает себе цену, но и не может не видеть достоинства другого. Поэт всегда увидит в стихах другого поэта что-то своё собственное, что обдумывал, что уже сказал, но своими словами. К чему сам стремился в своём искусстве, чем гордился в самом собой написанном, то улавливает и в чужих стихах, пристрастно, со здоровой завистью к удаче. Таков цеховой момент,

который первенствует в оценке поэта поэтом. Неизбежно, рассказывая о другом поэте, поэт невольно расскажет о себе. Поэтому, вольно обнажая этот невольный принцип, можно построить статью о поэте, не пряча собственного лица.

Что я вижу сразу, окунаясь в стихи Алексея Решетова, – так это его верность самому себе, преданность излюбленным темам, последовательность обращения к ним на протяжении жизни. С первых стихов до последних он на одном дыхании говорит о любви. И это такое невероятно длинное дыхание, которое раскладывается на множество кратких стихотворных мгновений. Сила Решетова в его спокойной верности высокой поэтической традиции, когда стихами пишется только то, что не может быть выражено в прозе. Это очень серьёзно. Среди его стихов нет таких, которые могут вызвать подозрение, что перед нами зарифмованная прозаическая тема. Его стихи не несут информации, но несут настроение. Вот где искусство. Поэт находит такие простые, лишённые пустого пафоса слова, такой их золотой минимум, что стихи прочитываются с полным ощущением того, что они на этом же дыхании написаны. Попробуем взять несколько примеров и мысленно переложить их в прозу. И проиллюстрируем, как мгновенно исчезает поэтическое и в чём оно пребывает.

*...В ожерелье сереньких прищепок
Женщина спускается с крыльца.
(«Дворик после войны»)*

*...Сонный лось жуёт кувшинку,
Зативает из реки.*

Тут пауза, когда мы мучительно пытаемся сказать то же самое прозой...

В продолжение рассуждений, после того, как сделана попытка изложить примеры прозаически, выявляется ещё одна важная особенность поэзии Алексея Решетова: изы-

сканная краткость. Поэзия – кратчайший способ передать гигантский комплекс впечатлений и ощущений, – то, что называется настроением, – в нескольких строках, тогда как в прозе, чтобы хотя бы приблизиться к воссозданию искомого настроения, потребуется гораздо больше слов. Чувство меры у Решетова безукоризненно. Поэтому большинство его стихов короткие, – тема исчерпана, идея виртуозно реализована, настроение создано. Поэт умолкает точно в нужном месте – ни раньше, ни позже.

Женский портрет

*Кто из нас о таком не мечтает,
Когда пьёт в одиночку вино:
Вот сидит она, что-то читает
Или вяжет... Не всё ли равно?
Тень заботы на личике смуглом.
Свет нездеиных небес из-под век.
И в тугом животе полукруглом
Безмянный ещё человек.*

В данном ритме, в данной теме сколько можно было бы продолжать, причём содержательно и мастерски. Как же это соблазнительно. Первое наипростейшее испытание таланта – умение вовремя остановиться. А как легко стелются строки и прямо-таки умоляют вложить в них слова.

*И та-та-та та-та-та та-та-та,
Чуть та-та-та та-та-та та-та,
Вот та-та-та та-та-та та-та-та
И та-та-та та-та-та та-та...*

Если бы такое продолжение было, никому бы из читателей и в голову не пришло, что всё, кроме первых восьми строк, совершенно лишнее и портит избыточностью уже созданную картину человеческого счастья. Другой поэт с меньшим чувством меры, даже не понял бы, что губит идею,

продолжая то, что так свободно и музыкально, так насмешливо и коварно увлекает продолжать.

Множество замечательных портретов нарисовано Решетовым: и людей, и деревьев, и птиц, и животных. Портретист среди художников – явление редкостное, дар опирается на непритворную любовь к модели. Стихотворным портретам руки Решетова придают мягкости уменьшительные. Они показывают, с каким одобрением, симпатией, нежностью смотрит автор на любой объект, привлёкший его внимание, с желанием приласкать, готовностью сострадать.

*...Скрипач, что на войне ослеп,
Водил смычком над чёрной скрипкой,
Как будто резал чёрный хлеб...*

*Знакомая заповочка
Слышна издалека,
Неведомая девочка
Идёт от родника.
А ветер вьётся около,
Горят цветы кругом...
В одном ведёрке – облако,
И солнышко – в другом...*

В поэтической речи Алексея Решетова неизменно присутствует чувство юмора, благодаря которому образное пространство раскрывается с особенным размахом, с неожиданным лихим поворотом. Афористичное слово рождается из впечатлений, которые извлекает из окружающего мира острый прицельный взгляд поэта. Остроумие и краткость – основа афористичности.

*...Кого-то из нас утомит постоянство.
Но я тебя брошу, как птицу, в пространство,
А ты меня бросишь, как камень, на дно.*

И ещё замечательные строки, над ними я, как поэт, забываю свою позицию ревнивого соперника, становлюсь благодарным читателем, для чувств которого найдена абсолютная формула:

*...Я встреч с тобой боюсь, а не разлук.
Разлуки нас с тобой не разлучают.
(В.Н.)*

Другая грань остроумия – изобретательность, способность к созданию метафор, талант вскрыть неожиданные стороны объекта или ситуации и построить параллельный смысловой ряд.

*Какие чудо-маки <...>
И, словно пули в сердце,
Входили пчёлы в них.*

Афористичность, метафоричность, краткость – замечательные черты поэзии Алексея Решетова. Поэзии сугубо индивидуальной, в пространстве которой отчётлив образ самого поэта – умного, спокойного и сильного, вызывающего доверие. Ведь стихи поэта – это как бы его дом. Бывает, войдёшь в дом – и не за что зацепиться, не из чего составить мнение о характере, о пристрастиях хозяина, будто это гостиница. Зато как хорошо, когда войдёшь и по обстановке, укладу увидишь, сколь его хозяин радушен и интересен.

2017

Женщина в саду камней

о книге Игоря Терехова «Зимний сад камней»:
Сихи и удетероны (Нальчик, ООО «Тетраграф», 2015)

Замечательный эпиграф-посвящение: «Той, что постоянно спотыкается об эти камни, – Юлии».

Сад камней

*Сад камней у пыльной дороги.
Всего лишь несколько валунов.
Но как красиво Бог смахнул
хлебные крошки с ладони.*

Книга разгоняется не спеша. Камни и камешки цветные, разные, есть повеселее, есть трагичные, есть затейливо мудрёные, есть открытия, есть острые, есть провокационные, есть циничные. Есть очень точные наблюдения, извлечённые из аналитических размышлений о своей собственной реакции на всё на свете, включая близких и неблизких людей, явления в природе и обществе, бытовые и неординарные ситуации.

* * *

Провинциальные города – как старые удобные костюмы, – всегда нам рады.

* * *

Сон – последний дар человека, который нельзя отнять даже у нищего.

* * *

Лицемерие охоты человека за человеком – чудовищно, вне зависимости от того, кто является охотником, а кто – жертвой.

* * *

Старость – это борьба с ежедневным унижением тебя собственным организмом.

* * *

Бог был одним из возможных решений, и вряд ли когда-нибудь нам удастся найти другое, столь же удачное.

У автора множество красивых быстрых зарисовок природы в разных её проявлениях. Главные герои – собаки, птицы, цветы, деревья. Чувство, с которым к ним обращается поэт, тёплое и благодарное.

Маргаритки

*Маргаритки в траве возле памятника –
Как представители третьего сословия
Перед дворцом во время коронации.*

Небесное ожерелье

*Тёмные жемчужины облаков
Рассыпались по голубому небу.
Кто, богиня, посмел сорвать твоё ожерелье?*

* * *

Деревья и камни научат тебя тому, что ты не сможешь услышать от учителей.

* * *

Хрустальные деревья февраля.

* * *

По мокрому тротуару стучат летящие с деревьев лакированные шарики каштанов.

* * *

Подстриженная акация, как павлин, распускает хвост из зелёных ветвей.

* * *

Уже желторотая зелень городских окраин тычется в ботинки.

Можно привести и другие цитаты с безукоризненно выраженной в них тонкой мыслью, но перевешивает главная тема книги. Она проступает словно невзначай, постепенно и сначала озадачивает, потом волнует, потом тревожит, потом осознаётся как ключевая и наконец требует отнестись к ней со всей серьёзностью. Все прочие удачи автора легковесны рядом со строками, которые посвящены весомым телесным отношениям мужчины и женщины. Со всех иллюзий сброшен флёр. Галатее с убеждённой уверенностью возвращена к состоянию материала.

Несмотря на отдельную главу с остроумным названием «Бескрайняя плоть», вместившую в себя основной пласт плотской тяжести, по книге рассыпано ещё множество блёсток, достойных того, чтобы их отыскать, скривиться или восхититься, но непременно принять к сведению. Это фактически «Наука любви – 2». Руководство, чем понравиться, как запомниться, на что рассчитывать женщине при встрече с мужчиной. Это – мужское зеркало, в котором отражается вовсе не то, что видит женщина, глядя в своё женское зеркало. Игорь Терехов завлёл женщину в сад камней и там не без юмора внушил, что не следует обольщаться, – она та книжка, которую читают с конца.

Гендерное – II

Мужчина и женщина...

*Перпендикуляр пытается понять,
Куда уходят параллельные прямые.*

* * *

Их обнажённые тела слились в иероглиф любви.

* * *

В темноте я увидел перед собой белое облако – это был её зад.

* * *

Женщина со взглядом убийцы всякой эрекции.

* * *

И входные створки алтаря любви сложились в благодарную улыбку.

* * *

Вёл себя как гинеколог: искал проблемы там, где все остальные ищут счастье.

Конечно, поэт свободен высказываться, как ему подсказывает его дар. Но вышеприведённые примеры о физическом телесном даны здесь мной с одной лишь целью: выяснить, отчего все прочие стихи и удетероны Игоря Терехова бессильны перед довольно бесхитростными стихами о физическом? Куда-то в тартарары физиологии улетают прекрасные строки:

* * *

Тебе ещё предстоят маленькие трагедии.

* * *

Самоубийца – это человек, не желающий стоять в очереди для встречи с Богом.

* * *

Перекрестился в церкви за безрукого солдата.

* * *

Все, кого я учил стрелять, в конечном итоге выбрали меня своей мишенью.

* * *

Осень напоминает аэродром, с которого улетают самые дорогие для вас люди.

* * *

Тот, кто думает, что всё уже было, держит удочку не той стороной.

* * *

Как жить – спросил меня в письме тот, кого я спросить собирался о том же самом.

В книге «Зимний сад камней» налицо столкновение искусства и натурализма. Тема женщины страшно утяжелена, потому что строится не по законам искусства. В поэтическом мире открылся медицинский кабинет. Борьба не на равных. Даже не превалируя количественно, тема женщины однозначно берёт верх над высокой интеллектуальностью, духовностью, изяществом других стихов.

2018

Фагот

*о книге поэта Александра Бутузова «Стихи»
(Москва, 2014)*

Чтение всегда созидательно. Его главная функция – в созидании мысли в голове читающего. Читать надо любые книги и не беспокоиться, насколько разумно потрачено на них время. Гарантия качественного чтения – классики. Гарантия неожиданного открытия – современники. Попал в руки сборник Александра Бутузова, известного в мире богемы как Фагот, «Стихи». Выпущен родными в годовщину смерти автора, умершего 26 июня 2013 г.

Стихи. Короткими репликами. Узкими колонками. Без знаков препинания. Поток сознания. Практически не обработанный, но тем и ценный, – это поток сознания из потока молодёжного протеста 1970-х. Биография, которая вплетена в историю легендарных рок-групп «Машина времени», «Воскресенье». В стихах Фагота вибрирует готовность быть немедленно спетыми. Многие спеты. И всё же это стихи, не тексты. Потому что ориентированы не на внешний эффект, а на внутренний мир. Здесь открытость, спокойная самоирония, отсутствие самолюбования. Человек один на один с самим собой. Размышляет. Не сетует, не мечется, оценивает имеющееся, прошедшее, будущее. «Внимание к самому себе предполагает практику исследования совести. Знаменитый монах Антоний советовал ученикам делать это письменно», – говорил историк философии Пьер Адо.

Книга Фагота – письменное исследование совести: «Живу, в самом себе кочуя...» Непривычное явление для стихов, хотя именно этого от них и ждут. Автор мало за-

ботился о будущем своих произведений, рассматривая их, судя по всему, как процесс, а не итог. Далеко не каждая мысль гениальна или уникальна. В основном это проходные мысли либо фиксация внешних обстоятельств. Таков поток сознания. Но с настойчивым постоянством выстреливают пронзительные откровения.

*Как упрямо дороги / Нас приводят на суд
У осени твои черты / Твои привычки
В чём истинная помощь / А в чём обыденная ложь
И попробуй-ка, / Обнаружь-ка / В нас хоть что-то, /
Что любят кошки*

*Фонарь вдалеке желтеет / Глазами голодной волчицы
Ты, / Просытаясь сегодня, / Уснул во вчера
Окуни меня в утро ночи
...Кто прав, а кто лев?..
Ни музыки, ни музы.
...Звуки / На кленовом холсте осеннем
И ушёл ...понедельник / Даже свет за собою потушил.
Снежные крылья за птичьим плечом.
Покрылись стены Храма цветом крови.
Сколько ещё потерь / Жизнь у меня отнимет*

На гибель подводной лодки «Курск» 12 августа 2000 года написано стихотворение «Море горя. Реквием». В современной поэзии мало подобных по силе и честности строк – откликов на эту трагедию.

*Похоронена морем лодка.
По стаканам разлита водка
Поминальная, с чёрным хлебом.
Чтобы море им было небом.*

*Та беда, что случилась с Курском,
Стала в сердце не только русском
Болью горюшка человеческого.
Что поделаешь? Скажешь? Нечего.*

*Двести полных жизни мужчин,
Не имеет значения чин.
Важно только теперь одно,
Чтобы пухом им было дно...*

*...Имена мы запомним, лица.
И пусть слёзы текут по свёчам.
Нам осталось только молиться.
Чем ещё поделиться?
НЕЧЕМ.*

Люди меняются. Разгильдяи становятся мудрыми. Нельзя уклоняться от книг современников, отставать от их неровного пульса, отсиживаясь в уютном прошлом. Даже не взяв, не раскрыв, не прочитав стихи современника, мы всё равно причастны к ним. Это – кредо Фагота, эпитаф, взятый им к одному из стихов:

*...Если происходит при мне,
Значит, происходит со мной.*

2018

«За каждой строчкой проступает флот...»

поэт-подводник Сергей Быстров

Поэт не выбирает время. Время выбирает поэта, призывая высказываться прямо.

На первый взгляд кажется, что лицо автора – в его военноморском ореоле, в морской атрибутике его стихов, их классической манере, ритмической военной строгости, в тематике, связанной со службой на атомной подводной лодке. В руках несколько небольших сборников, тонких книжечек – анемичных детей смутного времени перестроечной России. Но на каждой странице плещет морская рифма: мазут – дадут, кренится – птица, цветов – бортов, участь – плавучесть, залива – комдива, дома – старпома, причала – заскучала, в снастях – в гостях...

Но как ошибочен бывает первый взгляд. Как меняется картина представлений, когда, не торопясь, бороздишь стихию стихов. Да, время выбирает того, кто не прогнётся, кто настойчив, честен, бесстрашен, непримирим. А поэзия выбирает нежного, тонко чувствующего, внимательного к окружению, по-детски открытого. И вдруг в одном человеке, кадровом военном, моряке подводнике, слово которого опирается на толщу морских глубин, сходятся противоположности, и сочетание несочетаемого создаёт гармоничное целое. Уникальность стихов Сергея Быстрова в этом.

Первые стихи – поэту 21 год – опубликованы в газете «Балтийский Луч» в 1976 году. С 1985 г. (поэту 33 года, он всё ещё молодой поэт) – член ЛИТО «Путь на Моря». С 1994 г. – член международной ассоциации писателей

баталистов и маринистов (отделение СПб). Этот год ознаменован изданием первого поэтического сборника «Я неправильно живу» (1994). От первой публикации в 1972-м до первого сборника прошло 22 года...

С нежностью о доме, земле, траве, деревьях. Об открытом, полном воздуха мире, с которым встречи кратки и случайны, мысли о котором тем неотступнее, чем глубже уходит подводная лодка. Краткие встречи, возвращение на минуты в любимые места, к дорогим людям.

*...Через час опять растает
Наше детство под крылом.
(«Пролётом»)*

Много искренних, трогательных стихов обращено к жене.

*Наш корабль, словно воз, перегружен –
Горы разных снастей и вещей!
Нет среди них ни одной ненужной,
Но есть что-то гораздо важней.*

*Всё так мелко,
вторично
и зыбко...
Нет нужнее на корабле
Беззащитной твоей улыбки
С фотографии на столе.
(«Наш корабль, словно воз, перегружен...»)*

И через благодарность к жене, хранительнице дома и семьи за её верность и терпение неожиданно, как бывает только в поэзии, разворачивается уважение к родине, преклонение перед её необъятностью.

*...Да, быть женой подводника
несладко –
Тяжёлое для женщины ремесло.*

*Вот почему
так много разведённых
И холостых
среди военных лиц,
Виной тому
не в золоте погоны,
А отдалённость
и длина
Границ.
(«Я в будке телефона-автомата...»)*

Во многих стихах обращает на себя внимание визуальная ступенчатость. Слова одной строки, которая вполне бы уместилась на странице, выстраиваются по вертикали, с отступами и без отступов, создавая своеобразный нервический рисунок, требуя раздельного прочтения, полного осознания значения каждого слова. Особенно настойчиво это проявляется в суровом стихотворении «Память», посвящённом, как сказано в эпиграфе, «всем подводникам, отдавшим жизнь при исполнении служебных обязанностей».

*Вы слышали,
как звенит
Тишина
В огромном подводном мире...

...Воздух
по капле
Тянуть...*

Отсюда, из этого стихотворения с этим посвящением возникает раздумье о подвиге. Автор стихов сам поднимает этот вопрос. Что такое подвиг? И отвечает убеждённо, спокойно, без пафоса стихотворением «Третий тост».

*Земля им будет пухом –
Сегодня сорок дней.*

*Витюха,
хлеб понюхай.
А ты, старлей,
налей.*

*Случилось –
жизнь отдали
За весь наш экипаж.
А подвиг был едва ли.
Припрёт –
и ты отдашь...*

Следующие сборники – «Мгновения», «Книга трёхстиший» – появятся только через 7 лет, в 2003-м. Следом, в 2004-м, «Мне снился флотский экипаж». Даже в лирических стихотворениях, не связанных с морем и со службой, проглядывают слова, возвращающие к призванию.

*И для каждого времени года
Есть приметы свои
и устав.
(«Лето...»)*

Поэтическая зрелость Сергея Быстрова пришлась на тяжёлый для страны переходный период от СССР к новой России, от надежд к отчаянию, среди потерь территориальных, моральных, человеческих, когда началось массовое бегство за границу. Лучшие же остались верны своей земле. Об этом стихотворение «Родине».

*Всё, как в прежние времена,
До кощунства невыносимо:
Богом проклятая страна
Бюрократов и подхалимов.*

*Увядающая земля
Непонятнейшего режима.*

*Всё разложено до нуля,
Разворовано,
но
Любимо!*

Краткость, ёмкая краткость, не задрапированная красотью и многословием, дающая самую суть, отличает этого поэта. Отсюда трёхстишья, по принципу родственные хайку, осмысление впечатления, неожиданный вывод, а в целом – точная зарисовка.

* * *

*Вагонные колёса
Жуют минуты...
Вечность несъедобна.*

* * *

*Трудно судить о небе,
Когда вглядываешься в разбитое зеркало
Грязных замёрзших луж.*

* * *

*Солома на ветру
В осеннем поле
Поёт о прошлом.*

Замечательна и достойна восхищения деятельность Библиотеки семейного чтения г. Ломоносова по сохранению памяти Сергея Быстрова, поэта-подводника, преподавателя мореходных училищ на Балтийском флоте – Высшего и Ломоносовского. В 2018 году библиотека второй раз инициировала и провела литературно-патриотический конкурс. На вечере поэзии вместе со стихами победителей звучали и стихи Сергея Быстрова, в первую очередь «Я дома у себя, в

России!», ставшее девизом конкурса. И если открыть стихотворение в книге – покажется, что поэт никогда не знал нервной ступенчатости отношений с морем, так неторопливо и свободно стелются строки.

*...В заливе парус – белой точкой.
Залился соловей шальной.
И я шагаю белой ночью
Из русской бани чуть хмельной.
Я дома у себя – в России...*

2018

Сила спокойного взгляда

поэзия Натальи Аришиной

(опубликовано: Москва. 2019. №10. «Поэзия как вера»)

Среди стихов надо потолкаться, пообтереться среди них, как среди новых людей. Так, бывает, оказываешься в экскурсионной группе или в кругу унылых попутчиков авиарейса, если он надолго откладывается. И сначала люди, с которыми на время свела судьба, кажутся чуждыми, даже враждебными, но потом начинают говорить, улыбаться или хмуриться – и тогда вдруг раскрываются их характеры, разворачивается взаимодействие. Расставаясь с ними, уже сожалешь о потере, потому что неожиданное соприкосновение стало достоянием души. Таковы стихи, их образы прочитываются не сразу, постепенно, вылепляются в результате отношений с ними, путём припоминаний и возвратов.

Сколько надо прочесть у поэта стихов, чтобы высказаться с определённой ясностью? Что значит – с определённой ясностью? Значит – без ошибки, объективно, окончательно. Но поэт жив, он не окончил свой путь, его искусство продолжает давать плоды. Он возьмёт и нарушит всякую определённую ясность. Или замолчит. Или заговорит неожиданно ново. Надо ли изучать все периоды творчества, чтобы высказаться с объективностью, или взять новейший? Скажет ли что-либо первый период? Что скажет «Избранное»? Понимать, чувствовать или видеть? Художнику можно верить? Художнику надо верить? Не обязательно. Ты сам себе художник, когда встаёшь лицом к лицу с его произ-

ведением – картиной, скульптурой, стихотворением... Сам отвечаешь за результат встречи.

Крайне важно, чтобы стихи были собраны в книгу, а если не в книгу, то хотя бы представлены авторской подборкой. Книга – объект значительно более высокой сложности, чем россыпь стихотворений. Поэтическая книга – композиционный ряд, который выстраивается поэтом на основе его тайных внутренних приоритетов и знания о своих стихах, которое есть только его достояние. В постановке стихотворения там или здесь может сыграть роль даже его размер, зрительная масса.

В моём собрании шесть книг Натальи Аришиной, знакомство с которыми составило основу отношения к поэту: «Терновник» (2003), «Поблажка» (2008), «Сговор слов» (2008) – книга двух поэтов – Натальи Аришиной и Ильи Фаликова, «Двойная черта» (2012), «Сто стихотворений» (2013), «Форель для милого» (2018). Некоторые книги с дарственными авторами. Годы написания стихов нигде не указаны. Кроме книги «Сто стихотворений», которая может рассматриваться как избранное, построена хронологически.

«Терновник» 2003 года, самый ранний из имеющихся у меня сборников. Ему предшествовали «Зимняя дорога» (1985) и «Прощание славянки» (1994). В «Терновнике» много скрытого трагизма. Центральный цикл «Верблюжонок». Много моря – холодного, тёплого, разного. Много о снах. Ведь стихи как сны. В них что-то есть неуправляемое. Эта книга более живописна, ясна, чем позднейшие. Много народных мотивов, много песенного, много цвета.

«Поблажка» издана через пять лет после «Терновника». В ней меньше грусти, которая вытесняется бытовыми мотивами. Здесь они закрепляются и в последующих сборниках уже превалируют. Но именно в «Поблажке» появляется пласт стихов, которые непонятны. То есть я не понимаю, что хотел сказать поэт. Вроде бы не обязательно понимать – достаточно чувствовать. Но я догадываюсь, что, не понимая, остаюсь вне очарования стиха. Он нуждается в понимании! Он не может существовать, не будучи поня-

тым, не может производить соответствующее впечатление на меня. С такими стихами читателю, который менее эрудирован, чем поэт, приходится разбираться самому. Если же объяснения не находится или не удаётся установить связность, остаётся отпустить произведение на волю и наслаждаться только тем, что доступно: отдельными строками, отдельными цветными пятнами... По-своему благодатное состояние – поручить себя воле мастера и лицезреть, как он выстраивает понимание и настроение, создаёт впечатление. Стихи Натальи Аришиной ненавязчиво учат. Автор не позволяет себе усомниться в знаниях читателя и не даёт комментариев. Да, они объяснят стихи, но они же одновременно покажут недоверие автора к образованности читателя. Поэт демонстрирует, что он с читателем на равных, возвышает его до себя. Это почётно, приятно, но требует серьёзного интеллектуального труда.

«Поблажка» из чисто аналитического интереса была проанализирована на наличие цветowych эпитетов. В основном – чёрный и белый. И золото. Есть единичные вкрапления, с десяток на весь сборник, к примеру: череды оранжевая соль, бушующий оранж в его цветенье майском, синий виноград, на глине голубой, серым бульжником, красные вина, рыжей пылью, в красном углу, розовый закат, жёлтые и белые зонты... А так ли уж нужно называть цвета, если они подразумеваются всем строем текста? И линейный рисунок конкретного объекта уже говорит о соответствующем цвете. Но цвет может быть и другой, не общепринятый. Поэт скажет «небо» – и думается «голубое», а ведь оно может оказаться «красное» – и уже всё иначе... Если цвет не назван, читатель свободен выбрать его сам, исходя из строя стихотворения, ему дана свободная воля раскрашивать стихи. Воля! То самое, что не просто существенно, а важнейшее в поэзии Натальи Аришиной. Именно поэтому её стихи вызывают благодарность и доверие.

Особняком стоит «Сговор слов», издание 2008 года. Сложная книга, разговор двух поэтов, она требует самостоятельного прочтения и изучения. Поэтому в контексте

настоящей статьи сознательно изучен лишь раздел Натальи Аришиной, но с мыслью, что все эти стихи – ответ Илье Фаликову. Поэтому восприятие стихов первого раздела сродни подслушанному разговору по телефону, когда слышны реплики только одного лица, но по ним можно построить суть диалога, догадаться о содержании неслышанных реплик.

*...Да что скрывать, я многое забыла,
пока живу. Утешимся, пока
идёт волна уверенно и ровно,
пока плывут над нами облака
и два весла гребут беспрекословно.*

(«Волной добыты корни и стволы...»; книга «Сговор слов»)

* * *

*Тебе – семь холмов в снегопаде,
а мне – виноградник в ограде,
семь радужных дней на неделе
взамен подмосковной метели.*

*Да разве мне этого надо
взамен твоего снегопада?*

(«Тебе – семь холмов в снегопаде...»; книга «Сговор слов»)

*...Вопреки одичанью, предательству, лунному свету
я прочла твою рукопись – другого прибежища нету.*

(«Прибежище»; книги «Сговор слов», «Сто стихотворений»)

В книгах предстаёт поэт деликатный, негромкий, не суетливый, верный своей стезе и относящийся к поэзии как к вере: проникаясь ею глубоко, сокровенно, потаённо, никому её не навязывая. Таким и должен быть поэт, смысл жизни которого – его искусство видеть, чувствовать и называть. Ни одно стихотворение не несёт в себе ни намёка на нарочитый вызов, провокацию. Ни одно не посягает на

свободу читателя, лишь предлагает паузу мирного покоя – постоять рядом, посмотреть вместе, помолчать, не опасаясь агрессивного вторжения на частную территорию или принудительного выволакивания за её пределы.

Небесная ткачиха

*В сумерках окончила стихия
буйство многих сил.
Сквозь прогнозы редкостно плохие
вечер проскочил.*

*Осторожно засвечу фонарик
вместо костерка.
Снимется разбуженный комарик
с влажного песка.*

*Где же ты, Небесная Ткачиха?
На небе побудь.
Для тебя одной светло и тихо
льётся Млечный Путь.*

1989, о. Шикотан
(книги «Сговор слов», «Сто стихотворений»)

Уже в этом стихотворении прочитывается, помимо внутренней тишины, другая уникальная особенность Натальи Аришиной – дар соединять в одном взгляде противоположные масштабы видения. Взгляд охватывает просторы морей и материков, легко улавливая их упругие внутренние стержни, основы их существа, а потом без усилий перемещается и сосредотачивается на стежках шитья или каплях дождя, хлебных крошках в ладони, открывая в них не меньшую содержательность. Такая способность поначалу не бросается в глаза, автор не афиширует её, потому что он вообще ничего не афиширует, а как-то специфически рассеянно-сосредоточен на разглядывании и обдумывании, на переживании

того, что обратило на себя его внимание. Всё прочее в эти минуты вторично или вовсе не существует. И переживание естественным образом превращается в сопереживание.

Здесь уместно лирическое отступление в область вроде бы далёкую от поэзии, в искусство фотографии, где используются понятия «дальний план», «средний план», «деталь». Многие любители, делающие снимки, фиксируя всё подряд, не задумываются над этим. Их фотографии – сплошной средний план, и при просмотре большого количества снимков перестаёт различаться индивидуальность каждого, хотя это снимки разных объектов с разных точек, при разном освещении. Сказывается нарушение закона восприятия, условия, которое держит внимание зрителя, не позволяя отвлекаться. Сплошной средний план ослабляет внимание, и оно рассеивается, устав от однообразия разнообразия. Но Наталья Аришина работает с деталью сознательно и сильно, уверенно подтверждая: «Я люблю слова, окрашенные временем, люблю его отпечаток на предмете».

* * *

*Люберцы, Люберцы. Небо прилеплено косо.
Пляшут балконные прутья, и в виде вопроса
высохший стебель прижался за выступом кладки.
Мёртвые астры в осеннем лежат беспорядке.
Люберцы. Снова на поезд. Ни дома, ни сада.
Только пространство в сплошной пелене снегопада.
Тихой порошей залатаны крыши и поле.
Пусто, нетоплено, страшно сегодня на воле.
(«Люберцы...»; книга «Поблажка»)*

Небольшое, но чрезвычайно ёмкое стихотворение, в котором есть все указанные планы, остра каждая деталь: балконные прутья, высохший стебель, выступ кладки, мёртвые астры. И выстроено сложное пространство, без которого этот поэт категорически не способен существовать; ключевые слова: небо, пространство, снегопад, поле, на воле.

Да и поезд поддерживает общую тенденцию к выявлению протяжённости, растяжимости.

Деталь появляется везде, разворачивается неожиданными метафорами, закрепляется звучанием.

*Свечи каштанов несправа, тускло горели,
стали огарками, криво на ветках сидят.
Невразумительно били куранты и пели.
Прибранный с вечера, спит Александровский сад.
Тихо и буднично майское утро упало.
Зябнут скамейки, на иней похожа роса,
в ней маргаритки, что всюду цветут как попало...*
(«Свечи каштанов...»; книга «Сговор слов»)

Общие планы в этом стихотворении: майское утро, Александровский сад. Но поэт приближает взгляд и замечает свечи каштанов, как они криво сидят, – разглядывает средний план. Взгляд опускается вниз и извлекает деталь – росы маргариток, то, что не увидеть ни в общем, ни в среднем плане, что требует пристального внимания, прицельной зоркости. Тот же зоркий взгляд улавливает в самых обыденных вещах новый смысл, выстраивает новую реальность и погружается в неё. Весь ход процесса проникновения в деталь прочитывается в стихах. «Впрочем, для стихов годится любой материал, – говорит Наталья Аришина в предисловии к своему разделу в книге „Сговор слов“, – главное, его уговорить – и он уже никуда не денется». Замечательно точно: «уговорить»!

Те, кто умеют сосредоточить взгляд на частном, малом, – истинные художники, способные насладиться деталью, ощутить её форму, фактуру, оценить её значение для общего и дальнего планов, увидеть, на каком этапе удаления деталь исчезает и перестаёт работать на композиционную структуру целого. Наталья Аришина – опытный мастер в таких приближениях и удалениях. У неё отменный глазомер. На изысканном столкновении масштабов строится композиция почти всякой темы, очерчивается образ. Несмотря на то, что стихотворения у поэта, как правило, недлинные, мало-

словные, в них каким-то чудом размещается безграничное пространство жизни, неба, моря.

Край скалы

*Надежду оставляла на потом,
жила, с погодой споря.
Ровесница плывёт за Флегетон,
а я сижу у моря.
Легко прошли высокие валы.
Всею готова смена.
Волна уже задела край скалы.
В ногах мальки и пена.*

Этим стихотворением открывается вышедшая в 2018 году книга «Форель для милого». Ступенчатый рисунок строк намеренно рисует крутизну и уступчатость скалы. Взгляд непринуждённо переходит от выпуклого морского горизонта к серебристому мальку, играющему у босой ступни. Все планы картины использованы соразмерно и осознанно, изображение обострено, впечатление поймано в сеть пространственного восприятия. Но в первую очередь всегда и везде – море.

*...Звоню сестре. Звонят колокола.
Звенит метель и плачет у порога.
Поплачь, поплачь, чтоб снова пролегла
морская гладь, кратчайшая дорога.*
(«Боюсь дневник отныне завести...»; книга «Терновник»)

*...Я раба своего гороскопа
и морские люблю города...*
(«Рыбной лавкой...»; книга «Поблажка»)

*...От утёса к утесу мелеет море,
по колено не стало оно пока мне.
(«Голубая глина ползёт со склонов...»; книга «Поблажка»)*

*...Закрывать глаза – всё, что осталось мне.
Открой глаза – тот самый вид на море.
Он для тебя ещё не упрямлён...*
(«Ветер»; книга «Сто стихотворений»)

*А меня, как былинку, ветра
вдруг на остров с короной Петра
уронили в золу у костра
на краю небосвода.*
(«Остров»; книги «Терновник», «Сговор слов»)

*Ореховая роща – на отшибе,
туда высоким берегом брести
и, привечая море в лёгкой зыби,
чуть плавниками в воздухе грести,
заглатывая запахи и звуки...*
(«Ореховая роща – на отшибе...»; книга «Поблажка»)

Если не море – то небо, пустыня, если не парус – то стрекозы, воздушный змей, или сильнее – воздушный дракон, и непременно ветер, вихрь. Эти понятия, эти шаманские знаки часто сходятся в одном стихотворении, сшибаются, создавая ещё большее смятение. Или объединяются, ускоряя направленный полёт стихий.

*...Рёв сирен, стихи, проклятья, стоны.
Носятся воздушные драконы,
всё взбесилось, всё пустилось вскачь...*
(«Что еще придумает природа?...»; книга «Терновник»)

*Что не спится тебе? Что ты бродишь? Какая морока?
Это – ветер! Вторую неделю он дует с Востока.
Это зёрнышки мака скрипят на губах
и песчинки пустыни.*

Это ветер с Востока, с Востока он дует отныне...
(«Что не спится тебе?...»; книги «Сговор слов», «Сто стихотворений»)

Всеми возможными художественными средствами поэт продлевает свой взгляд как можно дальше, забрасывая его упругую удочку, натягивая его, как струну рвущегося вверх воздушного змея со страстью освоения высоты. Поэт осваивает пространство, аналоги которому – ширь, воля, размах.

*Не так жестока власть мирская.
В косынке до бровей
себя на волю выпускаю
из всех монастырей.*

*На Троицу лило нещадно,
и через весь сыр-бор
я к морю шла, впиваясь жадно
в немыслимый простор.*

*Никто не звал меня обратно
и лба не осенял.
Я понимала не превратно
язык прибрежных скал.*

*И за берёзовым кропилом
не так рвалась душа,
как этим тучам сизокрылым
бесцельно вслед спеша.*
(«Не так жестока власть мирская...»; книга «Сговор слов»)

Смысл впечатления, выстроенного почти во всех стихотворениях, – пространство, во многом оно перекликается с понятием «море». И чем громаднее цель, к которой устремлён взгляд, тем большее пространство охвачено взглядом, если он видит цель как точку, стремящуюся к исчезновению. В этом постоянно ощущаемом порыве поэта – глубинное желание достичь высших человеческих ценностей: свободы и покоя. Иметь возможность побыть одному. Иметь возможность издалека видеть всё.

*...Холмы над Окою, холмы над Окою,
кувшинки цветут на прибрежной воде.
Не смею лелеять мечту о покое.
Не верю, что нету покоя нигде.*
(«Холмы над Окою»; книга «Сто стихотворений»)

Стихи Натальи Аришиной, являясь поэзией самого высокого уровня, имеют отчётливый и мелодичный женский голос. Они – стихи женщины: возлюбленной, верной, жены, матери, способной к настойчивости и самоотверженности, способной к истинно женскому смирению. Прекрасная составляющая поэзии Натальи Аришиной – возвышенная приземлённость, которая отличает женщину от мужчины и в жизни, и в стихах. Стихи глубоки и правдивы. Среди морей и ветров, в движении и покое красной нитью проходит женская доля. «Счастье и несчастье скручены в один жгут», – подтверждает автор.

* * *

*Вершила ты никчёмные дела,
и дни уже мелькали как минуты,
и до сих пор вся жизнь твоя из смуты
и суеты составлена была.
Посмела, потеряв себя и дом,
бездумному порядку предаваться,
сама собой страшилась оставаться –
так поживи теперь своим стыдом.
Так я себе твердила в тишине
пустующего зимнего вагона,
наперекор всему счастливо, сонно
разглядывая сына при луне.*
(«Вершила ты никчёмные дела...»; книга «Терновник»)

Мак

*Это стебля зелёного, сына влажного лона,
серебристый пушок, младенческий, чуть заметный.*

*На губах ощущаешь его горчайшее молоко,
на ладони держишь лепесток, принесённый ветром.
Это боль, угодившая прямо в сердце,
словно зёрнышко мака, она прорасти готова.
Никогда не узнаешь, цветок распустился или...
или сердце твоё, не выдержав, разорвалось.*
(«Мак»; книга «Сто стихотворений»)

Множество стихов посвящено поэтическому ремеслу, процессу появления и написания стихов, взаимоотношению со стихами своими, других поэтов. Кроме того, необычайно и удивительно пристальное внимание поэта даже не к самим стихам, а к атрибутам поэтического искусства, взаимоотношению с листом бумаги, блокнотом, тетрадью, карандашом, лампой или светом, падающим на лист.

*Как неурочное брожение
готовых разорваться почек,
тебя изводит наважденье
бумагу миновавших строчек...*
(«Как неурочное брожение...»; книга «Поблажка»)

*...На столе дочитанная сага,
черновик письма.
Всё ли стерпит белая бумага? –
только я сама.*
(«Бронзовея, к нише законной...»; книга «Поблажка»)

*...Этой прозе незаметно вторя,
словно соль терзает рану стих,
может быть, не надо мне и моря.
Синь, лазурь – кого мне нежить в них?*
(«Степь да степь, ковыльняная, седая...»; книга «Поблажка»)

*...Можжевельный куст задохнулся в распадке,
дозревает кизил вдалеке от жилища.*

*На размокиших страницах последней тетрадки
неразборчива лучшая строчка моя.*
(«Вдалеке от жилья»; книга «Форель для милого»)

Понимание достоинств и недостатков в поэзии у каждого поэта своё. И не будет неожиданностью заявление, что каждый поэт любит в первую очередь свои стихи. Он понимает их, знает их секреты, видит в них своё отражение, отражение своей жизни – своё кровное с ними родство. Если критик поэт, он всегда отдаст предпочтение своим стихам, а значит, и своим принципам их создания, приёмам совершенствования. Таков естественный расклад сил. Как поэт я, в первую очередь, вижу в стихах другого поэта то, что отличает его стихи от моих, как в хорошую, так и в плохую сторону. Это, однако, не является постулатом, а лишь отражением моей собственной особенности. Я не эталон, чтобы быть Гринвичским меридианом в поэзии, мой меридиан относителен, отклонение другого поэта от него может оказаться выгодным для этого поэта и не выгодным для меня. Но важнейшая составляющая во всякой критике – личное отношение критика, тем более если оно обосновано личным опытом, личной ответственностью.

В стихах Натальи Аришиной нет ничего грубого, грязного, непечатного. Они чисты и корректны. Здесь речь идёт лишь о вопросах очень нюансных, практически об оттенках, которые могут быть сильнее или слабее, но всё равно правомочны при любой силе взятого тона. Мне видится в прочитанных книгах, в особенности в поздних, избыточность современного жаргона, излишняя прямолинейность некоторых выражений, их бытовизм, который толкает искусство к натурализму, и тогда не обработанная художественно деталь бьёт наотмашь по хрупким и изящным построениям поэтического произведения.

Мне также не близки поиски поэта в использовании формы лимерика при создании длинных поэм. Лимерики сродни частушкам, в них существенна заливчатость, бойкость, которая чем короче дана, тем сильнее пробирает.

Когда же на лимерики положено длительное повествование, сюжет спорит с навязчивостью жёсткой формы, которая его разрушает изнутри. Каждая строфа требует броского итога, то есть акцента, что невозможно обеспечить при последовательном раскрытии сюжета, включающего и акценты, и обязательную фактуру. Тем не менее работа поэта в форме лимерика – смелый эксперимент. Попытка укротить лимерик – сродни укрощению Буцефала, она похвальна, как волевой творческий порыв. У Натальи Аришиной лимериком рассказана история знакомства двух людей, не расположенных к общению, посредством перехваченного одним из них воздушного змея.

*...Но кто так чудесно хохочет? –
башмак, запинаясь, бормочет.
Блестят из-под чёлки
одной балаболки
две вишни сквозь узкие щёлки.*

*Она приглашение в гости
к владельцу бамбуковой трости
всерьёз приняла,
польщённой была.
И снова визит нанесла.*

*Никто не мешал их беседе.
Судачили, впрочем, соседи,
что грустный финал
двоих ожидал.
А змей всё летал да летал.
(«Змей»; книга «Двойная черта»)*

Статья о поэзии Натальи Аришиной была задумана весной 2018 года на вечере, посвящённом презентации её новой книги «Форель для милого». Мысль о такой статье возникла внезапно, как мой отклик на замечание одного из выступавших, который посетовал, что об этом поэте никто

ещё не написал достойной статьи. И мне стало неловко, ведь это могла быть и я. Зная поэта лично, зная его стихи, я смогу не только сказать о нём то, чего он достоин по общему мнению, но и то, что ещё никто о нём не сказал.

Статья закончена через полгода после того, как явилась мысль её написать. За это время я прочла имеющиеся у меня книги, отметила в них понравившиеся стихи и строки. В сборниках нашлись стихи, на удивление сходные по теме и смыслу с моими, но совершенно иначе звучащие. Что естественно. Когда поэты чувствуют поэтическое родство, оно немедленно превращается во взаимопонимание, расположение и симпатию друг к другу.

В стихах Натальи Аришиной всё обретает точность, законченность, всё очерчено чувством меры. Бесценный дар – умение вовремя остановиться. Слова поэта несут в себе множество оттенков чувств разной силы, но всегда вызываемые по законам искусства и в границах искусства. Безмерно и ничем не ограничено только пространство. И то единственное, что одно может с ним сравниться по масштабу и значимости, – жизнь.

*Так хороши весною миражи!
И звёзды укрупняются во мраке.
И, господи, особо закажи
на всю округу – маки, маки, маки!
Мне совестно, что я безумно жить
хочу бесценный дней моих остаток –
не уповать, не спорить, не сорить.
И на челе безоблачном носить
достоинства бесспорный отпечаток.
(«Миражи»; книга «Сто стихотворений»)*

2018

Сказка перелётных дней

*о книге поэтов Василия и Михаила Рысенковых
«Закат в четыре руки». – СПб., 2016*

(опубликовано: «НГ-Exlibris», приложение
к «Независимой газете». 15.03.2018. № 9 (926))

В мировой истории нет и не было такого прецедента: близнецы-поэты. Возможно, никогда не будет. Поэтому невозможно ограничиться только стихами. Книга с общим названием «Закат в четыре руки» издана в 2016 году в Санкт-Петербурге, включает две равноценные части «По ту сторону сказки» (автор Василий Рысенков) и «Клин перелётных дней» (автор Михаил Рысенков). Являя собой сильную и образную поэзию, книга имеет ещё как бы «второе дно», раскрывает волшебную глубину – неявный, но непрерывный диалог двух поэтов, братьев, близнецов. Книга-перевёртыш:

«Закат в четыре руки»
из двух разделов
«По ту сторону сказки» – «Клин перелётных дней»
поэтов
Рысенковых
Василия и Михаила

Общее название «Закат в четыре руки», а также название части «Клин перелётных дней» взяты из стихотворения Михаила «Под гору, под гору...» Симметрия во всём, даже в длине и сути названий. Всё строго пополам. Общее лишь:

«поэты» и «Рысенковы» – Божий дар и кровная основа – то, что неделимо, глубинный фундамент творчества.

«Закат в четыре руки», как общее направление книги, до прочтения представлявшийся буквально закатом, природным явлением, на деле понимается закатом жизни, мелодию которого братья исполняют на страницах книги, лейтмотив – осознание груза прожитых лет, взгляд на просторы прошлого. Стихотворения преимущественно грустные, в них противопоставлено время юности и настоящее время с его новыми жёсткими порядками в обществе, открытым цинизмом, безжалостностью и безразличию к своим же исконным основам. Поэты с горечью наблюдают тотальную утрату высших духовных ценностей, разруху целостной страны и крепкой русской деревни. Отсюда общее минорное настроение, с какой стороны ни начини читать.

Но при первом же знакомстве с книгой возникает одно стихийное ощущение, которое делает категорически невозможным традиционный путь критической оценки, каким его принято считать: сначала прочесть одного поэта, потом другого, указать на понравившиеся стихотворения, на авторские удачи каждого, промахи каждого, дать положительное сравнение каждого с кем-нибудь великим... Ещё ничего не зная об авторах, едва получив книгу в дар от Василия Рысенкова, читая его стихи, я невольно заглядывала в стихи Михаила. И, всё более удивляясь, обнаруживала очевидные сходные черты поэтов. Так сливаться в один голос могут только родственные голоса. Кто знает это чувство пения дуэтом, тот понимает, какое наслаждение испытывает каждый поющий, слыша, как два голоса сливаются в один. Стихи из книги «Закат в четыре руки» настойчиво толкали к погружению в биографию их создателей. Жгучие вопросы требовали немедленного ответа. Вот тут-то и развернулась непостижимая непредвиденная картина – не только братья, но близнецы...

Родились 11 апреля 1966 г. в пос. Кречевицы Новгородской области.

С 12-летнего возраста увлеклись сочинением стихов, писали вместе.

Закончили Калининский сельскохозяйственный институт.

Первый совместный стихотворный сборник «Запоздалые молитвы» вышел в 1997 г.

Членство в Союзе писателей РФ с 1997 года.

Далее поэтические книги выпускаются порознь вплоть до настоящего сборника, которым замыкается 20-летний круг отстаивания каждым поэтом самостоятельности, приводящий к началу – объединению голосов. Вроде бы творческое фиаско, но только вроде бы. Каждый из братьев с самых первых лет жизни хотел подчеркнуть свою особенность и единственность. Когда начали осознанно писать стихи, были удручены столь далеко простирающимся сходством, воистину злой насмешкой судьбы. Известно, что Михаил делал попытку оставить брата на этом пути одного. Не получилось.

На первый взгляд – обыденное «не получилось» твёрдо указывает на безапелляционное давление свыше, пренебрегающее человеческой волей и многократно превышающее её. Искусству нужен только совершенный результат. До амбиций автора, его ущемлённого самолюбия вечности нет дела. Братья были принуждены и здесь идти плечом к плечу. Приняв это обстоятельство как данность, они всё же упорно продолжали отстаивать каждый свою единичность. Мне не известно содержание первой книги, но осмелюсь предположить, что в ней отразилось естественное стремление поэтов показать свою несхожесть. Это повлияло и на тех, кто был знаком с их произведениями, – на критиков, на читателей и почитателей, призывая их из деликатности не затрагивать очевидное – тему сродства. Никто не посмел нарушить табу и перешагнуть его, чтобы сделать простейшее открытие – осознать, что да, сродство очевидное... но оно же и невероятное! Очевидное, но невероятное. Объяснимое, но необъяснимое. Фантастическая ситуация, выходящая за пределы стандартного мышления, стандартной оценки.

Невиданная история искусства, хотя что удивляться – ведь в искусстве всё впервые по определению.

Поэтому представленный в данной статье исследовательский путь – первый же из возможных, кратчайший. По нему никто не ходит ввиду его доступности, а также неприкасаемости. Этот прямолинейный путь влечёт не к отысканию различий двух поэтов, а к обоснованию чудесного сходства поэтов-близнецов. Причём понятие «сходство» используется лишь потому, что не имеется другого названия для столь уникального случая, поразительного факта, заданного изначально воистину промыслом Божиим.

В мировой истории нет и не было такого прецедента: близнецы-поэты. Возможно, никогда не будет. Известно немало братьев, обладавших сходными талантами и оставивших значительный след в различных видах искусства, спорта, в науке. В литературе на слуху братья Гонкуры, братья Стругацкие, но они не близнецы и не поэты. Среди близнецов, имевших равные данные, немало знаменитых спортсменов, артистов, певцов, учёных, но поэтов нет. Самый близкий к исследуемому феномен – в музыке: брат-близнец был у отца Иоганна-Себастьяна Баха, Иоганна-Амброзиуса. Оба были композиторы. Внешне неотличимые друг от друга. И даже их музыка была идентична.

Но и музыка не может сравниться с поэзией, как с умением переводить на человеческий язык бессловесные импульсы, приходящие извне. Если поэты отзываются на всякий импульс столь сходно, то напрашивается вывод, что и импульсы они получают одинаковые. Но нет, не так: не одинаковые импульсы, а один и тот же импульс, которому дано быть воспринятым и сформулированным двумя разными, но равноценными способами! Вот ведь диво. Так звук, имеющий точный резонанс, становится объёмным, многозначным.

Доминирующие темы книги «Закат в четыре руки» – любовь к многострадальной России, к гибнущей малой родине – исчезающим деревням, зарастающим полям, уходящим людям, что отзывается настроением одиночества, но

стальгией по ушедшему и, как закономерное продолжение, неприятием настоящего. Зоркий взгляд поэтов отмечает потери на самых разных уровнях общественной жизни: пренебрежение памятью павших, оскудение и замусоривание русского языка, обесценивание честного крестьянского труда, отказ от бескорыстного служения идеалам. Уходящий вместе с юностью в прошлое расцвет страны зовёт вести счёт годам собственной жизни, размышлять о её итогах.

Один масштаб образов. Пейзаж или человек в пейзаже, взгляд из окна, взгляд в прошлое, своё или родины. Ключевые слова – «звёзды», «сон», «синь» и их производные – практически в каждом стихотворении. Также опорными словами являются «туман», «дым», «душа», «детство», «юность», «память», «огни», «окна». Примечательно, что в стихах часто используются уменьшительные: «избушки», «окошки», «огоньки», «тропинка», «мордашка», что указывает на авторов, как на людей большой душевной силы, способных на нежность и не скрывающих её. Примечателен авторский принцип рифмовки, дающий неожиданный эффект: «в парке ли – арки лип», «ещё не – во сне», «струны стих – юности», «в пыли твой...» – «молитвой», «мне в ней – деревней»...

Мрачны краски, которыми в стихах описано настоящее с его признаками запустения, как результата безалаберности, цинизма. Мажорные ноты единичны, как мгновенная радость от порханья птицы, летнего ветра, от присутствия любимой, ребёнка. Но есть одно воистину волшебное примиряющее слово, связывающее прошлое с настоящим, злое с добрым, светлое с тёмным, слово, наполненное созидательной силой и глубокой теплотой, – «огоньки», которые часто оборачиваются окошками, солнечными пятнами. Их цепочка, словно нитка сказочного клубка, выводит туда, куда устремляется поэт, – или в память, к старому дому, где родился, где остались дорогие ушедшие, или в сегодня, к дому, где семья, в суровом городе, задёрнутом туманом и ночью.

Все стихи рифмованные, хотя устойчивая философская направленность книги с тенденцией подводить итог вы-

сказанной мысли или нарисованной картине импонирует верлибру. В книге много стихотворений, где главные по образности строки являются завершающими и точно ставят блестящий памятный акцент.

В ряде случаев видна склонность авторов к проговариванию итога, что вредит стихотворению, иногда удивительно тонкому. Озвучивающие итог строки, фактически балласт, удлинняют и утяжеляют стихотворение. Более того: озвученный итог дублирует реальным высказыванием неслышимое. А ведь стихотворение – таинственная формула, отклик на которую переживание, а не понимание. Оно – замкнутый мир, внутрь которого допущен читатель. Проговоренные выводы заставляют читателя оставить свои чувственные переживания и выйти из стихотворения наружу, чтобы посмотреть со стороны и что-то понять, кроме того, что он уже почувствовал. Сталкиваются два противоположных способа восприятия – и более хрупкое разрушается более грубым. Первейшим достоинством поэтического произведения является его виртуальное пространство, позволяющее пребывать в нём. И вершина поэтической удачи – когда читателю не хочется выходить из этой ауры. Угасает финальная нота, а он в неё вслушивается... Она уже угасла, а он всё следует за ней в задумчивости... Но при наличии озвученного итога тающий звук обрывается громким голосом, пресекая дыхание угасающей паузы.

Поэзия всегда автобиографична, она многое расскажет о поэте как о человеке. Если в стихах не видно человека, это плохие стихи, да и вообще не поэзия. Стихи из книги-перевёртыша раскрывают мир и характеры авторов, их чувство юмора, легко преобразующееся в иронию и самоиронию, обнаруживают способность остро видеть, точно называть, рисуют эпизоды биографии, бесстрашно отстаивают духовные идеалы. Где-то в стихах слышен отдалённый рёв мотоцикла, где-то посвистывает снег под беговыми лыжами, а где-то происходит остановка – и звучит голос природы, иногда заглушаемый грохотом несущейся напролом жизни.

В стихах Василия Рысенкова отчётлив вызов, настроение преодоления, отыскания правды. Автор настойчиво указывает на то, на что мы стремимся закрыть глаза, напоминает о том, что хотим забыть. Наибольшего напряжения наступательная сила достигает в разделе «Окошко в вечность», где и для нашего времени актуальны слова: «...*Царский поезд в туман увозил эпоху, / распахнув грозовые распутья*».

Михаил Рысенков созерцателен, философски лиричен. Он понимает жизнь как текущую реку, где каждый всплеск и уникален, и неотличим от других, и восхищает светящейся высотой, и угнетает провалом во тьму: «*Холодеет в душе за картинками прошлого где-то, / Неуёмная грусть уходящего прочь бытия...*»

Поэты в стихах переговариваются между собой, подхватывая реплики, открыто напрямую обращаясь друг к другу. В обеих частях книги есть стихотворения «Брату», у Михаила в подборке два с таким названием.

В: «*Дублей не будет. Экспромтов не будет. / Жить только на белом – на чистовик!*»

М: «*Как на цыпочках мальчик, пройди по судьбе...*»

В: «*Только то настоящее, / Что никто не может потрогать руками*».

М: «*А мне всё дороже теперь, всё ближе / <...> / Старые книги, детские лыжи, / Блёклые диафильмы: / Можно в руках подержать, потрогать...*»

В: «*В сумрак лыжню словно нить продень...*»

М: «*Тени серые в снежной пыли закружатся, / И на миг потеряет разбег лыжня...*»

В: «*Под парусами мусорных пакетов / Российская провинция плывёт...*»

М: «*Над глыбами спальных районов / в дымной бетонной чаще / Слышен <...> / Окрик гусей летящих*».

В: «*...Хватаюсь за книгу. Боюсь остаться наедине с собой*».

М: «*Я на окошке в память / Луночку продышал*».

В: «*Чтоб в детских прописях найти / Огромное живое слово...*»

М: «Два мотоцикла взрвут, рванутся...»

В: «Мотоцикл поёт о лесных потаённых дорогах...»

М: «Ляжет первый снег Покрова. / Захрустят капустой в селе».

В: «Главное средство от одиночества – / Весь этот мир поселить в себе».

М: «Радость мгновенна... / <...> / Я и забыл по прошествии лет: / Пахнет она пирогами с черникой / Или как новенький велосипед?»

В: «Так напьёмся, брат, <...> из ручейка. / Он берёт начало в детстве где-то».

М: «С каждым оставшимся на войне, / Умер огромный мир...»

В: «А на могиле Девятого мая / Праздничный митинг откроют птицы».

М: «Словесный разлетающийся сор / Ловлю в ночных провалах мироздания».

В: «Как беспомощно, хрупко и бесполезно слово / В мире стужи и тишины».

М: «И душа, как болезнь, и стихи, как напасть, / И трагедии – пошлыми анекдотами...»

В: «Благополучные люди, наверно, не пишут стихов...»

М: «У меня же нету ни черта. / Несколько исписанных тетрадей».

В: «Я собакам и звёздам читал стихи, / Не написанные потом».

М: «Растормошит, опечалит опять весна. / Сделать-то что, скажи...»

В: «Грипп, хандру и любовь подцепить / В марте совсем не сложно...»

М: «Вот такой июль – любимый самый. / Лип старинных тихая пурга».

В: «В небе катает пустые бочки заспанная гроза».

М: «Ветер полей закружил и унёс / Вперемешку со звёздами поздние стаи».

В: «...Рассветным лучом заштопать / бедную рваную память свою...»

М: «Мальчик с бидоном лесной малины / В солнечной дымке с названьем – память...»

В: «А счастье – полоска света из-за дверей».

Разговор на протяжении жизни, на языке стихов, понимание без слов.

Но все рецензии на книгу с общим названием «Закат в четыре руки» написаны так, чтобы рассказать об одном поэте, не затронув другого. Иначе придётся сказать о схожести, на которую все привычно закрывают глаза. Поэтому об этом сборнике говорят половинчато, то есть ничего по существу. А на самом деле несомненно одно: книга заявляет о нескрываемой, открыто представленной идентичности авторских почерков. Сознательно и настойчиво обнажает сходство. Словно завершив круг неизбежных испытаний, поэты вышли на другой уровень понимания самих себя и своих сил. Книга «Закат в четыре руки» – не шаг по замкнутому кругу, а новый виток в творчестве.

Любое размежевание этих поэтов между собой ослабляет их возможности, уравнивает их со всеми прочими. Вся предшествовавшая книге «Закат в четыре руки» изнуряющая борьба двух ипостасей за отстаивание самобытности каждой, за право на самостоятельное существование, – даже не единство и борьба противоположностей, а противоположность и борьба единства.

Но вот единство осознано. Решение принято. Это отчётливо звучит в стихотворении Михаила «Брату»: «Может, так получится? / Может. Решено. / От разлуки ключики выбросим в окно». Здесь огромный созидательный потенциал, лежавший на поверхности, но который долго не замечали даже сами авторы, не говоря уже о литературоведах, привычно манипулирующих лозунгами об «авторском лице», его неповторимости. Последнее положение применимо ко всем на свете поэтам, бывшим и настоящим, кроме братьев Рысенковых, неповторимость которых в их двойственности. По существу – здесь не сходство, а неразъёмный целостный дар, имеющий два воплощения, две судьбы, две души, две головы!

Если кто-то обладает столь невероятными возможностями, данными свыше, позволяющими приблизиться к совершенству, то не использовать их нельзя. Получившие его не просто должны – обязаны ими воспользоваться. Те, у кого две головы и один несомненный поэтический дар на двоих, не могут не увидеть своего очевидного преимущества. Такой козырь ещё никогда никому не выпадал. Всякое движение наперекор дару противоестественно и убийственно. Воссоединение двух поэтических ипостасей неизбежно. Совместная разработка тем, освоение образов, культивирование настроения, редактирование стихов... И в итоге – создание общей книги, как новой фазы невиданного эксперимента, затеянного не на брэнной земле, а в небесах, к которым с таким постоянством обращаются поэты в своих стихах.

Вот реальная сказка, которая по ту сторону сказки, – сказка настоящей неповторимой жизни, до сих пор не рассказанная. И клин перелётных дней ещё не поставил на крыло своих самых феерических птенцов. И закат в четыре руки – это природное явление, это предчувствие обновления, вслед за которым непременно будет восход. И надо как можно шире открывать окно, потому что боль в спине именно оттого, что растут крылья.

2017

Я решила!

о книгах поэта Любови Сердечной

«Обучение полёту», 2014

(опубликовано: Родник: Литературно-художественный альманах. № 4 / Смоленское областное литературное объединение «Родник» им. Ю. Пашкова. Смоленск: Маджента, 2017)

Афористичность – оригинальное высказывание о банальном. Словно лихая пружина спрятана в поначалу простых словах – и вдруг выстреливает откровением, сверкает в каламбурах. На афористичности построены лучшие анекдоты, когда ожидаемый ход событий и ответов внезапно перерубает блестяще выстроенная подмена. Неожиданная и безукоризненно точная. Встреча с остроумным человеком – всегда радость. Остроумие не имеет ничего общего с сатирой и шаржем, в гротеске которых всегда чувствуется охлаждающая пыл агрессия. Если остроумен поэт, его стихи непременно покоряют счастливыми открытиями.

Встреча с современником всегда случайна. Это вспышка. Может просиять искра, а может задохнуться в дыму. Современник ещё не отжат, неоднозначен в своих творениях. Неровен. Не ровён час ошибёшься в выводах. Похвалишь – а он сделает вираж вниз. Осудишь – а он взлетит. Он ведь в поиске. Поиск ведёт к переменам. Перемены бывают разные: к худшему, к лучшему. Пойди уследи. Стабильность же – олицетворённая смерть творческой личности, её не-

обратимое перевоплощение в коммерческий талант тиражирования.

О современниках обычно не высказываются с однозначной определённой. Слишком много надо взять на себя труда: обосновать похвалу, обосновать упрёк, высказать последнее так, чтобы не обидеть, не поссориться. Даже сильный человек с трудом переносит, когда ему говорят правду. От всех этих забот критик освобождён, обращаясь к титанам литературы, к почившим классикам. Их труды легко раскрываются навстречу. Нет никакой неприятной неожиданности. Для ленивого читателя нет даже необходимости иметь своё мнение. Можно смело хвалить, это совпадёт с общественным мнением. Можно ругать. Классики не заметят. Они уже высказались. Они уже ничего не исправят в том, что оставили.

Встреча с современником всегда случайна, как с любовью. Как с Любовью Сердечной. Поэтом, имеющим яркое имя и не менее яркое авторское лицо. Вот ведь заданы с рождения имя и фамилия! Родители имели чувство юмора и уверенность, что дочь оправдает аванс, подтвердит его, воспоёт. Её поэтические формулы ослепительны:

*Я пою не по нотам – по каплям росы...
по брызгам цветов...
Я живу не по нормам – по залтам грозы...
по распахнутым шторам...*

Родители не ограничились изобретением удивительного имени, но ещё наградили Любовь тонким чувством юмора. Остроумие – дар видеть неожиданные совпадения, улавливать сходство в несхожем и уметь быстро и точно назвать. Когда у поэта есть чувство юмора, это божественное свойство непременно пронизывает его поэзию, придаёт ей звонкости, афористичности: «*Я отменная хозяйка! / Отменяю всё...*» Затуманившемуся Петербургу поэт внушает с убеждённой уверенностью: «*Это не шпильки – шпильки!.. / Это не крышки – крышки!*»

В каждом стихотворении этого сборника стихов слышен напев. Есть звучание. В повторах, в возвращениях к началу, в единообразно выстроенных заходах, увенчанных разнообразными поворотами, угадывается достойная последовательница Беранже. Открытая, весёлая, ироничная. Стихи энергичные, но свободны от пафоса, умные, но свободны от многозначительности. Великое искусство – говорить в стихах внятно, определённо, говорить уникальное. В этом Любовь Сердечная ещё и наследница Пушкина.

Легко и непринуждённо нарисована аллегорическая картина жизни: «*...Да, жизнь меня пообкатала! / <...> / Была я щёбнем, галькой стала...*» Замечательно стихотворение о любви «Старик и море», где обыгрываются изменения в расстановке сил по мере раскрытия темы. В начале: «*Я Старик. Море жизнь. Рыба ты*». В итоге: «*Ты Старик. Море жизнь. Рыба я*».

Восхищает способность поэта к оригинальным замыслам, как изложить волнующую тему. В «Старике и море» темой является любовь как напряжённое состязание. Идея же – раскрыть тему любви как схватки, напряжённого состязания и смены власти в единстве устремлений. Как пример другого отличного замысла – стихотворение «Пигмалион», великолепная идея: работа скульптора ещё не закончена, «*а Галатея была уж живая*». Сколько раскрывается возможностей для обработки темы.

Любовь Сердечная. Невозможно без стихов о любви. Их много. Они трагические и счастливые, разные по строю, но в них всегда есть жизнеутверждающая нота. Иногда тема любви собирается чередой формул: «*Что день без тебя? Стон. / Что ночь без тебя? Страх. / Что жизнь без тебя? Сон. / Что свет без тебя? Мрак. / А я не хочу так!*»

Горестная пауза обыденности позванивает пружиной самоиронии: «*Вареньем себе поднимать настроенье!*»

Тоска: «*И больно жить, и скучно умереть...*»

Отчаяние: «*Ты снова в жёны взял другую. / Я не ревную*».

Счастье: «*Я пляшу под твою дудку. / Ты играешь без перерыва. / <...> / Смолкнет музыка – я упаду*».

Счастье как состояние глубокого покоя и доверия, растворения в блаженстве: *«Мне прижаться к тебе и застыть. / И прирасти кожей. / И про себя забыть. / И про тебя тоже...»*

И всё это – поэт, отдающий себе отчёт в своём предназначении: *«Да, я копчу небо, / Чтоб научить солнце / Сиять не только при свете. / Но и в крошечной тьме!»*

Вот голос современника. Сильный, чистый и узнаваемый.

Современник, как никто другой, нуждается в похвалах. Он имеет на это право, потому что много уже сделал достойного похвалы. Кроме того, похвала даёт ему силы совершенствоваться в мастерстве и исправлять то, что ещё можно исправить. В отличие от бессмертных классиков.

2017

«Быть счастливой» Песни о любви.

Серия: Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года». ООО «Издательство РСП», Москва, 2019

(опубликовано: «НГ-Exlibris», приложение к «Независимой газете».

12.12.2019. № 45 (1010) «Требуй меня, требуй!» Сетевой литературный и исторический журнал «Камертон». № 116. 2019)

Любовь Сердечная – поэт с голосом широкого диапазона и внутренней напряжённости. В её стихах есть стремительность и прицельная скорость мысли с оформленной осознанной глубиной. На столь ощутимой скорости не всегда удаётся остановиться, педантично выровнять рифму... надо лететь, это гораздо важнее. Действительно важнее успеть точно сказать, что уловила, поняла, пережила, и донести до тех, кто ждёт этих слов.

Можно позавидовать острому языку и стихийной порывистости поэта, можно пожурить за неровные стихи в книге, возникшие на взлёте впечатления и оставшиеся такими, какими явились, разными по силе, по техническому

качеству, но нельзя не откликнуться на ту вдохновенную неистовость, которая пульсирует буквально в каждой строке, поддержанная ударными восклицательными знаками. Сколько Любовь ни критикуй – её не перехвалить.

*Крылья совсем заплылились: стирать и сушить!
Можно погладить, да ладно (была не была!),
Гладкость крыла не влияет на свойства полёта –
Свойства полёта влияют на гладкость крыла!..
(«Крылья»)*

Известность, которая настигает поэтов, поющих свои стихи, закономерна. Известность песен Окуджавы значительно превышает известность его же стихов, не положенных на музыку, хотя это замечательные стихи: *«На белый бал берёз не соберу. / Холодный хор хвои хранит молчание. / Кукушки крик, как камешек отчаянья...»* Но их знают единицы. Тогда как песни – миллионы. Поэзия легче прозы проникает в сознание, запоминается, а привлекательность спетого стихотворения удесят�еряется. В новой книге Любви Сердечной «Быть счастливой» примерно 160 стихотворений, и хотя не указано, какие из них песни, – песни легко узнаются.

*...Звёзды, как яблоки, тоже созрели:
Падают прямо на нас.
Кружатся, кружатся звёзд карусели.
Яблочный Спас...
(«Яблочный Спас»)*

К авторскому исполнению можно идти двумя путями – от стихов к музыке и от музыки к стихам. Любовь идёт от стихов к музыке. Музыкальные стихи подталкивают пропеть их. Известны и противоположные примеры. Стихи Гена Шангина-Березовского (автор песен «В Звенигород идём», «Несмеяна», «Парус» и др.), по словам знавших его, появлялись как приложение к написанной мелодии. совме-

щаются две музыкальности – поэтическая и инструментального сопровождения. Но что-то непременно превалирует в творческом процессе. Любопытное явление. Вызывает размышления о том, не являются ли две музыкальности взаимоисключающими?

*А хочешь, я с неба достану Луну?
Подпрыгну, сорву, словно с вешалки шапку?
А хочешь, тихонько тебя обниму?
А хочешь, меня ты поймаешь в охапку?
(«Волшебная ночь»)*

Желание людей петь любимые стихи существовало во все времена. Но есть множество стихов, написанных без мысли превратить их в песню. Если им дают мелодию, их собственная музыкальность разрушается внешней, привнесённой. Так представляются спорными романсы, написанные на стихи Ахмадуллиной, Цветаевой. Внутри этих «тянитолкаев» сохраняется столкновение равноценных стихий. Но в авторской песне, задуманной как единство музыки и слова, такого столкновения нет.

Стихи Любови Сердечной изначально обладают упругостью и строем, сулящими им песенное будущее. Поэтому вполне закономерно, что автор песен о любви стала лауреатом учрежденной Российским союзом писателей национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Песни» за 2017 год.

*Скажи мне три слова,
Всего лишь три слова,
С которыми жизнь хороша,
Я снова и снова их слушать готова,
Волнуясь и еле дыша,
Скажи мне три слова,
всего лишь три слова.
Которыми держится свет,
Скажи мне три слова,*

*Всего лишь три слова,
И знай, что услышишь в ответ
Всего лишь три слова...
(«Три слова»)*

Поэтический мир Любови Сердечной, – своеобразная брамфатура – система слоёв. Внутри заповедная зона, тайник личности. Вокруг – пространство, куда допущен внимательный чуткий читатель. И есть ещё внешний слой – куда допущены все остальные. Там возможно и непонимание, и неприятие. Но автор отчаянно открыт. Он не прячется за маской лирического героя, не уходит за нарисованные им декорации, он всегда на авансцене прямо и уверенно говорит от первого лица: «Я решила», «Я устала», «Я влюбилась», «Я скучаю», «Я хочу», «Я б оставила дома мороз и дела, / Я бы камнем лежала на галечном пляже...»

Я! А это не слишком? Не слишком. И только о себе – не слишком. «Как будто в стихах есть что-нибудь не про себя», – как сказала поэтесса Наталья Аришина. Любовь Сердечная широким жестом приглашает читателя в свой мир, вежливо пропуская вперёд, а сама остаётся на месте, наблюдая умными глазами. Раскрывая её книгу, постоянно чувствуешь на себе этот взгляд, следящий пристально и с одобрением.

Стихи могут быть разные по настроению, даже с признаками безысходности, но в какой-то момент неусыпное чувство юмора находит выход, и всё начинает играть блестящим улыбкой. На этом контрасте построены многие из них, насыщенные личным отношением, звучащие выразительным женским голосом.

*Я больна... Я болею любовью...
<...>
Я больна... И, возможно, заразна...
Это данность, проверенный факт.
И инфекция крайне опасна:
Осложнение – брак!
(«Я больна»)*

Узел практически каждого стихотворения – какой-либо ловкий штрих. Стихотворение – не только яркая энергичная зарисовка, но и головоломка, внутри которой всегда есть неожиданный поворот, выверт, пируэт, жизнеутверждающая нота.

*Мы ходим в горы лето зимовать...
Мы ходим в лес, чтобы найти себя...
(«Мы ходим в горы»)*

В сборнике «Быть счастливой» девять разделов: «Я пою не по нотам», «Я хочу полетать», «Быть счастливой», «В гармонии с миром», «Мои календари», «Город», «Рубашка с бантиком», «На детской площадке», «Уходим вдаль». Уже в перечне угадывается напряжённая динамика, устремлённость к некой притягательной цели. Но, как известно, тайное всегда становится явным. Даже разделы со спокойными названиями скрывают внутри себя стихи энергичные, накалённые активным действием, сильным чувством. Последний полностью отдан песням, которые поются в походах, у костра, резонируют романтикой. В этой части книги потребность петь нарастает с невиданной силой.

Котелки

*Как хорошо, когда среди густого леса,
А может быть, в горах, на берегу реки
Трещат дрова в костре, дым – комарам завеса,
И варят котелки, и варят котелки.*

*Сидим плечо к плечу, душа открыта другу,
Тепло нам от костра и дружеской руки.
Мы всё переживём: и засуху, и вьюгу,
Ведь варят котелки, ведь варят котелки!*

*И пусть нам говорят: «Куда вы от порога?..»
Всегда ведь над умом смеются дураки...*

*И пусть себе кричат – у нас своя дорога,
И варят котелки, и варят котелки!*

Тут ещё задумаешься, какие котелки имеются в виду и что они варят, – у Любви Сердечной всегда есть в арсенале искра весёлой вариативности. А вот хорошо темперированные строки стихотворения «Байдарочный поход», напевая которые можно легко и слаженно грести:

*Тепло.
Скорее, жарко.
Светло.
Скорее, ярко.
Идём
В прекрасном месте
Вдвоём,
Скорее, вместе...*

Ядром поэтического творчества Любви является неиссякаемый запас любви. Но не желание быть любимой, а желание любить настойчиво проявляется в стихах, – прекрасное желание обрести цель, на которую можно было бы направить своё благодарное чувство. Здесь поразительная особенность любовной лирики, представленной в книге. Здесь трагизм: глубинное желание любить и отсутствие того, на кого готова распространиться любовь. Здесь щедрость, которая не имеет применения. Но здесь и восторг, когда цель обретена.

*Не встретился мне, ну и ладно!
Я даже и рада, наверно:
Ты стал бы «уродом» и «гадом».
Я стала бы «дурой» и «стервой»...
<...>
Не встретился, и не жалею.
Я даже и рада. Наверно...*

*Ну, встретиться, ну встретиться скорее!
Одной в этом мире так скверно.
(«Не встретился»)*

Если нет достойного современника, то есть мир литературы, в который Любовь Сердечная входит с раскрытым сердцем, обращаясь к классикам как к ровесникам, говоря правду, но так смело, что можно принять её за шутку. И, произнося свой пылкий монолог, направляет взгляд на читателя, тот самый взгляд, испытующий и смеющийся одновременно.

*...Знайте, мой милый Пушкин (как я могу, как я смею?),
Я бы любила Вас, Пушкин, не будь между нами веков...
(«Пушкину»)*

Любовь Сердечная – талантливая актриса, умеющая быть в стихах ослепительно разной. В искусстве она выше мелочного желания быть только красивой, показывать себя только с выгодных сторон. Она может обернуться и уверенной красавицей, и жалкой дурнушкой, и юной девчонкой, и хозяйственной старухой, она не стесняется и не боится сыграть первую роль в очередном стихотворении-открытии, какой бы эта роль ни была. Она как никто умеет извлечь золотое зерно из любой будничной ситуации.

Температура

*Без тебя температура
Тридцать пять и пять...
Да, я дура, дура, дура:
Вот, реву опять.
Без тебя замёрзли руки,
Сердце барахлит...
Как ты там вторые сутки?
Не простыл ли? Сыт?
Да, я дура, дура, дура...*

*А, какая есть!
Лишь с тобой температура
Тридцать шесть и шесть.*

Новая книга Любови Сердечной – живой и живучий сплав «Всё я сумею!», «...Похоронка – ошибка», «Такой неожиданный снег...», «Проверить газ!», «Вы ждали не меня...», «Ну что ты можешь мне сказать...», «Ты меня отогрей...», «Звонко капает со стрех...», «Всё равно счастливой буду...» Обыгрываются мотивы русских сказок, поговорок, используются идиомы, – всё идёт в дело, возникают красивые изобретательные схемы.

*Ну если ты – камень, то я, мой любимый, бумага...
А если ты, милый, бумага, я – ножницы! Ясно?..
А если ты – ножницы, в камешек я превращусь...
(«Камень. Ножницы. Бумага»)*

Примечательная черта в творчестве этого поэта – чуткая ориентация на состояния природы, созвучность временам года. Стихи открыты проблескам солнца и сгущению туч, кружению снега, листопада, натиску дождей, пробуждению почек. Не только в разделе «Мои календари», но и во всех прочих разделах разворачивается изменчивая картина внешнего мира. Поэт принимает дары природы с юмором и с философской улыбкой, с восхищением и благодарностью.

*На боль, на осенние раны,
На ветки деревьев-калек
Ложится такой долгожданный,
Такой неожиданный снег...
(«Первый снег»)*

Сколько ни читай хорошую книгу – снова и снова найдётся нечто такое, что привлечёт внимание, расширит исходное впечатление. Сколько ни пиши рецензию, всего не охватишь, за пределами возможного остаётся недосказан-

ное: прекрасные строки, интересные повороты поэтической мысли. Но и в краткости есть свои преимущества. Можно остановиться на одной теме или на одном приёме, можно остановиться даже на одном стихотворении, расщепляя на строки и слова, на знаки и звуки, и поразмышлять, что и как столь удачно соединилось в целое.

Внимание к фольклору привело автора к созданию поэтической сказки (изд. Смоленск, 2019) в традициях Пушкина и Ершова, с классическими героями: Солдатом, Зайцем, Мышкой, Царской дочкой и другими, обеспечивающими Солдату то беды, то удачи. И среди всех перипетий точное замечание автора, которое оглашает Солдат: «Радость жизнь, но не потеха!»

Давать названия книгам, разделам и стихам – особая способность автора. Если даже смотреть только на содержание – немедленно возникает представление о человеке, который смело может сделать своим девизом слова Блока: «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую...» Любовь Сердечная – поэт, уверенный в своих силах и благодарный стихиям, на которые опираются его крылья.

2019

«Россия всегда на любовь отвечает любовью...»

*о книге Андрея Расторгуева «Русские истории»:
Стихи, поэмы (Редакционно-издательский дом
«Российский писатель», Москва,
Издательство «Генри Пушеть» Екатеринбург, 2014)*

(опубликовано: Москва. 2015. №3; «НГ-Exlibris»,
приложение к «Независимой газете». 27.11.2014. № 43 (769)
«По крылатому полету видно сокола»)

Название книги простое, но многозначное, – «Русские истории». Разделов четыре: «След на земле», «Игра в города», «Осколки», «Материк». В книгу включены стихотворения, циклы стихов и поэмы – как новые, так и написанные в последние два десятилетия.

Автор – поэт, переводчик, член Союза писателей России, лауреат поэтических премий, кандидат исторических наук. Родился в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет в Свердловске. Около двадцати лет жил и работал на Севере. Сейчас живёт в Екатеринбурге.

Поэзия ценна деталью, индивидуальной рукотворностью, адресностью. Книга «Русские истории» зовёт вдуматься в слова «Сибирь», «Екатеринбург», «Урал», взглянуть в их мощные черты, осознаваемые поэтом как фундаментальные основы его жизни и искусства: «...кланяться Родине или Европе / нам на рассветной заре не впервой...»

С древних вершин Уральских гор Россия предстаёт иной, незнакомой жителям европейской части, не задумывающихся о том, что центр страны – далеко не Москва. Размышляя

о значении для России Уральских гор, поэт рисует убедительный образ: «...пустая приземлённая молва / не различает в них сварного шва».

Сборник представляет собой сложное переплетение тем – географических, исторических, фольклорных, былинных, библейских. Однако в разнообразии поднимаемых вопросов, осмысляемых ситуаций отчётливо звучит нота верности своей земле, готовность переживать её судьбу – как свою. «Русские истории» предваряются стихотворением-эпиграфом, вмещающим главный смысл, накладывающим отпечаток на все циклы книги:

*...Над лесом и степью, над Волгой, Амуром и Обью
за тёмною ночью опять наступает рассвет.
Россия всегда на любовь отвечает любовью,
да жаль – за ветрами не каждому слышен ответ...*

Тема, заданная названием, изобретательно обыгрывается в оформлении книги художником Юлией Колинко, взявшей за основу одно из ключевых стихотворений – частушку «Ой, черника-вечерника...» И обложка, и каждый из четырёх циклов имеет зрительный ряд, привязанный к этой теме, – на символические образы ягод наложен силуэт горлицы.

*Где стоят Елань и Талица,
птица-горлица печалится
не о злате или олове –
о далёком сизом голубе.
(«Старик и море», ч. V)*

В оформлении есть соответствие названию, умело реализованный, служащий зрительным рефреном композиционный замысел, всегда возвращающий нас на русскую землю, о чём бы ни шла речь в отдельных стихотворениях. Ещё до прочтения, в преддверии стихов, уже угадывается лесная стихия России. Цветные россыпи ягод сродни уральским самоцветам. Птичье многоголосье пронизывает книгу и

акцентируется в итоговом, завершающем стихотворении: «...Мы рябину разделили с птицами, / поделили с птицами иргу...» Лёгкость и стремительность птиц создаёт общее настроение летучести, какой бы образ ни выстраивался с их помощью: «Коршун времени ходит кругами...» («Баллада о безымянном поколении»), «По крылатому полёту видно сокола...» («Илья Муромец»).

Сборник стихов, написанных хорошим русским языком, сегодня может рассматриваться как действенное орудие защиты русского языка от выхолащивания, обезличивания, упрощения. Автор с тревогой отмечает эту тенденцию, наметившуюся в литературе: «Иные книги нынелетние, / нам возводимые в закон, / напоминают: мы – последние, / кто пишет русским языком...»

Но велика наша страна и цельно её глубинное самосознание, сцементированное единым русским языком, уверенно преодолевающим любые посягательства на него. Мы, привыкшие к тому, что на всём протяжении страны с севера на юг и с запада на восток все люди говорят на одном и том же языке и не имеют языковых барьеров, препятствующих пониманию, – мы, выросшие с этим, не отдаём себе отчёта, что распространение единого сложного и сильного языка в границах такого громадного многонационального государства, как Россия, – поразительный феномен.

В формально объединившейся Европе увидим как раз противоположное: разъединение языков даже в пределах одной страны, настояние на фиксации диалектов как самостоятельных языков. К примеру, в Норвегии, с численностью проживающих немногим более пяти миллионов человек, каждое селение говорит на своём диалекте, и жители разных селений могут не понять друг друга. В Норвегии даже государственных норвежских языков два – букмол (книжная речь, на основе датского) и нюношк (новый норвежский), которые весьма отличаются друг от друга. Неудивительно, что из многообразия языков и диалектов, как отдельной европейской страны, так и Европы в целом, единственное спасение – английский.

А Россия свободно противопоставляет ему мощный цельный всеобъемлющий русский. В пределах своей страны нам гораздо легче договориться друг с другом, чем народам Европы между собой. Русский язык – наш неиссякаемый стратегический запас, куда более надёжный, чем реальное вооружение. Русский язык – жизненная сила России, суть её духовного единства, уверенной самостоятельности, неиссякаемого юмора, оздоравливающей самоиронии, – всё это отчётливо звучит в «Русских историях» Андрея Расторгуева.

*...мы отравлены странною
русскою литературой,
где летят в небесах
на горбатых конях дураки.*
(«Баллада о безымянном поколении»)

Есть в книге незаметная, но принципиальная деталь – нахождение на акцентировании буквы «ё», что дополнительно подчёркивает заботу автора о русском языке: «*А впрочем, своё поминая житьё-бытиё, / весёлый уральский народ упират на „Ё“*» («Игра в города»).

Точка опоры поэта – Россия, земля предков – Урал: «*Все могилы мои на Урале... Сбережение памяти – долгий невидимый труд...*» Однако понятия «Родина-мать» и «Родина-власть» разделены без иллюзий.

*Ах, как молодая голова
верила, что Родина права –
до заглавной буквы величая!
<...>
Что ни имена и времена –
остаётся родина одна.
Только ей и верить остаётся.*

Или жёстко: «*...нас стальное сердце Родины / привечает, как юрдовых...*» («Недопролетарское»). Или страшно: «*А уйдёт из бетонного ложа река – / обнажится забытая*

кем-то кирка... / То простое железо – не эхо времён. / Безъязыкая вечность не помнит имён» («Выгозеро»). Или с юмором: «*...Россия – родина поэтов / и немного всё-таки слонов*» («Слоновая кость», ч. II).

Гражданская позиция автора определена однозначно: «*Если остался – не сожалей. / Если уехал – не возвратишься*». Выбор отсутствует, вопрос ставится ребром: если видишь родину только как Родину-власть, то уезжай за поиском лучшей, если видишь в родине Родину-мать, то останешься с ней, с такой, какая она есть. И тогда слова, обращённые к Родине-матери, наполняются искренним сыновним чувством («Слоновая кость», ч. III).

*Спеленатая полосами ливня,
Согретая дыханием костра,
Ты родилась из мамонтова бивня,
А вовсе не адамова ребра.*

Андрей Расторгуев уверенно работает со словом, тонко обыгрывает смыслы: «*Вот они – от Изборска ключи: / вытекают из каменной стенки*» («На Словенских ключах»). Или строки из цикла «Игра в города»: «*Разве город голубиный Воркута? / Разве манит, как магнит, Магнитогорск? / <...> / ...малый Муром не покажется мурой, миновавшей мировую колею*».

Язык книги внятен, богат, широко используются слова, отражающие местные особенности, – «невемые года», «в домах из листвяка»; это придаёт стихотворениям силу и достоверность («Печорский складень», ч. III).

*Избитая брёвнами запань
Уже далеко позади.
Откидывай выцветший запон,
На палубу выходи!*

*...Охота на всякого зверя
В открытую и оттай...*

Создаваемые образы выполнены минимальными средствами, точны и убедительны.

*...на мягких лапах Валаама / лежит гранитная броня.
...кабаньи глазки амбразур.*

Отпила ты, как поцеловала / тонкой фляжки острые уста...

Но после заката .../ людские тела – точно солнцем налитые кубки

Шесть красных гвоздик... / Я нёс их по городу, точно опущенный факел...

Живот большого самолёта – / зал ожидания земли.

Очаровывающий пример музыкальности речи – такого сплетения слов, смысл которых принимается не умом, а сердцем («Левантийская лиственница»).

*Он погода пробьётся – неярный свет,
если в душе найдётся небесный след,
если в сердечной стыни в солёный год
не расплескаешь ты иорданских вод,
где, огибая глыбы, глотая ил,
моет нам ноги рыба Эммануил.*

Индивидуальность книги «Русские истории» – в полифонии её интонаций. Стихи представляют собой свободную речь, по ходу дела вовлекающую в своё русло необходимые факты, вовремя подбрасывающую точные штрихи. Поэт переходит от иронии к высокой лирике, от игры словами к неподдельному не пафосному патриотизму, от просветлённых образов России к страшным событиям её новейшей истории, рухнувших иллюзий, войн, репрессий. Автору стихов очевиден корень смуты, он точно называет его:

*...а нам стесняться кого?
Мы без государя с восемнадцатого...
<...>*

*...круто замешана жизнь на Руси:
уж если затеется смута – святых выноси,
и ежели час, то минута, когда о любви,
и ежели Спас – почему-то всегда на крови.
(«Спас на крови»)*

О Великой Отечественной – как о невысказанном испытании, преодоленном исключительно волей отчаявшегося народа, как о точке отсчёта русской истории: «*И единая нам основа / на грядущие времена – / коль не воинство Пугачёва, / так Отечественная война*». В теме войны снова возникает сквозная для сборника линия птиц, но уродливо искажённая: «*...В том снегу не только танки-пушки, / но и куропатки да кукушки / люду наклевали – не дай Бог ...*» («Старик и море», ч. III). В стихотворении «Чёрный ангел» озвучен загнанный внутри народного сознания, оставшийся без ответа и покаяния вопрос о смысле Афганской войны. На фоне всеобщего забвения и молчания неотступный Чёрный ангел ждёт: «*... что же оправдает / эти крылья за спиной*». И вновь ставится всегда остающийся без ответа вопрос: «*...зачем осталась запятой / земным огнём обугленная точка?*»

Истинный поэт – частица русской культуры, её истории, фольклора, православия. В стихах мыслящего человека обращения к этим исконным темам неизбежны: «*...но и не укрепленный обетом, / как бывало, в закатную тишь / по озёрной воде рикошетом / не швырну валаамский голыш...*» («Яблони Валаама») В стихотворении «Левантийская лиственница» неожиданное авторское открытие: «*о, Господи – какие молодые / Мария и апостол Иоанн!*»; «*выходит, что земного Иисуса / история – она про молодых...*» Трогательный рассказ о Марии, качающей на руках младенца Иисуса: «*...потерялась на бегу левая сандалия...// <...> / Но пока не отрешу на дорогу лютую, / дай согрею, отдохну / ножку необутую*».

Кругозор поэта широк, широко поэтическое пространство книги «Русские истории», словно открывающееся с большой высоты. Воздух, высота освоены авторским словом.

*Но, упираясь в чугунные плиты,
с края последнего восьмерика
ты убедишься, что воды разлиты,
люди малы, а земля велика...*
(«Невьянская башня»)

Человека принимают по одежке, провожают по уму. Точно так же и книгу, за которой стоит думающий человек, встроенный в современность, но не теряющий связи с прошлым, интересный искренний поэт, умеющий видеть и называть. Книга «Русские истории» – состоявшееся деяние. Это факт. Автор со свойственной ему иронией подтверждает его: «*Дурацкая блажь человечья – / оставить свой след на земли*».

В послесловии к сборнику поэт, рассказывая о том, как формировались его взгляды на жизнь, искусство, говорит: «...именно те, кто умеет соединить открытость миру с пониманием причастности к своим народам и общности их судеб, способны сохранить Россию хотя бы в её нынешних пределах».

Полностью свои стихи понимает только сам поэт. Для других они – та или иная степень непонимания. Но доверие к поэту помогает перешагивать непонятое, а художественная канва не позволяет провалиться в отчуждение, держит внимание в контексте. Андрей Расторгуев создал гибкую и крепкую художественную канву, она способна удержать интерес и внимание всякого читателя, – будто книга «Русские истории» написана именно для него, всматривающегося в судьбу России и в неотделимую от неё свою судьбу.

*Устав глядеть на родовую смуту,
Не закрывай ладонями лицо –
Мне так спокойно в редкую минуту,
Когда они смыкаются в кольцо.*
(«Слоновая кость», ч. III)

2014

Бело-чёрно-красное

*о книге поэта Александра Хабарова «Жесть и золото:
Стихи о родине» (М.: Фэстпринт, 2013)*

(опубликовано: Москва. 2015. № 3)

Слова имеют цвет. Это кроме тех, что обозначают цвета. Но никто не станет утверждать, что слово «коричневый» коричневое, а «жёлтый» – жёлтое. Всё гораздо сложнее. И «коричневый», и «жёлтый» обозначают цвета, но сами не цветные. Другие же, вовсе не относящиеся к цвету, вдруг ударяют сочной краской смысла. Оттенком конкретного настроения.

Ночь, снег, туман, земля, трава, река, кровь, пепел – это слова, имеющие цвет. Красный, синий, коричневый, зелёный, чёрный – слова, обозначающие цвет. Ночь – чёрный, снег – белый, река – синяя, земля – коричневая, волк – серый... Это если буквально. Но бывает и ночь белая, кровь голубая, туман розовый, снег серый, солнце чёрное.

Использование цветового потенциала слов, использование слов из разных литературных шкал делает поэтический язык Александра Хабарова ярким, современным. Мощные контрасты состояний решены аскетичной палитрой: белый, чёрный, красный – снег, ночь, кровь. Противопоставляются им только крупницы золота – драгоценность, которая лишь подчёркивает свою исключительность.

Если при чтении стихов сосредоточиться только на принципе использования цвета, этими же примерами будут очерчены и все ведущие темы поэта. Почти в каждом стихотворении снег и ночь, в каждом втором кровь, в каждом

двадцатом крупница золота. Безошибочно точный образ России – центральный образ в поэзии Александра Хабарова:

«Я пью за то, чтоб было больше снега, / Чтоб ветер стих, и ночь была легка...» («Я пью»);

«Засытала в сугробах хмельная страна...» («Этап» Леониду Бородину);

«Обводит красным чёрную беду» («Смерть»);

«И себе, как другому сословью, / задолжали слезами и кровью...» («Свободы!»);

«Чтоб занесли вас золотые вьюги...» («Я пью»);

«В ночь ушёл с награбленным, как вор» («Век двадцатый»);

«Тёмная ночь над великой страной. // <...> / Ветры, как волки, стоят за спиной, / Снег выметая с пустых площадей...» («Опоздание»).

Стихи о любви начертаны теми же символами: *«Заря моя, ты – ночь, а я – поэт»* («Моя, моя...»).

Показательно стихотворение «Державный марш», выполненное тремя ударными красками, возведёнными в цвета боевого флага. И центральные строки, как суровое кредо, где противоположности равно весомы, где клеймо рабства и печатный пряник имеют одно происхождение:

*Потому что земля меня держит, а я за неё держусь,
За иву, за решку чугунную, за скользкую эту Русь.
За проволоку колючую, за книгу, за тонкую бечеву,
За всё, что нам чудится вечером,*

а утром всхлипывает наяву,

За сосны, что ждут нас, как сёстры,

в снегах отдалённых мест,

За стены кремлёвские, за пряники тульские,

за медный наш крест...

Метель метёт неустанно. Каждый шаг даётся с трудом, через сопротивление пурге, льду, тьме. Образ России – снег. Признанно лучшие фотографии России – зимние. Такого единения церковной архитектуры и снежного ландшафта, серого уныния деревни и жгучей белизны зим нет ни в одной

другой православной стране. Новые времена возводят новые здания, деревенский ландшафт меняется, вульгаризируется, но стоит лечь снегам – всё возвращается на круги своя.

На Руси, в отличие от Западной Европы с тёплыми зимами, в отшельники подавался не всякий, а сильный духом, сильный физически. Надо было выжить в ледяной стране, безмерно превосходящей силы человека, – срубить келью, обеспечить огонь и пищу, упрямством и волей ответить убийственным силам природы: *«Ночь не смерть; усердствует свеча...»* («Мир не так уж тёмно»)

О родине не пафосно. Жёстко. Преданность, верность, готовность отдать за родину жизнь дают право говорить ей в лицо о её страшных пороках, о неимоверно трудном существовании в стране, полной противоречий:

«Где благовест тревожнее набата... // <...> / ...Любое утро – снятие с креста, / И всякий сон – как в Гефсиманской роще» («Разговор Сугробова с Январцевым»);

«Я там и дня прожить не смог, / А умереть – забыл. / Страну, которой нужен Бог, / Я больше всех любил» («Моя страна»);

«Люблю эту землю за всю её ложь / И правду меж сосен и сток» («Любовь к родине»);

«Ночь повсюду, словно ждёшь врага... / Слышь, стучит костяшками в стекло... / Глянь в окошко: белые снега / Чёрным снегом напрочь замело» («Ночь»).

Вот: белое слово «снег» обретает эпитет «чёрный». Следом чёрными становятся вино, кровь, вода, дым, Русь:

«Отблевались правдивые рты / Чёрной кровью и ложью хмельной» («Времена»);

«Золотистые ветви у чёрной воды...» («Сады»);

«Русь моя чёрная...» («Русь моя»);

«И несёмся меж звёздной сыти / В чёрном дыме и скрипе лет» («Крузиз»);

«...Люди воспрянут из пут, / И сквозь чёрное небо они прорастут, / Облака раздвигая руками» («Прочёл»).

Ошеломляет жёсткость, суровость текстов, их наступательный дух и бескомпромиссность. Выстраивается цель-

ный образ героя, воплощающего русский народ, – лихой и детски доверчивый, свирепый и сострадающий, быстрый на расправу и способный на глубочайшее раскаяние.

Одна из черт поэзии Александра Хабарова – общность героя с людьми, живущими в России, осознание себя частицей единой человеческой массы. Боевое противопоставление себя другим – лишь колебания внутри одного гигантского народного тела.

*Вас множество, и я такой же снег...
<...>
И мирозданье кружится, как глина,
Та, из которой сделали нас всех,
Похожих друг на друга – и врагами,
Нас множество, но мы тверды, как снег,
К кресту земли прибитый сапогами...
(«Множество»)*

Или в стихотворении «Свободы!», когда судьба одного становится судьбой каждого: *«Мы захватаны словно стра- ницы, / нас читали от каждой ресницы / до следов на про- клятой земле».*

Незаметно, но неотвратно, в ледяной стране человек тоже становится ледяным: *«Здесь вечное лето, а мы-то из снега...»* («Два письма Январцева Сугробову» из романа «Ледяная страна»); *«...Летим <...> / Баб своих ледяных, та- ющих деток и мёртвых снеговиков. / Вьюга – наша подружка, да матушка нам – польнья...»* («Державный марш»).

Не стать ледяным – вот забота, рефреном звучащая в стихах. Единственная поддержка, единственная надежда – вера, православие, близкое присутствие Бога. Физической силе бескрайнего льда противопоставляется духовное тепло: *«...И, обойдя весь мир, вернуться в дом – / Туда, где уми- рают под лампадкой»* («Потерянный рай»).

Простые неказённые отношения с Христом – особенная черта поэзии Хабарова. Черта опять же яркая, однозначная. Действенное, активное православие, которое наравне

с ножом и пистолетом становится орудием в непрекращающейся борьбе: *«Ты мне вышей на чёрной футболке крестом / экстремистские знаки Христовы»* («Чёрная футболка»); *«Фонарь едва ли осветит эту страну снегов, / Родину радио, родину Бога, родину Божьих врагов»* («Державный марш»).

Стихотворение «Наша Пасха» простыми внятными словами рассказывает о распятии:

*Сам Господь пошёл, в простой рубахе,
принимать мучительную смерть.
Вот Ему к кресту прибили руки
мастера-шабашники Земли,
да еще двоих бандюг на муки
злые фарисеи обрекли...*

Далее с большой симпатией, без осуждения, о простодуш- но-бесшабашном настроении народа в Пасхальный день:

*Мы ведь распинались без сугрева
всякий день Великого Поста.
И не вспомнить нынче – то ли слева,
то ли справа Господа Христа...*

Тема духовного родства с Христом, взаимопонимания раскрывается без панибратства и самоуничужения. Христос для автора стихов – как близкий человек, безмерно уважае- мый, но отзывчивый и верный друг, на которого можно по- ложиться, который без лишних слов и вмешательства всегда подставит своё плечо, чтобы упавший духом мог опереться и воспрянуть:

«Призывал я друзей и святых, / А остался с одними свя- тыми» («Чудесный мир»);

«Я встану затемно, и мне Господь подаст / Всего, что я просить уже не в силах» («Утро»);

«„Прости мя, Отче!“ – громко гряну / Охрипшим шёпо- том своим...» («Из жизни певцов»)

Последняя из приведённых строк – яркий пример смыслового контраста, которым в совершенстве владеет поэт, усиливая настроение стихотворения до абсолютной отчётливости.

Главный герой поэзии Александра Хабарова по своей сути Крестоносец, свирепый и непреклонный. Вскрывает зло, видит его, говорит о нём. Больше не видит ничего. Зло – его цель. Истребление зла – смысл жизни. Длится поход против нечисти – подлости, низости, предательства, неверия. С врагом прошлым, настоящим, будущим. С суровыми обстоятельствами. С самим собой – своей слабостью, мелочностью, убожеством. Честный боец, не щадящий себя самого, поэтому не щадящий и других: *«Пусть меня режут, Ваня, / пока не зарезал я»* («Державный марш»); *«Пора идти, не поддаваясь страху, / На острый взгляд и на тупой оскал. / Ведь для чего-то белую рубаху / Я в этом чёрном мире отыскал?!»* («Белая рубаха»)

Крестоносец бьётся за истину, за Родину, но внутри его убеждений возникают внезапные прозрения, переворачивающие сознание: *«...Только где-то прочёл я – спасут не стволы, / А престол, пред которым ослы да волю / И повозки волхвов даровитых...»* («Прочёл»)

В главном герое Хабарова, невольно видится Леонид Бородин, отвечающий этому образу силой духа, самоотверженностью, уверенностью в правоте, непреклонностью.

Мне довелось встретиться с Бородиным в 2010 году в редакции журнала «Москва», где он был главным редактором. Был старый и сухой, смотрел через толстые очки. Был суров, неулыбчив, даже когда шутил – словно пребывал вне происходящего. Рассказывал про пятнадцать лет в лагерях. До ареста был сторожем храма. Вышел на волю в 1987 году. Про арест, лагерь рассказывал много, но холодно. Сидел, голодали страшно. В камере запрещено было говорить о еде и женщинах. Сны снились – как летает. Очень много раз. А на воле, сказал, до сих пор через ночь снится, что сидит в лагере.

Может, поэт не имел в виду такую параллель. Но поэзия живёт своей жизнью, и её создатель способен управлять далеко не всеми её движениями. Читателю поэзия нашёп-

тывает своё. В стихотворении «Злое» портрет прописан с большой образностью:

*...Ведь не зря ж я ломом подтопан
И закутан в белую метель.
А обут – позёмочкой со свистом,
И никто не скажет, что я бос.
А помру – считайте коммунистом
Снег январский, что меня занёс.*

Крестоносец – страж веры, неусыпный, преданный, отчаянный. Хрипит, бормочет, выкрикивает строки, бьющие наотмашь, простреливающие насквозь. Пурга, ночь, кровь, боль, смерть. Никакой политической гибкости. Отчаянная прямолинейность одиночки: *«Я шёл туда, куда хотел, / <...> / На визг ликующего зла. / На зов добра...»* («Мир летящих»); *«Я нёс свой крест, и не был он тяжёл, / Но не был он чужим, а был он – мой»* («Выход»).

Но одиночество мыслящего и видящего многократно усиливается внутри массы, действующей и думающей по установленному шаблону: *«Не дотянул какой-то ноты, / <...> / Но я же плакал, идиоты! / Я плакал – значит, тоже пел»* («Из жизни певцов»).

Крестоносец. Распятый, убитый, не отступившийся. Но истинно бескрайнее пространство духа открывается в способности сострадать врагу:

*...И я взмолился: «Упаси, Господь,
Чтоб не нашли заточенную жалость
И милости надкусанный ломоть.
(«Шмон»)*

Однако духовность не только в вере, не только в способности сострадать. Жизнеутверждающая нота юмора (аналогично золотым крупичкам в суровой цветовой гамме) звенит в отдельных строках. Так, в стихотворении «Эхо Псалтыри» подтверждается счастливая надежда:

*...Воскреснет Бог, и распадутся сети,
Все голуби взлетят, и все на свете
Бессмертники сквозь смерть произрастут.
Коль снег занёс – зверьё откроет лазы.
Всех тонущих – удержат водолазы,
Пожарники – пылающих спасут...*

Иногда Крестоносец вспоминает, что он поэт. Возникает краткая пауза, делается попытка уйти к чистому духу. Как укол самообмана в длинной череде суровых стихов: *«Плыву себе тихо, без цели, хватаясь руками, / За воды, за звёзды, за небо с его облаками»* («Смысл жизни»).

Но вновь захватывает походный темп, возвращается бдительность, собранность, ожесточённость, здоровый цинизм. Даже тема поэзии окрашивается в боевые цвета: белый, чёрный, красный.

*Они молчат, как ангелы в ночи,
И крыльями трепещут, словно птицы.
Их пичкают бессмертьем палачи,
Невинной кровью пачкая страницы.*
(«Словеса»)

Или ещё жёстче в других стихотворениях:

*«Поэзия, как грязь под сапогом, / Всё чавкает и чавкает,
покуда / Не назовут идущего врагом / Всего живого, в том
числе и люда»* («Седьмая»);

«...Вечное гложет, / и бумага от правды бела» («Свободы!»);

«За слова, бывает, платят кровью – / Впрочем, не „бывает“, а всегда» («Слова»).

Совершенно естественно вплетаются в поэтическую канву звериные образы: волк, с которым соотносится лирический герой, продирающийся сквозь колючую проволоку жизни, и чёрный пёс, выступающий символом глухого зла.

«Как достучаться до сердца врага? Дотянуться до горла друга? / Прячет следы человека эта звериная вьюга» («Страж»);

«Я устал от голода и тьмы, / <...> / Я, как волхв, тащу свои дары, / Волчьей мордой падая в сугроб» («Усталость»);

«Не ищи меня, вьюга белая, / Не выслеживай, чёрный пёс. / Душу я закопал, а тело я / По сугробам, как ношу, нёс» («Уход»);

«Я русский волк, идущий с севера / За теми, кто в мехах овечьих» («Русский волк»).

Многие из процитированных стихотворений вошли в изданный в 2013 г. сборник А. Хабарова «Жесть и золото: Стихи о родине». Написанные в 2015 «Там», «Из жизни певцов», «Свободы!», «Русский волк», «Слова», «Разговор Сугрובה с Январцевым» и другие продолжают и развивают основные темы сборника.

Поэзия Александра Хабарова построена на точных цветовых акцентах. Автор оперирует словами, либо имеющими цвет («*Носишь шапку из чёрных мхов, / пьёшь вино из зелёных рек...*»), либо обозначающими цвет («*...Там, где пахнет золой зари / на окошке твоём герань*»). Это примеры из стихотворения «Там». На этот фундаментальный принцип опирается массив образов с мощным энергетическим потенциалом, построение которых невозможно без виртуозного владения русским языком со всеми его оттенками.

Существует мнение, что если человек не в силах изменить обстоятельства – ему должно смириться с ними. Но для героя стихов, выражающего мнение автора, эта позиция категорически неприемлема. Путь один – битва в пурге и в ночи не на жизнь, а на смерть. Под знаменем бело-чёрно-красным. На котором девиз: *«Чёрное, стань золотым! Стань, ледяное, святым!»*

2015

Литературный ювелир

о книгах поэта Сергея Нещеретова, Москва

«Охалка»
Москва, Круг, 2015

(опубликовано: Москва. 2016. № 6
«Нет предела несовершенству»)

«Охалка» состоит из трёх самостоятельных разделов: стихи, иллюстрирующие чёткость мысли, точность её воплощения и внятность создаваемого образа; критические статьи, в последних своих образцах тяготеющие к краткости и образности верлибра; воспоминания о юношеском порыве утвердить в 1990-х новое течение в поэзии – «мелоимажинизм».

Книгу, имеющую сложное, отчасти ретроспективное содержание, отличают ирония, изящный английский юмор, рукодельная аккуратность в отборе материала и его компоновке.

Большинство стихотворений имеют названия. Наличие названий обычно указывает на то, что стихи написаны о разном. Отсутствие названий – что стихи об одном и том же.

Склонность давать названия отличает авторов, которые сначала мыслят, а потом уже чувствуют. Сергей Нещеретов трепетно относится к названиям своих стихов, этому уделяется большое внимание. Отсюда не удивительно, что книга более умная, чем эмоциональная, хоть и называется остро-эмоционально «Охалка», что по смыслу – быстро, всё подряд и как можно больше.

Афористичность, одно из достоинств и поэтических, и прозаических произведений книги, наиболее ярко проявляется в стихах:

«Солнце – лишь поплавок, луна – только блесна» («Поставь меня высоко...»);

«Не ветром сгибает сирень, а тяжестью цвета её» («Какая кошмарная явь!..»);

«Улыбка со скрежетом / катит по рельсам губ» («Столбец»).

Образность отдельных высказываний заставляет возвращаться к ним, чтобы заново пережить удивление открытия. Стихотворение «Бокалы» завершается строками:

Давно отмыта вкусовая память.

*И мы стоим –
тяжёлые хрустальные ботинки с ноги старинного
французского вина.*

Особенность стихов, вошедших в книгу «Охалка», заключается в том, что поэтическое открытие зачастую граничит с философским:

«Нет предела несовершенству...» («Нет предела несовершенству...»);

«Чем беден человек, тем, в общем, и богат...» («Владеешь ты вполне и вздохом, и слезой...»);

«Истина – это мир вокруг тебя / и ты, принадлежащий всему» («Намёк на Мекку»);

«Я хочу вернуться туда, где никогда не был» («Не удивительно ли это...»).

Но стихи не пишутся философскими. Они философски получаются. Философское звучание вырабатывается в стихотворении по мере его написания, но не является самоцелью. Автор книги сканирует мир чувственно, но

выносит из него поэтический образ с глубинным смыслом. Поэтическое откровение во сто крат убедительнее любого прозаического откровения за счёт минимизации средств и стройности изложения. Абсолютного звучания поэтические умозаключения Сергея Нещеретова достигают в кратких чётких верлибрах.

Вместилища

*Квартиры и комнаты,
где в начале века жили гении,
подобны средиземноморским амфорам,
из которых навеки выветрилось вино.*

Ещё одним признаком умной книги является игра словами и смыслами – использование возможностей языка. Часто эти совпадения или параллели лежат на виду, но далеко не всякий автор способен разгадать их и воспользоваться ими.

Ближе всего к тебе всегда тот человек, который думает так же, как и ты. Индивидуальность авторского прочтения всегда найдёт отклик. Многозначность образует пространство стихотворения, внутри которого у читателя есть свобода выбора, что означает сотворчество, единение с поэтом.

«Резвится солнцеподданная ветка / ольхи суровой...»
(«Сучьев хруст»);

«Ветры тащат лето во тьму, как лисы – неосторожных кур»
(«Заливной сентябрь загоняет в сенцы...»);

«Расшатанных желтеющих / жердей сарая солнца...»
(«Сучьев хруст»);

«Колода ночи перетянута жёлтой резинкой / отбившегося от времени лунного луча»
(«Крест перекрёстка»).

Кратко и точно нарисован портрет зимней Москвы – ещё один кадр к истории многоликого города. Многозначность доведена до своего максимума: *«Бабочкой стопудовой / на*

рукаве реки / слышит Москва ледовый / холод мёртвой руки»
(«Зима»).

Глубина филологических знаний автора и безупречное владение русским языком позволяют ему изложить в желаемой форме всё, чего бы ни задумал, подталкивают к сложным экспериментам в построении фраз, в использовании рифм. Это почти уже конструирование, даже с неким применением силы. Возникают стихи – образцы логической игры, филологические головоломки, которые содержат в себе открытый вызов интеллекту и чувствительности читателя.

«То есть, то, что нужно, неизвестно, ради / чего, и нет сомненья, что, / скорей всего, бесспорно...»
(«И вот теперь уже – тогда...»);

«С противопоставленьем граничит мир; / дымом кумирен, словно стенами квартир, / каждый укрыт...»
(«Вправе ли знать мы лишь...»);

«Пичуга, причисли кручину к загадкам небесных дорог, где стелет озона овчину на мраморе туч тенорок»
(«Пичуга, причисли кручину...»);

«Вычурные осины – / колонны, профукавшие фуст / в запёкшейся корке железистой патины, / чья крошащаяся на манер капители крона...»
(«Октябрьские краски...»)

И тут же следом воздушное, подтверждающее, что Сергей Нещеретов отлично видит разницу («Зелёный цвет мне друг...»):

*Зелёный цвет мне друг.
Сквозная бирюза
возносится спиралью.
Под ней – зелёный луг,
вверху – зелёной далью
натешилась гроза...*

За поэтической частью книги следует две подхопки прозы.

Раздел статей и рецензий. Доводы критика обоснованны и убедительны, как в случае положительных оценок, так и в случае отрицательных, что внушает доверие. Ценность всякой рецензии не только в разборе конкретного произведения конкретного автора, но и попутное изложение взглядов критика на литературу и искусство. Важнее не то, что думает критик о том, что думает писатель, а то, о чём думает сам критик.

Завершает книгу статья о попытке молодых поэтов закрепить в конце XX века новое течение – «мелоимажинизм». Уже само прикосновение к тем временам, само звучание слов «прошлый век» говорит о готовности все сведения о нём считать историей... Нестойкость кружка поэтов, окончательный отказ от начинания были результатом естественного процесса – победой индивидуального над общественным, что есть единственный путь в искусстве, не терпящем никакого ограничения творческой свободы.

Сергей Нещеретов схватил в охапку не всё подряд. Содержание книги тщательно вымерено, сбалансировано. Это строго отжатый ряд сочинений – сухой остаток двух десятилетий последовательного литературного труда.

2015

«Заветы буквача»
(Москва; «Линор», 2018)

(опубликовано: «НГ-Exlibris», приложение к «Независимой газете». 26.07.2018. № 26 (943) «Литературный ювелир»)

Каждый читает те книги, которых достоин, говорят йоги. Мудрое высказывание. Хочется быть достойными хороших умных книг. А по факту вынуждены признать, что достойны совсем другого. Известно, надо читать книги. Книги учат. И строка Бориса Слуцкого внушает: «...надо книжки умные читать». И кажется, что вот будешь читать и всё узнаешь,

чего не знаешь. Но до чего трудно умное чтение. Оказывается, книги вовсе не собираются считаться с неподготовленностью того, кто их открывает. Они просто предлагают себя прочесть. Читаешь и ничего не понимаешь. И считаешь в сердцах, что книга плохая. Потому что не принесла искомого просветления.

Как неподготовленному человеку найти общий язык с книгой, прийти к пониманию, как читать умные книжки?! Ответ: упорно. Результатом будет знание, но не то готовенькое, которое ожидалось по наивности, а другое. Читая, узнаешь, что не всё знаешь, не всё понимаешь. Задумаешься о чём-то, что-то для себя решишь. Именно это знание предлагает книга – аналитическое, раскрывающее читателю его готовность упорствовать в трудном чтении, совершенствоваться, возвышаться до уровня, указанного книгой.

Ценны книги, которые не ставят целью угождать неподготовленному читателю, а отражают лишь требовательность писателя к самому себе и своему литературному детищу. Мало кому присуща та тщательность, с которой работает над своими книгами писатель-поэт-интеллектуал Сергей Нещеретов. *«Ища в себе ген гениальности, взамен открыл два других: волнения и аккуратности»*, – признаётся он в недавно вышедшей книжке «Заветы буквача». Автор представляет собой редкостный вид литератора, способного проникать не только в смысл фразы, не только вить рукодельную нить звучания, а дотягиваться и до отдельного слова, и до одной буквы, множа смыслы, рождая афоризмы. Буква – его строительный материал.

Литературный ювелир (так можно обозначить этот редкостный вид писателя) горит желанием рассматривать под микроскопом всякую букву, всякий знак препинания. Впиваясь мыслью в малое, он задумывается о значительном. Он не желает пользоваться словами как пазлами, как неизменными типовыми блоками. Он, в каждом слове угадывая космос, созидает экзотических кентавров. *Самособойно. Беззубры. Спецдружба. Нащекомое...* и других, им подобных, энергичных, полных жизненной силы. В поиске вызыва-

ющей многозначности он схож с Сальвадором Дали, создавшим фантастическую коллекцию ювелирных изделий. Оперируя рукодельными словами, Сергей Нещеретов получает из сочетаний неожиданные яркие смыслы. *Провокация правоты. Дорогое неудовольствие. Душерубка времени.* Литератор гнёт-мнёт слова, растягивает и прессует, не ради рифм или другой практической цели, а ради неугасимого интереса, любви к исходному материалу. Ведь если что-то любимо, мы всегда стремимся как-то энергично его освоить.

Небольшая книжечка содержит эссенцию изысканнейшего вкуса, острейшей наблюдательности, тончайшего чутья на слово. Приглашает не скакать по верхам, а проникнуть в творческие глубины языка. Сентенции кратки. Их черед показывает в создателе борьбу ума и чувства, равных по силе. Перевеса в какую-либо сторону нет. Похоже, Сергей Нещеретов и сам не сделал выбор. Угадываются большие перспективы в направлении пылкого буквожонглирования, слогодрессировки, слововращения, смыслоплетения. Тогда как в созидании отчётливых умозаключений ощущается устойчивое постоянство и хладнокровие: *«Речь – неопрятная одежда мысли»; «Незаконченное – не начато»; «Свобода – право на тайну»; «Наш главный враг – наши вчерашние достижения».*

2018

Молодой поэт

поэзия Григория Шувалова

(опубликовано: Литературная учеба. 2016. № 1)

Первый закон искусства – создать искусственный мир, или объект, или образ, в котором нет ни капли искусственности. Вот критерий совершенства.

Статьи или эссе я не задумываю специально, темы подбрасывает жизнь и настойчиво требует ответить. Написать о стихах молодого поэта мне предложили в журнале «Литературная учёба» в середине июля 2015 года, что сильно меня озадачило. Восприняв предложение как почётное задание, не нашла решения для его выполнения. Взять стихи незнакомого молодого... с какой стати? Так вот просто, не испросив согласия... растревожить... Вопрос повис. Но ненадолго. Искомый поэт сам вышел навстречу.

В те же дни один литератор сообщил о критической статье в «Литературной России», где упоминаются мои стихи, и что обо мне ещё сносно сказано, а о прочих достаточно жёстко, автор статьи Г. Шувалов.

Стало любопытно, что за критик, как он обосновывает своё мнение, как разбирает стихи? Нашла его текст, нашла про себя и поняла, что оценка приемлемая, но ведётся по принципу «это хорошо» – «это плохо», практически без обоснования, что правомочно, но, к сожалению, не показывает аналитической стороны работы, выдаёт только итог. Зато отчётливо проступает личность рецензента с её характером и эстетическими приоритетами.

Набрала в поисковике: Григорий Шувалов. Наиболее упоминаемых оказалось двое: граф и молодой поэт! Дей-

ствительно, как я раньше не догадалась, ведь не может зубо- скалить беззубая старость. Приняла как аксиому, что автор статьи и данный молодой поэт – одно лицо. Если же это два разных человека – суть статьи не меняется.

Оценила изящество ситуации, как в анекдоте: «Ну, смотри, я тебя за язык не тянул». Вполне логично дать отклик критику, чтобы слова его не исчезали в безмолвии, тем более что слова конкретно обо мне в целом нахожу положительными. В оценке неизбежна бочка дёгтя, но куда дороже капля мёда, а она там есть.

Нужна определённая смелость для критического высказывания о чужих стихах, тем более когда нельзя избежать нелестных оценок. Похвалу авторы переживут и без обоснований, но критику мало кто примет даже с убедительными обоснованиями. Это, кстати, обосновывает отсутствие необходимости обоснований. Григорий Шувалов в какой-то мере прав, зачем расходовать силы, если итог один – неприятие? Но мне всё же интересно, как он аргументирует недостатки и достоинства стихов поэтов-современников. Жаль, что вся интереснейшая умственная работа этого незаурядного человека сжата в его статье до плоского «хорошо-плохо».

Решившись сделать разбор стихов Григория Шувалова, я всё же уточнила, кого считать молодым поэтом, действительно ли Григорий подпадает под это понятие? Оценка идёт то ли по биологическому возрасту, то ли по поэтическому опыту (возраст в поэзии). Считается, что возраст и опыт обуславливают друг друга. Чаще всего так. Но не всегда. Устоялось мнение, что верхний предел молодёжи 35 лет. Григорий Шувалов, на счастье, отвечает этому критерию. В интернете им выложено (по той ссылке, которая первая мне попала) порядка 50 стихотворений, на которых я и остановилась, отметив, что многие стихи несут в себе сильный потенциал, некую затею, творческую возможность. Есть над чем поразмышлять, с чем поработать. Ведь стихотворение – авторское изобретение, которое можно патентовать. Если в нём ничего не изобретено – это пустословие, судить о нём тоже будет пустословием.

Отношение ко всякому поэту строится на основе тех его стихов, которые хочется выучить наизусть. Мне импонируют, к примеру: «После смерти», «Переход», «Курск», «Новый год», «Мать и мачеха», «Опохмелиться»... Последнее из перечисленных принимаю без всяких придинок, оно гармонично, ритмично, с тонким юмором обыгрывает тему. Уточню, что в данной рецензии рассматривается и оценивается исключительно подборка. О поэте нельзя судить по одной подборке. Искусство – сложный процесс, он толкает уходить от привычного и наработанного к новому, неосвоенному. Бывают периоды взлётов, но неизбежны и периоды трудных поисков.

По мере чтения стихов обнаружился авторский почерк – приёмы, тематика, особенности использования языка.

К положительным отношу:

- соответствие времени, быстрое реагирование;
- широта взгляда, разнообразие тем;
- искренность, отсутствие ложного пафоса;
- готовность к сопереживанию, переходящая в потребность сохранить его в стихах;
- корректность, то есть отсутствие вызывающих тем и грубых выражений в то время, когда ненормативная лексика стала нормой, что говорит о встроенном чувстве меры и вкуса, без которого движение к совершенству невозможно;
- философская оценка действительности, вот строки: «...*Не страшно жить, не страшно спиться, / а страшно то, что всё равно*» («Не будет вечности для нас...»); «...*философские шли пароходы / через горькое детство моё*» («Морской бой»); «*Стихи – лишь тень поэта...*», далее хорошо сказано, что прикоснувшийся к ним «*в тень мою войдёт*» («Тень поэта»);
- живой язык, использование современных и жаргонных слов, создающих композиционный контраст красоте или усиливающих трагизм, как в стихотворении «После смерти»: «*Друзья после смерти распишут мне стену в Контакте ... / <...> / Наверно, и ты, дорогая, оставишь свой грустный смайлик...*»; словами «*грустный смайлик*» – ☹ – охвачено огромное количество чувств и состояний, возникших в ответ

на известие о смерти именно молодого человека, точно выстроено верное настроение; печатая эту строку, я, не глядя, куда-то ударила пальцем и, подняв глаза к тексту, обнаружила в нужном месте грустный смайлик, оставила;

– яркие образы, их много, к примеру:

«Как пуля, пролетели два заката / И в прошлое навеки отошли...» («Я знаю, ты ни в чём не виновата»); замечательно нарисовано время, убийственная стремительность и вновь медленная поступь;

«Шумит пятиэтажный лес / <...> / И, как топор, висит минута» («Новый Сократ»);

«И кажется, что ветхие дома / Построены задолго до потопа» («Привет, Шексна! Как мёртвое сукно...»);

«Слышишь мерный топот / Ледяных коней?» («Новый год»);

«Упала капля света / на влажную сирень» («Тень поэта»).

К чертам, понижающим впечатление или озадачивающим, отношу:

– избыточность жаргонных слов и слов новых, не имеющих ещё окраски, бесцветных («элитный», «европластик» и т.п.); их настойчивое применение поначалу воспринимается как авторский принцип, но они так безразлично рассеяны по стихам с разными темами и настроением, поэтому становится ясно, что это не творческий приём, а естественный язык автора; но едва приходим к такому выводу, как все эти слова превращаются в мусор, становятся навязчивыми; при чтении уже невольно подбираешь в рифму из соответствующей группы; прочитала: «Цепляет за глаза господское жильё. / Мне некуда идти, мне негде притулиться...» – а следующая строка в распечатке оказалась на другой странице, пока переворачивала, у меня подыскалась рифма «ё-моё», и я была разочарована, когда увидела: «Мне не с кем разделить бессилие моё» (стихотворение «Плохи мои дела. Я тлею, как окурок...»);

– малая плотность, затянутость стихотворений, большое количество незначащих слов, что ведёт к потере связи

между акцентными словами; как в стихотворении «Пробуждение», которое будет разобрано далее; и в стихотворении «Фантом», если убрать второе и третье четверостишья, тема печали и боли высвободится из заглушающих её слов и некрофильского какого-то духа; многословие приводит к тому, что чувства названы, но не вызваны;

– озвученная морализаторская нота, которая зачастую завершает стихотворение и лишает читателя удовольствия самому прийти к выводу; в стихах озвучено очевидное, значит, лишнее; пример – стихотворение «Мужик за забором, он красит забор...», которое будет разобрано далее; также хорошее «Курск» отягощено третьим ненужным четверостишьем, которое гирей висит на летучем пронзительном стихотворении;

– несоответствие между реальным возрастом поэта, его очевидной современностью и часто попадающимися отсылками к возрасту старческому, умудрённому жизненным опытом, что вносит смятение в душу читателя, – либо поэт молод (в пользу этого тематика, жаргон), либо стар, хоть и бодрится (отсылки к усталости от жизни); примеры: «...ёлки, / Как дни прожитые летят...» («В Москве всё пышно расцветает»); «Вся жизнь моя прошла...» («Как надоело мне в поэзию играть...»); «А жизнь тем временем проходит» («Упасть, подняться, рухнуть снова»); в строчке «И я живу, живу и увядаю...» («Незнакомый маршрут») «увядаю» вдвойне нехорошо, кроме жалобы на старость, оно тяготеет к женскому роду, как устоявшаяся связка, которую в нестандартном контексте следует использовать с большой осторожностью, иначе она озадачивает и переключает внимание со стихотворения на вопросы, выходящие за его пределы и не относящиеся к искусству;

– неоднократно встречающиеся противоречия в логическом построении темы, которая ведёт к одному и вдруг завершается своим отрицанием, опровергающим и дискредитирующим начало, как в «Пробуждении» или в «Сорняке», где эта тенденция проявилась наиболее явно. Рассмотрим «Сорняк», ключевые слова в последовательности:

Я – просто бедный сочинитель
 Я <...>
 на ниве жизни <...>
 простой сорняк.
 Я семена свои бросаю
 На ветер зря.
 Услышу я зубовный скрежет
 За эту речь,
 Меня серпом садовник срежет
 И бросит в печь.

Главная тема – поэт не востребован, его не слышат. Тему развивает мысль, что если слова поэта услышаны, то они будоражат сознание, могут вызвать протест, который приведёт к гибели поэта. Но композиция разрушена логическими противоречиями, которых сразу два: первое – поэт жалуется, что никто его не слышит, но далее без всяких оговорок сообщает, что его слова вызывают возмущённый отклик, то есть всё же слышат; второе противоречие – сравнение поэта с сорняком, негативным объектом, в особенности на ниве; сорняк однозначно заслуживает конца в печи; если же автор настаивает на этом сравнении, то достоверность должна быть соблюдена посредством некоего объяснения, в чём ценность конкретного сорняка; в исходной же редакции стихотворение подводит к выводу прямо противоположному тому, ради которого написано.

Продолжаю после отступления перечень качеств, понижающих впечатление:

– в стихах о причастности к поэзии, которых много, задевает лейтмотив – я сорняк, я – дурной поэт, что невольно воспринимается кокетством и переключает внимание со стихов на их автора;

– неточные рифмы; они неизбежны и допустимы в фактуре стихотворения, но нехороши в знаковых местах, на которые падает ударение смысла; например, строки «Пусть звучит это очень наивно, / Я люблю твоё имя, Марина» («Ты меня извини, что подсчёт не веду...») крайне

важные, завершающие стихотворение; искреннее признание, но рифма отсутствует, и читатель теряет к признанию доверие.

Серьёзное достоинство поэта – писать стихи, способные быть усовершенствованными. Значит, есть точно найденное настроение, яркий образ, удачно высказана интересная мысль. Всё это лишь следует разместить в компактном объёме.

Все перечисленные недостатки подборки – подсказки для продолжения работы над стихами. Чтобы теперь показать, как их можно применить, надо условиться, что:

слова фактуры будут черными,
 слова жаргонные – серыми,
 ядро образа – белым на чёрном,
 слова значащие – жирными,
 слова лишние – зачеркнутыми,
 пустоты для подбора нужных слов -----,
 комментарии – курсивом.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Природа, сжатая в кулак,
в апреле разжимает пальцы –
ликуют птицы и скитальцы,
 и у поэтов все ништяк.

ключевой образ

Об этом после как-нибудь...
 Апрель – и лопаются почки,
 и дышат клейкие листочки
 во всю распахнутую грудь.

*четверостишие
 озвучивает
 общеизвестное*

Земля – как смятая постель,
 пока на ней не вырос клевер.

хороший образ

И, как по компасу, на север
идёт вприпрыжку коростель.

*желательно избавиться
от второго «как»
м.б. «бежит», т.к. далее
«трава выходит» –
что важнее*

Снег тихо прячется в лесу,
готовый превратиться в воду,
трава выходит на свободу,

*м.б. «укрывается»
или другое слово вместо двух
озвучивает общеизвестное
ключевой образ,
противоположность
действиям снега
озвучивает общеизвестное*

услышав первую грозу.

Природа празднично-светла
и улыбается спросонок,
она беспечна, как ребенок,
не знающий добра и зла.

*озвучивает общеизвестное
второй ключевой образ
противоречие в образе
(сжатый кулак
или беспечный ребёнок?);
лишнее напоминание
в слове «спросонок» уже
заявленного названия
«Пробуждение»*

РАБОЧИЙ ИТОГ: ПРОБУЖДЕНИЕ

Природа, сжатая в кулак,
в апреле разжимает пальцы –
ликуют птицы и скитальцы,

Снег тихо прячется в лесу,
готовый превратиться в воду,
трава выходит на свободу,

Земля – как смятая постель,
пока на ней не вырос клевер.
Уже по компасу, на север
бежит вприпрыжку коростель.

Уплотняется строй значимых слов, устранено смысловое противоречие, ушло ненужное жаргонное слово, удалён повтор названия в тексте, «бежит» подчёркивает суетливость коростеля, при удачной редакции второе четверостишие может стать концовкой, тема «природа беспечна, как ребёнок, не знающий добра и зла» уходит, но эти строки достойны отдельного стихотворения.

«МУЖИК ЗА ЗАБОРОМ, ОН КРАСИТ ЗАБОР...»

Мужик за забором, он красит забор,
Который меня разделяет и двор.

Элитного дома он страж и газона,
А возле забора подохла ворона.

*лишнее о мужике,
т.к. далее главное:*

Сидеть на заборе придется не ей –

*уточнить смысл
«ей уже не придётся
сидеть»*

Она уже стала добычей червей.

*натурализм,
но он оправдан,
т.к. далее:*

И мимо забора сквозь сон и дремоту

*усилить строку,
сделать трамплином*

Как офисный червь я ползу на работу.

*«на работу»
дублирует
«офисный»*

более актуальную лирическую ноту, поэтому желательно заменить его на аналог, но не столь заземляющий).

Признаю, крайне тяжело слушать критические замечания к своим стихам. Это вне здравого смысла, это убийственные удары в сердце, даже когда вопрос касается изменения одного слова, одной строки. Прекрасно понимаю, чем является для поэта подобный разбор. Единственное, что могу сказать в своё оправдание, – практически все когда-либо высказанные редакционные замечания к моим стихам подвигли меня на продолжение работы и позволили реализовать скрытую возможность улучшения.

Для уверенных в себе поэтов, к которым я отношу и Григория Шувалова, подобный разбор благотворен. Подборка показывает, что поэт набирает скорость и качество. Его дальнейший рост зависит от того, насколько он способен редактировать стихи. Но раз он незамедлительно находит недостатки в стихах других поэтов, то и в свои способен всмотреться глазами критика.

Редактирование стихов – сложные манипуляции, допускающие любые подвижки, сокращения и дополнения с одним лишь условием – ядро личности стихотворения должно быть цело, то есть при любой редакции сохраняется замысел, фиксированный ключевыми словами и строками. Стихи со стороны представляются безответственными чувственными отпечатками, а на самом деле они – плоды раздумий, как сберечь чувственные отпечатки в первозданной лёгкости, как наилучшим образом обречь их и ничего не утратить.

Смелость критика выражается не в сотрясении постаментов былого и настоящего, а в личном высказывании, которое может быть не понято, даже осмеяно. Смелость критика – это сознательная готовность оказаться непохожим на других, вынести на свет собственное мнение, оказаться глупым в глазах образованных людей, которые хорошо эрудированны и с осторожностью принимают всё, не подтверждённое временем.

Взявшись судить других, целесообразно иметь некую защиту, тыл, ведь и тебя станут судить. Теоретически, если критик сам поэт, тылом могут быть его безупречные стихи, что практически недостижимо.

Отсюда, если сам поэт и пишешь уязвимые стихи, лучше избегать разгромных рецензий. Это не противоречит главной задаче критики, как я её понимаю, – использовать живой поэтический материал для соиздания нового знания о поэзии. Ну и кроме того – дать автору дружескую подсказку по усовершенствованию стихов.

2015

Переплаывая печаль в поэзию

*о книге поэта Ирины Рогозиной (Шиловской)
«Северный ветер» (Мурманск, «Борей», 2015)*

Молодые поэты – счастливицы, ощутившие в себе поэтический дар одновременно с взлётом жизненных сил, когда жажда к свершениям совпадает с максимальным созидательным потенциалом.

На поэтическом конкурсе «Я дома у себя, в России» (2018) памяти поэта-подводника С.В. Быстрова Ирина Рогозина, журналист из города Мончегорска, практически во всех номинациях была несомненным лидером в возрастной группе до 35 лет. Учитывая тематику конкурса, связанную с мореплаванием, военно-морской службой, с любовью к морю, на поэтическом вечере читались в большинстве своём стихи о море. В стихотворении «Белухи» Ирина Рогозина выстроила образ Белого моря из множества названных и не названных белых стихий, главная из которых – выбеленные снегом гигантские киты. Немеркнущая тотальная белизна преодолевает даже придонную тьму, уверенно высветляя её, оставляя на втором плане.

*...На глубине, где чернильная тьма,
Белые глыбы – ходят белухи...*

*Северный ветер выбелил спины,
Снегом присыпал покатые лбы.
Всплыли...*

В 2015 году вышел первый сборник стихов Ирины Рогозиной «Северный ветер». Издание было осуществлено в рамках государственной программы Мурманской области на средства гранта губернатора Мурманской области. Все без исключения стихи этой небольшой, но необычайно плотной по содержанию книжечки выразительные, искренние, лиричные. Неожиданные строки, по которым пробегают глаза, вдруг заставляют остановиться, не спешить, проникнуться настроением.

В стихах обнаруживается широкий кругозор автора, способность обращать внимание и на глобальные события, и на мелкие детали, штрихи, которыми нарисована частная жизнь, отношения с близкими и любимыми. Чудесное стихотворение «Сливы», в полном объёме воссоздающее состояние летнего дня из детства, со всеми атрибутами тепла, света, незамутнённой радости.

*...А мы кусали сверху, сбоку,
Разбрызгивали спелость лета
И не могли напиться соком
И фиолетовостью этой.*

Замечательны стихи о природе во всех её проявлениях. Автор отлично работает с цветом. Есть стихи полихромные, где использована вся палитра. Есть монохромные, исполненные скупыми средствами. Но цвет присутствует везде. Например, «Осень».

*Желтогривой кобылицей
Осень в город мой вошла.
Охрой, золотом, горчицей –
У деревьев купола.*

*Свет осенний льётся в окна,
Льётся в сердце. И горит
Лист рябиновый, и мокнет
В лужах неба лазурит...*

Цвет рябины – не назван, но он горит, значит, красный, и картина естественным образом включает в себя алый мазок. Цвет неба дан названием камня: лазурит. Человек из северных краёв, Ирина Рогозина, знает, как выглядят камни, в том числе полудрагоценные, как лазурит, знает названия камней, оперирует этими понятиями и так вот, сложным косвенным путём, придаёт нужные оттенки образам своих стихов. Мастерство? Но поэт очень молод, он ещё ничего почти не набрал опытом, ещё не мастер и далёк от того, что является ремеслом, навыком. Зато он свободен и лёгок, подчиняется только тонкому внутреннему чутью. И можно смело сказать, что умеющий так писать – большой талант, он неизбежно обретёт мастерство.

Глубоки и искренни стихи о прикосновении к вере, к православной традиции, о своём месте здесь, о понимании сокровенного религиозного чувства, в котором поэт наследует пути родной земли, России. Но он же и ревниво следит за её путями.

*Я молитвой испрошу себе прозреньё
Под иконами святыми, стёртыми.
Не оставь, прошу, Господь, твоё твореньё.
Плачут свечи все слезами жёлтыми.*

*...По углам, в кругу теней, за аналоем
Слышен зов молитвы не промолвленной.
Знаю, Русь моя останется живою,
Остается если воцерковленной.*

Замечательны стихи о любви – о том, ради чего единственно и возникла поэзия, а также о грусти разлуки, о тишине одиночества.

*Пишу тебе последнее письмо,
В нём память расставляет густо точки.
Ложатся буквы синюю тесьмой,
Прощая и прощаясь каждой строчкой.*

*Осенняя сумятица души
Оранжевой метелью слов прощальных
На лист бумажный проскользнуть спешит,
Сквозя в пробелах горечью печали.*

*Я напишу про неизбывность снов,
В которых ты по-прежнему мне дорог.
Я напишу, хватило б только слов,
А чувств мне хватит. В сердце – целый ворох.*

Ирина Рогозина из города Мончегорска – настоящий сильный поэт, умеющий сказать просто и точно, открытый к жизни, к людям, разворачивающий перед ними невероятно красивый и сложный мир, которым готов делиться.

И что особенно важно, что составляет индивидуальность и очарование именно этого автора, Ирины Рогозиной, – трепетное чувство, которое возникает при погружении в её стихи, сначала неясное. Но потом приходит понимание, что читателю доверена невозможно нежная, ранимая душа, которая ждёт бережного и чуткого отношения, но способна по-христиански терпеть и прощать, переплавляя печаль в поэзию.

2018

В книжных глубинах

об авторской рукописной книге «Прозрачное», 2015

Ценность мудрых слов неизмеримо ценнее того материального тела, в котором они обретают дом. Автор возвышается до Демиурга, создающего душу, а забота об одежде становится достоянием других лиц – художников, верстальщиков, работников типографии.

Но при создании рукописной книги всё не так.

Создание рукописной книги – процесс таинственный. Священнодействие. Ему предшествует длительный этап подготовки: придумывание образа книги, а следом – разработка технологии для успешного воплощения образа. Если задана тема – создать рукописную книгу, то реализовать тему можно множеством способов, из которых будет выбран лишь один. И это будет идея книги – ядро замысла, которое даст единственный и неповторимый облик.

Процесс создания рукописной книги начинается с размышлений о сути чтения.

Абсолютная первокнига – бесконечное пространство с хаотически перемешавшимися в нём языковыми символами и знаками. Обращаясь к этой клубящейся стихии, писатель извлекает из неё нужные буквы, слова, выстраивает их в нужные ему порядки и созидает стройный смысл – уникальную душу книги.

Чтобы душа не рассеялась, не рассыпалась на исходные бессловесные составляющие, писатель раскладывает извлечённые слова-строки-абзацы-главы на листах бумаги, раз и навсегда запрещая передвигаться и смешиваться – превращаться в первозданный хаос. В типографии листы

заклачивают в корешок и обложку и таким образом навечно фиксируют раз сформулированное.

Но как же хочется знакам и звукам снова почувствовать свободу, получить отпуск и некоторое время не ходить строем. Они не против потом вернуться в свои порядки, но хотя бы немного попрыгать, поиграть в прятки и жмурки... Ведь свобода всегда способствует возникновению чего-то нового – образа, мысли, настроения. Как бы сделать так, чтобы позволить словам уйти в глубину до полного растворения в хаосе, а потом помочь им вернуться, вытащить их за невидимый поводок и снова удивиться стойкости системы, в которую они сложены.

Это рукотворное. Это единичное. Общение автора со своей книгой. Участие в её духовном и материальном рождении. Книга-игра. Книга-тайна. Книга-пространство. Она заключает в себе хаос символов, знаков, слов. Добыть из хаоса логичную последовательность – это раскрыть глубину пространства. Суть чтения – разложить пространство на прозрачные слои, несущие смысл, извлечь смысл и вновь отпустить в глубину, позволяя рассеяться, стать бессловесной бессмысленной пылью. И вновь вернуть к смыслу... И вновь отпустить... Обдумывая прочитанное и утраченное, восстанавливая по памяти понравившееся и рассыпавшееся...

Язык, понятия развиваются стремительно. По сегодняшней терминологии мы уже не создаём произведения искусства и литературы, а разворачиваем разномасштабные проекты, представляя перформансы, инсталляции, акции – некие феерические объекты. Заявленный в конце 2015 года конкурс рукописной книги современных авторов стал одним из подобных проектов, в его рамках можно было создать объект, отвечающий современности.

Организаторами конкурса выступили Федеральное агентство по печати и Государственный литературный музей. Литераторам предлагалось вручную записать свои стихи и оформить два экземпляра стихотворных сборников, один из которых отправится в Государственный литературный музей, а второй будет продан с аукциона в

пользу музея Манделъштама во Фрязино к 125-летию со дня рождения поэта.

В аннотации конкурса говорилось, что опыт создания рукописных книжных экземпляров относится к послереволюционным годам в России. В условиях голода и разрухи поэты, среди которых были Марина Цветаева, Андрей Белый, Владимир Гиляровский, Николай Гумилёв, Осип Манделъштам, стали издавать свои произведения в виде небольших, самостоятельно оформленных рукописных книг. Сегодня эти авторы – наша национальная гордость, а в тот – далеко не серебряный для них век – были одними из. Невостребованными, неизвестными, не издаваемыми. Но они мастерили рукописные книги не только в надежде выручить за них хоть какие-то средства, а ещё и для того, чтобы сберечь уверенность в своей значимости, сохранить самосознание творца.

Создание рукописных книг – способ заявить о себе, увидеть свои произведения изданными, пусть и самим собой, лишь для себя. Поэт делает рукописную книгу по одной единственной причине – из желания быть. Реально существующая книга, даже в одном экземпляре подтверждает существование в литературе её создателя.

В начале 1950-х, когда не было никакой возможности печататься, Николай Глазков отстукивал свои стихи на машинке, скреплял их в книжечки тиражом 3–4 экз. и указывал на титульном листе «Самсебяиздат». Во многом он стал известен благодаря этим книжечкам.

В качестве материала, с которым умеет работать каждый, материала, легко поддающегося любой руке, выступают бумага, чернила, краски, карандаши, кожа, ткань, нитки... Но рукописная книга современного автора, поэта XXI века, не обязана ограничиваться только этим перечнем. Ведь новое время предлагает новые средства, которые в свою очередь требуют особого макета, конструкции – смелого решения. Нужно непременно использовать современные возможности. Сделать книгу нового поколения. Нанокнигу.

Если опираться на понимание нанотехнологии как области науки и техники, имеющей дело с производством и применением продуктов с заданной атомной структурой путём манипулирования отдельными атомами и молекулами, то в отношении книги это можно перефразировать следующим образом: применение новых материалов для создания объекта чтения с возможностью манипулирования отдельными словами и знаками.

Такие прецеденты существуют. Есть Лев Рубинштейн с его карточками. Есть другие, позволяющие набирать последовательность из случайно собранных частей страницы – верхней, средней, нижней. Именно отсюда берёт начало ключевой замысел рукописной поэтической нанокниги «ПРОЗРАЧНОЕ» с подзаголовком «Книга для одного человека». Тираж – 3 экз. Москва, 2015. Автор Галина Щербова.

Но есть принципиальная разница. Книга «ПРОЗРАЧНОЕ» оперирует законченными стихотворениями, не разрушая их смысла, не собирая новый смысл из случайной мозаики фрагментов. Задача данной книги – не играть смыслами, а играть наслоением смыслов, показывая на этом примере образ глубины, образ языкового хаоса, внутри которого хранятся все литературные произведения – существующие и будущие.

Книга включает двадцать пять стихотворений, титульный лист, содержание и послесловие, кратко раскрывающее идею создания данного объекта для чтения. Все страницы представляют собой прозрачные плёнки, на которых стихотворения и сопровождающие тексты написаны фломастерами. Поэтический цикл разворачивается подобно таблице колерных карточек, скреплённых люверсом.

Возможность видеть книгу насквозь позволила бросить в её глубину водоворот цветных штрихов – на каждой странице цветовой акцент. Они последовательно ложатся на дно, соединяясь в проекцию – пёструю спираль на внутренней стороне обложки.

Для удобства чтения обложка выполнена белой и светлосерой, на неё можно сдвинуть страницу и беспрепятственно

прочсть стихотворение. Кроме того, есть белая закладка, которую можно подсунуть под стихотворение и остаться с ним один на один. А после вынуть закладку и вернуть плёнку в книгу, то есть, отпустить страницу в книжные глубины и следом поймать другую. Либо развернуть веером несколько страничек и играть с ними, совмещая или рассеивая их цветные штрихи – отблески водоворота.

Рукописная книга – истинное детище автора. Он не только создатель её души, но и трепетный создатель тела, в которое душа заботливо погружена. Ребёночек рождается не вереницей клонов, а один-единственный. Вынашивается долго, формируется небыстро, многими усилиями, несёт все признаки кровного родства с создателем, отражает его представления о красоте, его приоритеты в компоновке и выборе цветового решения. И душа ребёночка – мысли, чувства, настроение – раскрыта узнаваемым почерком родителя.

2017

«Я из первых – видящих...»

о книгах поэта Марины Кудимовой, Москва

«Черёд»

*поэтическое приложение к журналу
«Сибирские огни» (Новосибирск, 2011)*

Встречаясь с произведением современного искусства (живописи, скульптуры, театра и кино, литературы), мы непременно ищем сходство с чем-то, встречавшимся ранее. Находя сходство, вписываем новое имя в старую схему, вешаем ярлык: «он похож на того-то», «он работает в том же стиле»; строим на этом сравнении систему доводов. Но можно иначе взглянуть на впервые увиденное: искать не сходство, а различие, найти, чем данный автор ни на кого не похож. Тогда-то и обнаружится индивидуальность, авторское лицо.

Книгу «Черёд» Марина Кудимова подарила мне в 2011 году, в бытность её работы в «Литературной газете», когда я принесла ей подборку стихов, вскоре опубликованную под грифом «Первая публикация в ЛГ». Испытывая благодарность за одобрение моих произведений, я с тщанием прочитала подаренную книгу и посчитала, что не вежливо ничего не сказать поэту о его работе. Свои рассуждения о книге я отправила автору по электронной почте, мы обменялись мнениями. Но именно с книги «Черёд» начались мои занятия критикой. Первая критическая статья была написана в 2014 году о поэте Александре Суворове.

Стихи Марины Кудимовой – пламенные речи, которые она бросает в уличную толпу, продираясь голосом через

дождь, ветер, шум и грохот, одолевая сопротивление. Это – камни, которые прицельно летят в огород безразличия и чистоплюйства. Твёрдые стихи, написанные человеком, нашедшим в себе силы глядеть не в себя, а обвести любящим взглядом окружающее пространство и ужаснуться его несовершенству. Это стихи – позывные, где отчётливо звучит всеобъемлющее: «спасите-наши-души».

Как можно писать о том, что не любишь, о том, что вызывает возмущение или отчаяние, что даже открыто ненавидишь? А так. Человек пишет о том, что не любит, именно потому, что любит. Это не парадокс. Человек любит Родину, своих соотечественников и близких так сильно, что все изъяны среды и существ, в ней обитающих, становятся контрастнее и мучительнее. Отсюда возникают строки, которые надо выкрикивать, чтобы слова хватили за руку, за душу, останавливали, одёргивали, заставляли услышать и увидеть действительность, искажённые жестокостью и нелепостью образы времён нынешних и не столь отдалённых, например, время горбачёвской перестройки, неведомое людям XXI века, но горько памятное для тех, кто был его свидетелем:

«Я из последних – слушающих, / Но я из первых – видящих...»;
«Отечество моё! <...> / Твои пророки – воры...»;
«Матушка живоглотина... / Родина моя, Родина!»;
«Перегрызлись братья, ровно тати, / Собирая банды, а не рати, / И подъяв хоругви, как колы...»;
«В единственном, пожалуй, государстве, / Где не народ устал, а караул»;
«За этот молящийся матом народ...»;
«Поворотясь спиной, / чувствую тут и там – / Родина вслед за мною / Гонится по пятам. // <...> / Что же я здесь забыла? / Что меня держит здесь?»;
«Покуда шутит, народ не умер»;
«За каинство, за мельтешенья, / За истину не по уму / Прощения и разрешенья / народу прошу моему...»

В ураганном вихре сильнейшего нажима слов обличительных, горьких, яростных сбиться с маршевого шага – фактически стать предателем. Отступить на обочину и сорвать цветок, когда всё кругом рушится, – вопиюще несвоевременно. Поэтому лирические ноты редки, уникальны.

«Юность моя в красноглазой герани...»;
«И гроб сосновый, словно клавиша, / Без отголоска западает»;
«Сколько золота – ну, посмотри, – / Словно содраны иконостасы / И разбиты в куски алтари...»;
«А рябин киноарные стигмы / Проступают сквозь битый кирпич»;
«Я б себе позволила третью рюмку, / Ибо третий тост всегда – за любовь».

Одна из индивидуальных черт книги – широта и гибкость в использовании языка. Во-первых, арсенал слов. Богатейший словарь, представленный редко используемыми, иностранными, современными, узкоспециальными словами. Во-вторых, обогащение словаря за счёт свободной трансформации слова, что поддерживает активное обращение к читателю, усиливает нажим. Автор решительно настаивает на диалоге, он слагает строки так, чтобы они были понятны каждому.

Существенной характеристикой стихотворений является их буквальность, отсутствие недосказанности. Каждая затрагиваемая проблема предстаёт обнажённой, лишённой различий. Это поэзия, которая ищет кратчайший путь к умам и сердцам за счёт конкретности речи и прорывается к ним в максимально сжатой форме страстного призыва.

Лишь одно стихотворение решительно отличается от других своей недосказанностью и многозначностью. Завершающее книгу «Исступление». Стихотворение-потрясение. Резко меняется стиль изложения, свойственный всей книге. Энергичный разговорный агрессивный темп, предшество-

вавший ему, внезапно обретает длительность легато, строка свободно и естественно вмещает в себя строго отмеренный смысл.

Исступление

*За ночь в красном жару, как свеча, оплыла,
А к утру, когда думали: всё, замерла,
Дух не выпустив, оцепенела, –
На челе проступил освящённый елей,
И, когда за дверьми заходили смелей,
Содрогнулась – и вышла из тела.*

*Исступила, взлетела без мер и весов,
И себя увидала меж гор и лесов,
И себя оглядела, как страж:
Параллельно, зеркально средь свар и кружал
Витьеватый изгиб арматуры лежал,
Бурелом, террикон, такелаж.*

*И трелёвочный трактор, и клок от квача...
Так на лицах у жертв торжество палача
Обличает злоеца дипса.
Корм с конём разошлись.
Голос был, но осип.
Был цветочек неправдоподобно красив,
Но от крови младенческой слипся.*

*И тогда обратилась к себе как к чужой:
– Оставайся, Россия, отдельной душой
И, паря, на Царя уповай,
И, покудова я из-под гор и дерев
Буду этот полёт созерцать, замерев,
Исступления не прерывай.*

*И, когда возыграет, возблещет Труба,
В сонме вестников я не узнаю тебя,*

*Близорукая для высоты,
Не услышу свидетельств на Страшном Суде,
И не встречу тебя никогда и нигде,
И не вспомню, что я – это ты...*

Стихотворение начинается точным описанием момента смерти, последнего выпускаемого дыхания – исступления. Это первая строфа. Как отвлекающий манёвр, две следующие строфы возвращаются к привычному слогу, жонглируя как бы случайными словами. Нагнетается хаотический беспорядок разрозненных штрихов, из которых выдвигается вперёд не буквальная мысль, а неназванное – страх перед неведомой жестокостью, стоящей вплотную. Четвёртая строфа неожиданна, она являет новую тему – раздвоение единого. Отсюда начинается монолог остающейся половины, которая обращается к уходящей, – завещание, оно же и прощание: «*И, покудова я из-под гор и дерев / Буду этот полёт созерцать, замерев, / Исступления не прерывай*».

Пятая строфа уводит смысл за грань буквальности. Раздвоение единого необратимо и центробежно ведёт к образованию двух сущностей, земной и небесной, что роднит идею стихотворения с прозрениями Даниила Андреева о Небесной России.

Всё завершается необъяснимыми словами, за которыми стоят механизмы высшего порядка, пронизывающие ум и душу непосредственно, вне понимания, сверхчувственно. Откровение. Точно подмеченное качество переведено в планетарный масштаб – широкая душа, открытое сердце не могут с такой силой любить, беречь, спасать себя самих, как они способны это сделать в отношении другого. Спасти себя Россия может, только став для себя чужой: «*И, когда возыграет, возблещет Труба, / В сонме вестников я не узнаю тебя, / Близорукая для высоты, / Не услышу свидетельств на Страшном Суде, / И не встречу тебя никогда и нигде, / И не вспомню, что я – это ты...*»

2013

«Голубятня»

Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013

некогда пережитое каждым чувство молодости и будущности, пронизанное стихийной надеждой, скрытое до поры в будничности, неудачливости, несовершенстве своём и своей среды обитания.

2014

Очень хорошее название – «Голубятня». В нём и естественность, и простота, и многозначность. Сходится множество смыслов, они воздушные, высокие, распахнутые вширь и ввысь, зовущие распахнуть и книгу.

Для меня всё, когда-либо написанное, делится на «по уму» и «по сердцу». По уму – это не для всех, для некоторых, избранных, то есть для единомышленников. Думают все по-разному.

Чувствуют все одинаково. По сердцу – это о вечном и всеобщем, одинаковом для всех и для любого, для множества и для одного.

Стихи в книге «Голубятня» преимущественно «по уму», социально и политически заряженные, о чём я думаю, и так, как я думаю и понимаю.

Книга составлена преимущественно из крупных произведений – поэм и поэтических циклов. У неё непростая структура, усложнённая переключками одного произведения с другим, с третьим, что связано с отчётливым присутствием автора, внезапно замещающего собой персонаж, отчего в некоторых фрагментах описание переходит от художественно-абстрактного к автобиографическому. Необычайно сильно отдаётся в этих вещах сугубо индивидуальная судьба поэта, юность на поселении, знакомство с людьми, отношениями и обстоятельствами, известными мало кому не только в нынешнем поколении, но и в старшем.

При этом, отдавая должное произведениям «по уму», хочется с благодарностью отметить ослепительно яркие, полные свободного дыхания «Голубятню» и «Целый Божий день», которые «по сердцу». И не надо искать тут достоинства и недостатки, приводить отдельные строки, в них главное – ощущение звенящего девичества. За грубоватостью, ироничностью стихов стоит точно найденное и названное,

В доспехах рабочих одежд

о книгах поэта Юрия Иванова-Скобаря,
д. Бардово Псковской обл.

«Хронология обстоятельств»
(Бежаницы: Типография А.М. Брянцева, 2010)

Обычно поэты не указывают даты, перемешивают стихи по другим принципам – по тематике, строю, звучанию, как-то ещё. Иногда ставят даты, но обычно не в хронологической последовательности, а лишь как дань уважения к стихам, имеющим, как и всё в мире, право на возраст. Сборник «Хронология обстоятельств» поэта Юрия Иванова-Скобаря, живущего в Псковской области, имеет всего два датированных стихотворения – первое 1980 г. и последнее 2009 г., однако название книги однозначно обращает вошедшие в неё стихи в узловые точки жизненного пути, пройденного за почти 30 лет.

И тогда всякий, убеждённый в глубокой значимости первой и последней строк (что для книги стихов есть первое и последнее стихотворения) может сравнить рубежные стихи, пункты «А» и «Б», между которыми пролёг отрезок пути, извлечь из них нечто неизменное, существенное.

В мае

*А ночи – заметно короче.
Бреду переулком случайным.
Как воздух прозрачен и сочен,
а дом засытающий – тайна.*

*Я мимо пройду, не узнаю,
что в доме, в такой-то квартире,
по вечному правилу мая
я – чей-то единственный в мире.*

Метафора

*...Колодец и дом полусгнивший,
сарай из просмоленных шпал.
Свой мир в этой жизненной нише
кто-то в трудах создавал...
...Заброшенный сей полустанок –
метафора жизни иной.
Очнувшись от девок и пьянок,
бреду по железной прямой,
которая где-то коснётся
вокзала... Народу – орда!
в билетные ломит оконца:
куда и когда поезда?..
Кто – в небо, а кто – в никуда...*

Если начинать читать сборник с первого стихотворения и заканчивать последним, не увидишь то, что явственно проступает при размещении стихов рядом. Вскрываются удивительные параллели, точные повторы, загадочные интерпретации одного и того же действия или образа. Каждое слово в первом стихотворении оказывается пророческим, в последнем – переоценивается с позиций полученного опыта, становится многозначным, несущим новый суровый смысл.

В обоих стихах:

одно и то же состояние – один,
одно и то же действие – бреду,
одно и то же направление движения – по прямой,
один и тот же объект осмысления – чей-то дом.

В первом, в обстановке ласкового тепла кратчайшим строем слов показана непоколебимая убеждённость в сво-

ей единственности, великой ценности для кого-то, кто даже ещё не известен. Это не отклик на чью-то конкретную любовь, но абсолютная уверенность в том, что бредущий по переулку достоин быть безмерно любимым. Необычайно ёмкая по своей пространственной гулкости мысль. Восторг от сознания, что ты щедро одарил этот мир уже одним своим присутствием в нём. Всё неоспоримо. Везде чёткие точки. Не спеша идёт счастливый и уверенный в себе человек, которому достаточно собственной убеждённости в своей единственности, и не нужно никаких других оснований.

В последнем стихотворении те же идеи и образы преломляются в толще прожитых лет. Тот же человек, так же бредёт по прямой. Только путь – железный, дома – руины, он – не единственная в мире уникальная личность, а одинокий, никому не нужный и ни в ком не нуждающийся. Ситуация усугубляется тем, что хотя он и одинок, но он не один: он смешан с вокзальной толпой, вместе с которой уходит в мясорубку времени, чтобы принять один из двух скучных выходов, какой выпадет. Путник даже не ставит перед собой задачу выбора. Ему всё равно. Здесь ватная глухота и безразличие к итогу, что зрительно подчёркивают многоточия.

Таков расклад, таков промежуточный итог жизни, не закончившейся, но пришедшей к некой оценке. Между двумя знаковыми стихотворениями череда стихов, повествующих о том, что вместили в себя путь от пункта «А» к пункту «Б»: два раздела с красноречивыми названиями «Рабочая окраина» и «Деревенская улица», что само по себе заставляет задуматься о едва уловимой нюансности понятий, перетекающих из одного в другое.

По мере чтения обнаруживаем у автора твёрдость характера, ясность мысли, остроумие, самоиронию, открытость. Переходя со страницы на страницу, имеем, однако, в виду, что последнее стихотворение должно быть прочитано последним, при естественном чтении книги пока не известно. Читая книгу подряд, мы не догадываемся о будущем, получая удовольствие от характеристик окружающей среды,

людей, событий, где всегда отчётливо просматривается личная позиция автора.

«Кисть и палитра – продолжение её рук, / как рычаги управления танком – моих» («Художница»);

«А я в ожидании ада / сниму и улыбку, и сердце. / Дьявол не носит „парада“...» («Ложь»);

«До чего же природа пузата!» («Огород»);

«Печь напичкана печалью: / грёзы срубленных деревьев, / гроз, гремевших над деревней / еле слышный отпечаток; / голоса старух ушедших...» («Печь»);

«...Соседи... / <...> / словно снайперы в окна глядят» («Огород мой очерчен оградой...»);

«Но когда надоест изученье / жизни, смерти, любви и окрест, / всё равно – без мученья, с мученьем – / лягу в землю под русский я крест» («Я подвержен обычным порокам...»);

«Остов комбайна – скелет динозавра, / а рядом, помельче, – два тракторозавра...» («Весенний пейзаж»);

«Как стойкий муж и верный гражданин / лежу в кровати. Воскресенье. / Своих не тянут лап ко мне / ни церковь, ни работа» («Утро»);

«Лик времени потен, и грозен, / и с пятнами крови нередко. // <...> / Беспамятства камень не брошу / в спину всё вынесших дедов» («Опавшие листья эпохи»).

Ещё обнаруживается в стихах особая прицельная зоркость, не позволяющая автору уклониться от тяжёлых и грязных сторон действительности. Одно из лучших стихотворений книги – «Возвращение блудного сына» – коротко и убийственно рисует длинную страшную обычную жизнь. Написать о страшном. Вызвать сострадание. Заставить сопереживать. Но при этом не превысить нажим. Это искусство. Автор высказывается без сентиментальности и пафоса, что указывает на наличие у него чувства меры – свойства вроде бы незаметного, но дающего его обладателю преимущество среди равных.

Внимание того, кто читает «Хронологию обстоятельств», естественно сконцентрировано на последовательности. Совмещаются два графика: неровная диаграмма творческого развития и пульс частной жизни. Места пересечений – стихи, что подталкивает проводить параллели, давать вольные трактовки. Отсюда хронология в поэтической книге – критерий отваги поэта, его бесстрашия перед судом времени и людей. Однако привязка творчества к реальности имеет фундаментальную значимость, историческая ценность которой возрастает по мере отступления даты издания в прошлое.

Невозможно обойти стороной оформление поэтического сборника. Как жокеи на скачках выступают в цветах владельцев лошадей, так книга выступает в цветах и образах, которые отвечают замыслу её автора. «Хронология обстоятельств» облачена в алый, изобразительный ряд – фрагменты картины «Купание красного коня» Петрова-Водкина, написанной в 1912, когда художник жил на юге России, в селе. Автор книги тоже живёт в селе. Тема купания коней несёт в себе мощную жизнеутверждающую ноту. Бесспорно, что вид обложки важен для восприятия книги как материального объекта. Но гораздо более он важен для прочтения содержания, когда на всех стихотворениях лежит убедительный алый рефлекс.

2018

«Годовые кольца»
(*Ridero: Издательские решения, 2019*)

(опубликовано: «НГ-Exlibris», приложение к «Независимой газете». 11.07.2019. № 23 (988) «В доспехах рабочих одежд»)

Главное – богатство внутреннего мира, населённого образами, безошибочно извлечёнными из окружения.

Мы привыкли считать, что поэты концентрируются в городах, где для литературной деятельности доступны ин-

теллектуальные блага цивилизации – библиотеки, архивы, музеи, где сложились литературные сообщества, проводятся встречи, вечера. Мы стремимся к центрам культуры и образования, справедливо надеясь на их поддержку в творчестве, но забываем, что пути искусства неисповедимы, как и пути Господа. Поэтическое чувство вспыхивает независимо от обстоятельств жизни, изысканности среды. Удивительной и романтической представляется история поэта, живущего в глухой деревне, занятого своим хозяйством, наблюдающего за пробуждением мира в те ранние утренние часы, когда города со всеми их поэтами ещё спят.

*...Я редко влюблялся и честно любил,
разлука – крушеньё надежд...
Но каждое лето я в сад выходил
в доспехах рабочих одежд.
(«Сад»)*

Отсюда и название нового сборника стихов Юрия Иванова-Скобаря имеет естественно-природный характер – «Годовые кольца». Стихи нарастают от года к году, вбирая в себя впечатления, переживания, картины сельской жизни, храня внутри своих колец основу характера и устойчивость мировоззрения поэта, который за повседневными трудами привычно вслушивается в тишину.

Полночь

*нежданный стук в дверь
любовь?
судьба?
смерть?
угадай с одного раза
другого может и не быть*

Нельзя сказать, что погружение в российскую глубинку вовсе отрывает человека от общения с собратьями по перу.

Наше время даёт возможность диалога в безграничной атмосфере интернета, но всё же книга – объект материальный, и слово материализуется в ней. Не всё подвластно интернету, оперирующему лишь виртуальными образами и понятиями. Единственным реальным контактом для отшельника является феерия литературных фестивалей, которые проходят в летнее время в России и сопредельных ей странах, создавая краткосрочные, но ценные творческие связи, позволяя обменяться новыми книгами, заявить о себе, выступить перед реальными слушателями, – блеснуть новыми годовыми кольцами, отозваться впечатлениями в новых стихах.

Воспоминания о Полоцке

*Святая София парит над рекой
Франциска Скорины вальяжен бульвар
студент на скамейке уткнулся в смартфон
скушает без дела вождя монумент
под солнцем проста переключка эпох*

Книга имеет три раздела – «Вечер», «Гравюры», «Багажная полка», в каждом из них своё настроение. И если в первых двух собраны новые стихи, то на «Багажной полке» хранится избранное из ранее изданной книги «Хронология обстоятельств» (2010). Такое соединение при сопоставлении даёт неожиданный автобиографический эффект, показывает, как за истекшие десять лет изменилось авторское лицо поэта – голос, взгляд, слог. Кроме того, изменился и состав объектов его поэтического отклика. Если в ранней книге преобладали рифмованные стихи, то в новой книге приоритет дан стиху свободному. Если в первой внимание сосредоточено на социальной стороне жизни, отражено в портретах и характерах людей, то в новой оно всё более склоняется к природной составляющей – пейзажам, событиям неторопливого сельского бытия.

Деревенская дорога

*зима
темнота
постоянство Полярной звезды
путь далёк
только три фонаря на пути
тишина
словно времени не существует
то мерещится что вот сейчас
лавой татаро-монголы ворвутся в село
или выскочат волки навстречу
сволочи воют в окрестных лесах
то что-то лежит впереди
и становится страшно
пока не увидишь сена охапку
выпавшую из телеги
или бревно*

Раздел, соединивший в себе зарисовки, отражающие смену времён года, а с ними и поэтического настроения, назван «Гравюры». Отчётливость. Точность линий. Прозрачность красок. Философская наблюдательность, созерцательность, свойственная японской поэзии. Недаром в этом разделе размещены три классических танка.

* * *

*черны полыньи
плещутся кряквы в воде
таится лиса
раскинула сеть следов
от берега к берегу*

Десятилетие отделяет нынешнюю книгу стихов от предыдущей. Для кого-то десять лет могут пройти незаметно, не внося изменений в единожды сложившиеся представле-

ния о правильности и выразительности, а для кого-то, наоборот, десять лет созерцания оборачиваются открытиями, озарениями, даже просветлениями, обнаруживают художественную глубину в привычном и обыденном. Именно такое преобразование показывают годовые кольца небольшой, но весомой поэтической книги Юрия Иванова-Скобаря.

2019

Поэтическая летопись «Словенского поля»

сборник «Словенское поле – 2018: стихи» (Псков, 2018)

(опубликовано: «НГ-Exlibris», приложение к «Независимой газете». 22.08.2019. № 29 (994) «Бог к людям выходил неосторожно»)

Можно прожить жизнь в литературе и не узнать прекрасного автора, который существует рядом и точно так же не подозревает о твоём существовании. Внезапная встреча лицом к лицу порождает вихрь впечатлений, идей, мыслей. Радует, что вот, есть же человек близкий по духу, видящий стихи изнутри, понимающий тайны их создания.

Поразительна склонность отдельных творческих групп (хоть территориальных, хоть по профессиональной специализации, хоть по принадлежности к тем или иным союзам, другим общественным образованиям) замыкаться в себе, отмежёвываться, выстраивать иерархию, систему взаимоотношений без попыток свободного соотнесения со всем поэтическим полем страны. Та же картина в толстых журналах, газетах, где сложился круг своих авторов и куда с невероятным трудом допускаются пришедшие «с улицы».

В сложившейся системе замкнутых кругов нет перспективы взаимодействия. Перекрёстный обмен мнениями, узнавание новых имён, – которые не есть молодые, но лишь неизвестные, и не по уровню их творчества, а лишь по глухой непроницаемости кругов общения, – этот живой оздоравливающий процесс отдан на волю случая. Карта современной поэтической России нелегко поддаётся освоению

ввиду выстроившихся плотных границ. И каждый прорыв, ведущий к их стиранию, позволяющий окинуть взглядом открывшийся ландшафт, дорог и благотворен.

Именно таким событием является фестиваль исторической поэзии «Словенское поле», который с 2008 года проводится в Пскове и Изборске и привлекает поэтов со всех концов страны для воссоединения на одном широком поле. Идея фестиваля исторической поэзии возникла в 2008 году. С 2010 года стали проводиться поэтические конкурсы. Инициатор фестиваля – Псковское региональное отделение Союза писателей России. Постоянный координатор и ведущий – поэт Андрей Бениаминов.

Ценно, что условием участия в конкурсе является личное присутствие автора. Отбор заявок проводится путём рассмотрения анонимных подборок. Обязательно выступление всех авторов. Каждый будет услышан.

Интересно, что «Словенское поле», изначально заявленное как фестиваль исторической поэзии, легко развернулось в фестиваль современной поэзии о памятных событиях в судьбах страны, Псковщины, в собственных судьбах. Во многих стихах нашли отклик размышления о связи прошлого с настоящим, о противоречивых событиях сегодняшнего дня, путях в будущее.

Поэты озвучивают современность и делают её историей, сводя свои впечатления в исторический документ – очередную книгу. Серия таких книг пошагово, из года в год отражает изменение векторов влияния в общественной жизни, отклик на неё жизни духовной. Если процитировать каждого автора хотя бы одной строкой, обнаружится преобладание животрепещущих тем, связанных с путями России и с путями человека в ней. История. Война. Мир сегодня. Я. Дорога к храму. Поэт.

«Напитаны кровью слова летописных страниц» (Ольга Тоболенская);

«Я пришла сюда издалека: / Здесь мои не вырванные корни» (Ольга Королёва);

«Дождь рисует / Свою историю на моём стекле – / Тонкая и печальная работа» (Анастасия Самарцева);

«Всё ещё впереди. Даже если оно уже было» (Андрей Канавщиков);

«Русский целится в русского, / И нельзя ничего изменить» (Сергей Леонтьев);

«Если ты утонул, значит всё же куда-то плыл...» (Григорий Батрынча);

«И сын подрост, отправился в поход – / Искать отца или его могилу» (Мария Парамонова);

«Архитектура – зеркало эпохи, / а зеркала шлифуют мастера» (Анатолий Вершинский).

Реальность не однозначна. Она составлена из прозрачных слоёв личного восприятия каждого живущего. Слои образуют объём реальности, в котором спрессованы сходства, разбросаны различия, горят перекрёстки противоречий. Если в одной книге собраны стихи десятков поэтов-современников, все явления реальности становятся озвученными, очерченными пронзительными формулировками.

Каждый живёт свою жизнь, всех вместе швыряют волны общечеловеческого масштаба. Но лишь поэты на одном дыхании создадут картину действительности и сохранят её в общем сборнике стихов.

«И пройдем сквозь это всё и мы... / Потому что мы и есть земля» (Лариса Фелисион);

«Упал на землю он, / Раскинув руки, / Да и остался вечно / на войне» (Иван Иванов);

«Я знаю только, что случись война – / Мы вновь пройдем Европу до Парижа» (Андрей Теддер);

«Был пламень губ, знамён и крови – ал» (Наталья Лаврецова);

«Шинели чёрные так близко! / Прицел вмещает их по груди... / Мою последнюю записку / Прошу, найдите кто-нибудь!» (Сергей Подольский);

«Погибнуть – дело фронтовое...» (Юрий Ишков);
«Белые кресты на чёрных окнах. / Белые кресты лучей на небе. / Чёрные кресты, как обереги, / Сварены из рельсов на Обводном» (Юлия Линде);
«Врагов не перечесть, / Но предки били всех: / И нам их бить не грех...» (Сергей Горшков)

Замечательной особенностью этого форума является ежегодное итоговое издание лучших стихов, прочитанных на нём. Изданный в конце 2018 года сборник включает лучшие стихи авторов – участников фестиваля, а также членов жюри и председателя, им в 2018-м был поэт Владимир Шемшученко. Участие судейской команды в чтениях и в итоговом сборнике напоминает серию концертов, которые даёт в Брюгге жюри после того, как вручит награды победителям музыкального конкурса. Члены жюри показывают своё мастерство, подтверждая на деле понимание того тонкого предмета, который оценивали.

«Орёл двуглавый. Гимн. Трёхцветье флага. / С нательным в новый век вхожу крестом...» (Владимир Шемшученко);
«Когда со сцен уходят боги, / Выходит первый человек» (Игорь Горич);
«Мы строим то, что точно разобьётся, / и рушим то, что строилось не нами» (Данил Москаленко);
«Тяжело излечить отравленье мечтой...» (Игорь Исаев);
«Со мной заговорила пустота. / Легонько намекнув, что я ничтожен» (Александр Сараев);
«Бог к людям выходил неосторожно...» (Елена Галактионова);
«Скажи зачем, являясь атеистом, / Ты крестишься на храм у родника?» (Вячеслав Михайлин);
«Византия рухнула. Ты прости ей» (Алина Серёгина);
«Мои храмы пусты от людей...» (Даниил Рязанецкий);
«У каждого дорога к богу / своя и в свой проляжет срок» (Артур Гайдук).

Раскрывается неровная, сложная фактура поэтического ландшафта. Слушая выступления, изумляешься разнообразию. Звучит многоголосый хор, закрепляет в стихах интонацию, жаргон, анекдоты. Перелицовывает реплики прошлого, вживляет их в новый контекст, обыгрывает смыслы, рождает каламбуры и афоризмы.

«Кому-то нужно, чтобы / Искали мы, но не нашли ответа» (Елена Черных);
«Как стали бы люди людьми, – / Без искры космической пыли, / Без жертвенной сварки любви?..» (Валерий Савостьянов);
«Сердца моего поэтического / полную обнажённость / рассматривать под микроскопом / будете...» (Александр Себежанин);
«Ты меч держал – как рукоять пера, / В чернильницу макая запах боя...» (Ксения Алёшина);
«Пой, поэт, свою песню, / Может, и допоешь» (Вита Пшеничная).

Фестиваль исторической поэзии обнажил простую истину – история России пишется сегодня.

Чем более разнообразны авторские лица поэтов, индивидуальны их голоса, тем более очевидна устойчивость главных истин. Фактически в рамках фестиваля и его поэтических конкурсов последовательно пишется летопись Души народа, и представленное издание «Словенское поле – 2018» – есть её самая свежая глава.

2019

Поэзия и познание

стихи Олега Агринского

(опубликовано: Сетевой литературный и исторический журнал
«Камертон». № 124, февраль 2020)

При чтении поэтической литературы всегда радуют стихи, в которых высвечиваются яркие строки, точные формулировки, изысканные рифмы, и, словно просторный парашют, плавно разворачивается и держит на весу созданное автором настроение. В книгах Олега Агринского много таких стихотворений. Отсюда желание высказаться о его стихах похвально. Поэты всегда нуждаются в одобрении, но их так мало и редко хвалят. Всё больше ругают. Ругать всегда есть за что, хотя бы потому, что и читатель, и критик всё видят по-своему и не всегда равнозначно с поэтом понимают отдельные строки, намёки, замыслы. И винят его за непохожесть, за индивидуальность, за то самое, что и есть самое главное в искусстве.

Когда поэт – автор нескольких сборников, он в них неизбежно неодинаков. В каждом совершает новый шаг, отражает новый свет. Вот если в руках одна книга, то следует говорить об этой книге, как о произведении с определённой направленностью, акцентами, композицией, оформлением. В таком восприятии книга – система, выстроенная по своим законам. Но когда в руках хотя бы две книги – следует уже говорить о поэзии. Две книги и более – несколько точек опоры, разнородных во времени, в настроении поэта, в обстоятельствах его окружения. Книги будут разные, стихи в них будут разные, но то, что найдётся в них общее, – это и есть авторское лицо, это и есть поэзия – взгляд, приоритеты, приёмы, которые отличают данного поэта от всех других. Или же определяют сходство.

Нет смысла сравнивать Олега Агринского с другими поэтами. Его творчество самодостаточно и не нуждается в оценке методом описания «на отношениях»: приём в изобразительном искусстве, когда грань выявляется за счёт контраста между тоном соприкасающихся плоскостей. Поэтический характер Олега Агринского обрисовывается не отношениями, а чёткой линией. Она – в точности слов, в строгости ритма, в любви к сонету, в афористичности.

...Штрих – и основа, и деталь, и знак...

Проведённая уверенной рукой линия, в виде ли авторской подписи, в виде ли авторских графических эмблем, рисунков, присутствует и в оформлении книг. По крайней мере – тех двух, с которыми я хорошо знакома, «Архипелаг моей души» (2012) и «Сердолик оставляю другим» (2017), что уже позволяет говорить не об отдельной книге, а о поэзии.

Важной чертой, многое рассказывающей об авторе книг, является приверженность к датировкам – она сразу и честность, и ответственность, и уважение к потоку времени, шумящему в стихах. Она также показывает неровный пульс поэтической жизни – то тахикардию, то обморочные паузы. Время крайне много значит для этого автора.

...Секунды – стуком кастаньет.

Минуты – осыпью с карниза.

Веков сферические линзы

В оправе месяцев и лет.

09.03.2012 («Надёжных слов, похоже, нет...»)

В особенности в «Архипелаге моей души» представлен строгий хронологический ряд, точность датировок до дня, до времени суток. Первая дата 27.10.2011. Последняя дата 23.12.2012. Как в романсе: «Первая встреча, последняя встреча...» Охвачено 14 месяцев, в течение которых написано, вероятно, более сотни стихов, если иметь в виду, что в

сборник отобранны 87. Иногда стихи писались по несколько в день. Иногда с паузами в несколько дней. Но в любом случае отражён период высокого творческого подъёма.

Свойство автора разворачивать многие стихотворения как диалог или монолог, обращённый к некому лицу, доверительная интонация позволяют предположить, что хронологический ряд – протяжённый разговор между двумя людьми, то приходящими к согласию и единению, то вступающими в спор, иногда в конфликт. Но это диалог любящих, это вечная тема любви, выстроившая книгу и сохранившаяся от начала и до завершения.

* * *

*В пейзаже желтизна мазков,
Не слышен утром птичий щебет,
На голубом остывшем небе –
Сугробный холод облаков.*

*Смывая с реденьких лесков,
Дожди листву на землю лепят.
А дятел мир вот-вот расщепит,
Внеся в безмолвие раскол.*

*С ушедшим летом канул год.
В нём хмель любовного угара
И ссоры из-за пустяков.*

*Нет смысла становиться старым.
Жаль, время испокон веков
Дают авансом, а не даром.*

20.09.2012

В книгах Олега Агринского подкупает искренность, созвучность тихим раздумьям читающего. Ключевое слово – одиночество. Одиночеству, рассуждениям о смерти,

согласию с тем уроном, который наносит человеку и его чувствам время, посвящено много стихов. Но замечательным их свойством является полное отсутствие нот уныния, причитания, сожаления. Грустные темы или завершаются мудрым философским выводом, или обыгрываются с юмором. Автор рисует картину потерь, грустных переживаний, но на выходе из стихотворения мобилизует силу духа, а порой обнаруживает здоровый цинизм, свойственный врачам, к которым сам относится.

*...Конечно же понятно,
Да время – как вода.
Но кто ответит внятно
Мне на вопрос когда?*

*Я нищий у дороги,
Ведущей в города.
И если должен многим –
Немногим не отдам...*

*Как хорошо, что время
Без нас не поспешит,
И я уйду со всеми,
Чужого не прожив...*

2016 («Я нищий у дороги...»)

Практически все стихи без названий, все именованы по первой строке, что о многом говорит: название обычно направляет понимание, дополняет его важной отсылкой, создающей логические связи. Если названия нет, значит, оно не нужно, и все связующие нити находятся внутри стихотворения, понимание обеспечивается ими же. Но поэт отлично видит, где рукотворное соприкасается с нерукотворным.

*...Наивно ищешь правду в простоте,
Ведомый логикой – бесстыжей сводней.*

*Исповедимы поиски путей.
Непознаваемы пути Господни...*

28.01.2012 («Ведь я перед тобой душевно наг...»)

Интеллект, эрудиция, способность аналитически мыслить – по общему мнению – мало совместимы с поэтической мечтательностью, с бессознательным косноязычием, рассеянностью, то есть признаками оторванности от будничной жизни. Но нет, всё это иллюзии, поэт умён и проницателен, поэтому его выстроенные и высчитанные стихи воспринимаются навеванными свыше, нерукотворными. Вот и афористичность есть сугубо поэтический дар: быстро улавливать носящееся в воздухе и отделять зёрна от плевел, находя верные слова для облачения догадки в мысль. Отдельные строки звучат как кредо.

*Клянусь, что я всегда настолько прав,
Насколько остаюсь самим собою!*

31.08.2012 («Я остаюсь, как был, самим собой...»)

В книгу «Сердолик оставляю другим» вошли стихи 2011–2017 годов. Систематизация на основе хронологической последовательности отличает и её композицию. Начинается сборник разделом «Заплаты осени». Дальнейшие семь разделов обозначены годом написания включённых в них стихов. Но здесь датировка ограничивается годом, ей не придаётся столь большое значение, как в «Архипелаге...», показан пёстрый поток жизни со всеми её перипетиями, впечатлениями, раздумьями.

* * *

*Мне перестало сниться детство,
Но так же в синих вечерах
Ждёт подростковое наследство –*

*Грядущего животный страх,
Неистребимый в человеке!
Жизнь коротка, а смерть – навеки...*

2016

В массиве стихов Олега Агринского значительную долю составляют сонеты, они иллюстрируют свободу в оперировании твёрдой формой, что характеризует поэта как натуру организованную, признающую в систематизации благо, а не досадное отягощение. Известно, «Блок любил порядок во всем. <...> Частенько ему приходилось и самому убирать квартиру. Он тогда наводил в ней фантастический порядок. Блок говорил: „Этот порядок мне необходим, как сопротивление хаосу“»^{*}.

При встрече с книгами Олега Агринского приятно и то, что, открывая их на любой странице, не ошибёшься, непременно найдёшь хорошее стихотворение. Вот сонет, произвольно взятый из сборника «Сердолик оставляю другим», в каждой строфе какое-либо счастливое открытие, приводящее к итоговому акцентному смыслу.

* * *

Земля сменила свой наряд

И постепенно остывает.

Холодный дождь листву смывает *просто и неожиданно*

День напролёт и дни подряд. *кратко обозначена
протяжённость*

Лютует ветер почём зря *ценное слово и яркое
словосочетание*

И в подворотнях завывает.

^{*} Павлович Надежда: Из «Воспоминаний об Александре Блоке». Источник: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/pavlovich-iz-vozpominanij-ob-loke.htm>

Ненастью ни конца, ни края
Почти с начала сентября.

Погожий час как самородок

точный образ
к общему настроению

Блестает, бликами слепя, –
Сулит нам ясную погоду.

Так можно долго, хмарь терпя,
Ждать лето на исходе года.

И я терплю. А жду тебя.

центр тяжести
с изысканным поворотом

2016

А вот стихотворение о разлуке, оно входит и в книгу «Архипелаг моей души». Рассказывает о расхождении не только душевном, физическом, но и пространственном, где непреодолимость дистанции обретает реальный размер. И уже не ясно, что является большим препятствием – обстоятельства географии или угасание чувств. И всё уместается в небольшом объёме стихотворения, смыслов которого хватит на современный роман.

* * *

Всем телом ощутил, что я сажусь на мель,

образ
проигранной гонки

В косе песчаной увязая килем...

В гравюре ночи сумерек постель

понижение
видимости

Туманом скрыла наши дни и мили.

тема былого
единства

Твой пёс черешню ест за тридевять земель. точная деталь,
ёмкая вся строка

Стальная дверь и кованный порожек

Эмилией отделили от Емель.

остроумно
показана граница

Ты улыбаешься... И я невольно тоже...

центр тяжести –
мягкая грусть

07.06.2012

Разлука поддержана словами, говорящими о расстоянии, о порыве навстречу, но неосуществимом, этому служат слова: сажусь на мель, увязая килем, туманом, дни и мили – тут и препятствия, и длительности времён и расстояний, и замутнение видимости. Далее даны несколько штрихов, косвенно показывающих разницу в местонахождении героев (Эмили и Емели, пёс черешню ест), которыми обозначены преграды. И далее, но уже буквально показывающих то же самое: за тридевять земель, стальная дверь. Всё завершает примиряющий итог без реальных перспектив, но с тёплым чувством взаимопонимания. В стихотворении множество нюансов, картина нарисована разнообразно и многогранно. Читатель выходит из стихотворения погрустневший, но с убеждением, что прежде близкие люди и на таком расстоянии не забывают друг о друге. Утешает присутствие неназванной надежды.

Завершает книгу «Сердолик оставляю другим» большой раздел «Афоризмы, междомыслия, очевидности», содержащий авторские цитаты, двустишья, моностихи. По-английски изысканные, остроумные. Неторопливое продвижение по ним – истинный праздник для ума и сердца.

Всю жизнь – то на мушке, то под мухой.

Не успеешь обосновать, как приходится констатировать.

Когда сердце в пятках, мозоли не беспокоят.

Перемены к лучшему не приносят ничего хорошего.

Можно притвориться мёртвым, а живым нельзя.

Поэзия Олега Агринского отличается уверенностью, отчётливостью, эрудицией, техническим качеством. Приоритет в ней отдан системе, а не аморфной воздушности; конкретным величинам, а не безмерности пространства. Её оригинальность берёт начало в обыденном, очевидном. Словарь поэта благородно чист от жаргона, от слов, понижающих эстетику речи, и при этом разнообразен, богат и сложен. В стихах свободно используются понятия из мира науки, искусства, истории. Сейчас мало мастеров, способных так писать. Поэзия Олега Агринского не ограничивается возможностями чувственного восприятия, а требует усилий понимания. Однако это не значит, что, если читатель не достиг нужного уровня, он не получит впечатления от стихов, – получит, но будет лишён удовольствия участвовать в беглом декодировании смыслов, в игре чисто интеллектуальной.

*...Так виртуоз, играющий с листа,
Прощает неумение невежде.*

05.11.2011 («Спешим согреть дыханием слова...»)

2019

Линия жизни

о книге «Крылатые песни» поэта Алексея Любегина

(опубликовано: Невский альманах. 2019. № 6)

Владони лежит небольшого формата книжка поэта Алексея Любегина «Крылатые песни», изданная в Санкт-Петербурге в 2009 году и удостоенная премии Александра Невского за 2009 год. Можно откликнуться отзывом на книгу, даже не зная поэта, но если знакомство состоялось и рядом со стихами появился их создатель, то отклик будет более личным, пристрастным. В равной степени раскрываются две стороны авторского лица – человеческая и поэтическая, создавая пространственный образ – целый мир.

В основе поэтического мироздания Алексея Любегина – любовь ко всему живому, симпатия ко всякому человеку, порой этого и не заслуживающему. В характере поэта обнаруживаются, казалось бы, противоположные черты: деликатность и готовность бросаться на помощь. В отношениях с людьми своего круга – с собратьями по перу – эти черты выражаются в отсутствии зависти, в искреннем восхищении чужими удачами, в готовности популяризировать всё хорошее, на что откликается душа.

Когда поэт – верующий человек, в его стихах обострено внимание к промыслам Божьим. Таковую поэзию принято квалифицировать как духовную, но это понятие весьма неопределённое, чрезмерно широкое. Разве не духовна высокая поэзия, говорящая не о Боге, а о природе, или любви, или священной войне? Бог во всём, все хорошие стихи отмечены печатью божественности. Но духовная поэзия всё же

очерчивает некий круг причастности, собирает в него стихи, где прямо говорится о Боге, о Христе, о церкви, о религии.

Стихи – отражение поэта. Пронизанное тихой религиозностью творчество Алексея Любегина, которое вполне может быть отнесено к духовной поэзии, нуждается всё же в ином названии, – это поэзия не духовная, а душевная, отражающая не дух, божество, высшую силу, а душу поэта, воспринявшую и хранящую священные реликвии. Это особенный личный путь в литературе. Здесь православная составляющая не тема, не внешний элемент, а драгоценная нить или родниковая струя, органично вплетённая в русло жизни. Отсюда лёгкость и ненавязчивость в обращении к священным материям, естественность их присутствия в стихах.

* * *

*Лёгкий снег кружится во дворе
И к церковной раме припадает.
Что там происходит в алтаре?
Неужели бабочки летают?
И на ризу батюшки они –
Посмотри – садятся без боязни,
И в глазах молящихся – взгляни –
Свечечками вспыхивает праздник!
Лёгкий снег кружится во дворе
И к церковным рамам припадает:
Бабочки летают в алтаре!
Или это ангелы летают?*

И вспоминаются маленькие слепые ангелы Кнута Гамсуна в «Мистериях», картина немислимой красоты и непостижимой значимости, которую следует лишь принять и сохранить, не надрывая тайну холодным умствованием.

Удивительно созвучны стихи Алексея Любегина стихам Александра Солодовникова, у которого человеческое и божественное, обыденное и чудесное входят в соприкосновение и существуют без притеснения друг друга, вызывая

щемящее чувство реальности и глубокое доверие к неназванному, стоящему за строками. Стихотворение «Лёгкий снег кружится во дворе...» невольно смыкается в памяти с «Двумя заутренями» Солодовникова, в особенности близка по радостному праздничному всплеску «Светлая заутреня в отрочестве»: «*Не так, не так светла заутреня / Без кружевного платья Мэри. / <...> / И полетело легкрыло / Блаженное Христос Воскресе!*»

Так же неброско ясен, не воинственен, гармоничен в своём православии художник Михаил Нестеров – и в его живописи, и в жизни, и в отношениях с людьми. Истинно верующий человек, проникнутый христианской идеей и имеющий её в себе генетически, как черту характера, как национальную черту. «...Творчество моё, как мне кажется, имеет в себе нечто болезненное, поэзия моих произведений – поэзия одиночества, страстного искания счастья, душевной тишины и покоя. Искусство для меня необходимый отдых. Картины мои слишком субъективны, в этом и кроется то крайнее разноречие в суждениях о них. Кто же сомневается в искренности их, тот глубоко не прав»*. Уместно будет привести вслед за этими словами стихотворение Алексея Любегина, человека нового времени, нового поколения.

* * *

*Спросили, верую ли в Бога.
Ответил: – Да, – чуть-чуть поспешно.
Тогда меня спросили строго:
– Ты комсомолец? – Да, конечно!*

*И мне опять всё так же строго,
Как будто я фашист, злодей,
Сказали: – Веруй ты не в Бога.
В себя ты веруй. И – в людей! –*

* Нестеров М.В. Письма. Л.: Искусство, 1988.

*Всё было правильно. Но всё же
Я тихо выдохнул: – О, Боже!..*

Следует уточнить: о поэте с таким миролюбивым характером нельзя сказать, что противоречивые устремления выпавшего ему времени в нём «столкнулись», нет, они в нём встретились, но выбор был сделан спокойно и твёрдо. Ситуация, достаточно рядовая для советского периода, рассматривается автором как бы со стороны, оценивается и преподносится с улыбкой. Чувство лёгкого, светлого, даже, можно сказать, озорного и ребяческого юмора вообще присуще этому поэту. О чём бы он ни говорил, будь то философские размышления, человеческие отношения, природа, животные, да что угодно, – всё подсвечено юмором. Поэтому всякая тема раскрывается без пафоса и скорее обыгрывается, чем обрабатывается.

В сборнике «Крылатые песни» спрессовано протяжённое время. Более чем 30-летний человеческий и поэтический путь петляет и вьётся по отмеренным в четырёх разделах периодам: 1973–1979, 1979–1989, 1989–1999, 2000–2009. Самый короткий по протяжённости – 6 лет – первый раздел юношеских стихов является, что, впрочем, закономерно, самым плодотворным. Он же самый звонкий, звенящий стихами на высокой чистой ноте, несмотря на то, что попадает в политически депрессивные завершающие годы советского периода. Здесь много хороших стихов, запоминающихся строк. Здесь сразу и однозначно застолблено право на личное высказывание.

* * *

*Дрожит над полем и над гатью
От крика стай гусиных вьсь,
И в свяслах копны льна, как братья,
Перед дорогой обнялись.
И гуси в горнем синеполье
Зовут меня с собой на юг,
И наполняет сердце болью*

*От одуванчиковых вьюг,
И – слава чуду! – я не знаю,
Когда духовная родня –
Коровы, лес, река сквозная –
Недосчитается меня.
И сумрак шепчет мне прохладно:
«Сряжайся в голубиный путь.
Бери осенний мир бесплатно,
Но расплатись когда-нибудь».*

Поэтический путь начинается от деревенского детства, далее идут годы работы и учёбы в разных концах страны, в городах, в Ленинграде, который по ходу дела становится Санкт-Петербургом. Где-то на этом пути встречаются душевные друзья, которые обретают значение сродников, встречается милая сердцу подруга и становится верной женой, появляются и вырастают дети. На этом пути и потери: уходят родители и учителя, рассыпается деревенское наследство. Путь, обозначенный стихами, простирается линией жизни.

В многообразии тем, искренних чувств, которых у поэта хватает на весь земной шар, особенно трогательны стихи – обращения к жене как существу сначала ожидаемому, а потом найденному, но всегда любимому, без которого невозможна жизнь и невозможны стихи.

*В какой семье, в каком окне
цветёшь, моя жена?
Пусть ты не знаешь обо мне,
но очень мне нужна...
(«Моей жене»)*

*...Ведь без неё талант не в радость мне.
Не выдержу я с жизнью поединка.
И потому привязан я к жене,
Что в ней – моя вторая половинка.*

*В казне семейной денег ни гроша,
А вот жене – как будто горя мало!
Всё мне внушает: – Главное – душа! –
Уж лучше б громы-молнии метала!..
(«Смысл жизни»)*

Для каждого живущего поэта крайне важен характер его взаимоотношения с поэтами великими. У всех это выражается по-разному, но все так или иначе вступают в диалог с кумирами или обращаются к ним с мысленным монологом. В этих взаимоотношениях ярко проявляется человеческий характер поэта, его самосознание и самооценка, готовность к разговору с кумиром как с Богом, где присутствует не только восхищение, доверие и смирение, но главное – глубокое сыновнее чувство.

*...И бронзовый Пушкин читает
Беззвучно простые стихи...
И вот – над Москвою светает,
Означились башен верхи.
И я, уподобившись тени,
Посланец весенней Невы,
Пред ним становлюсь на колени,
И шапка ползёт с головы.
И вот уж второе дыханье
Пробилось сквозь вечности плен,
И Пушкин своими стихами
Меня поднимает с колен...
(«В московской предутренней хмари...»)*

То же и в стихах к Ахматовой, Гумилёву, Есенину. Проникновенны строки цикла «Триптих», посвящённого Ахматовой, что имеет своё основание, так как поэт обитает в месте, называемом «Дача Ахматовой», пронизанном её присутствием. «Триптих» написан в 1980-х и каждый год в день рождения Анны Андреевны звучит на кладбище в Комарово, когда после панихиды поэты читают свои стихи.

*...Здесь жила и страдала Ахматова,
И хозяйка твоя, и раба...*

*Нет на свете мудрее деянья:
В век повального воровства
Оставлять на Земле подаянье –
Сердцем выстраданные слова...
(«Город, души певцов отбирающий...»)*

Хорошо стихотворение, обращённое к другому обитателю тех же Дач, нашему современнику, уже ушедшему. Изобретательна идея этого очень тёплого доброго стихотворения, где мастерски и остроумно обыгрываются слова «Глеб – хлеб», а через эту игру утверждается фундаментальное значение Глеба для поэзии по аналогу с фундаментальным значением ржаного хлеба для русского человека. Умение оперировать словами и смыслами, доносить до сознания читателя замысел при помощи такой игры – особый талант Алексея Любегина.

Ржаной Глеб

*Несправедливы к Горбовскому Глебу,
Несправедливы к насущному хлебу!
Кто-то бросается им и, по-моему,
Кто-то его поливает помоями.
Не отличая зёрна от плевел,
Кто-то сказал мне, что Глеб – очерствел,
Кто-то – чиновник, а кто-то – начальник,
Кто-то – пусть хлеб он, да сладенький, чайный.
Все мне его представляют – иным.
Он для меня остаётся – ржаным!*

Есть оригинальная тема в поэзии Алексея Любегина, о которой невозможно умолчать. Весьма смелый, пожалуй, присущий именно ему одному ход, который заключается в агитационной ноте достаточно большого количества

стихов, призывающих обратиться к вере, к церкви, к здоровому образу жизни, изобличающих пороки и опасные склонности. Тут немедленно приходит на ум Маяковский, но лишь как аналог, не как образец. Стихи Алексея Любегина на столь трудную и почти неподъёмную для поэзии тему выполнены не на основе лозунга, имеющего внутри бойцовский задор, вызов, а весьма тонко: то в виде шутки, то в виде мягкого намёка или упрёка. Или же от обратного: путём изображения обстоятельств, к которым приводят порочная склонность и безответственная простота. Весёлое стихотворение «Молочный гимн» по замыслу призывает к трезвости, но не прямолинейно, а косвенно, ненавязчиво.

...«Привет молочной пьяни!»

*Ору я весь, пока
Жив хоть один землянин
С бутылкой молока...*

*Пусть в радостные глотки,
Свободна, широка,
Течёт не Волга водки,
А Волга – молока!*

Это, по сути, ода молоку, которая завершается темой всеобщего братства, но опять же высказанной остроумно и многозначно: «Сестрёнки мои, братья / Молочные мои!» Стихи-назидания встречаются на протяжении всей книги, но преобладают в разделе 2000–2009 гг., что напрямую связано с обстоятельствами жизни в стране тех лет, изживающей недавнее междуцарствие, развал, обнищание.

Особенно подкупает в стихах-назиданиях отсутствие ожесточённости, агрессии. Высказывание никогда не отягчено злобой; преподнесённое в шутливой манере, оно нередко имеет интонацию сострадания, сочувствия к человеку, губящему себя в темноте заблуждений, когда открыт и доступен свет истины. Но поэт не противопоставляет себя

прочим людям, его добрые советы и упрёки в равной степени обращены и к нему самому.

Возникает мысль, что такие стихи-назидания способны стать достойной основой той будущей профессиональной церковной литературы, которая в настоящее время питается трогательными, но крайне неумелыми и невразумительными стихотворными плодами добровольцев-дилетантов, душа которых полна любви и желания улучшить мир, но способность выразить благой порыв отсутствует.

Поэзия Алексея Любегина многогранна, взгляд его широк, главной его целью неизменно является человек. Отсюда красной нитью через весь сборник проходит мысль об ответственности человека за то, что происходит с ним самим и с миром, в котором он пребывает.

Лебединое перо

*Лебедь поднимался над полями
И глядел на алые цветы,
Осеняя белыми крылами
Алые селенья с высоты,
Поднимался, розы окликаая...
Слух ему внезапно обожгла
Диким свистом, воздух рассекая,
Чья-то смертоносная стрела.
И, сгорая в пламени заката,
Лебедь вдруг увидел на стреле
То перо, которое когда-то
Обронил случайно на Земле.*

Небольшая с виду книжка «Крылатые песни», но далеко не исчерпаны темы, на которые можно рассуждать, читая её, и далеко не показаны в этой статье все достоинства представленных в сборнике стихотворений. Многие темы разрабатываются через исследование самого себя, рассуждения с самим собой. В стихах поэт неоднократно говорит о себе, как о части человеческого сообщества – толпы,

очереди, рабочих, твёрдо зная, что исправить что-то в мире можно только вместе, а сделать доброе дело может и один человек.

*...Смеюсь и плачу, как и все.
Но если выпадет удача
И непредвиденный успех –
Хочу их поделить на всех,
Пока я что-то в жизни значу...
(«Невыносимо жалко всех...»)*

2019

Зарисовки пастелью

о книгах поэта Бориса Романова

*«Вера ветра: Стихотворения»
(Москва; «Кругъ», 2019)*

(опубликовано: «НГ-Exlibris», приложение к «Независимой газете». 12.09.2019. № 32 (997) «Впустить зверюшку стужи»)

Книгу встречают по обложке. Книгу ценят за стихи. Пастельная лирическая интонация обложки полностью соответствует настроению книги «Вера ветра» Бориса Романова. Стихи опираются на реальную почву дорог, троп, полей, берегов, принимают в себя ветер, дождь, снег, волны, облака, отражают их фактуру, форму, цвет. Автор бережно и умело работает с инструментами выразительности.

Каждый из четырёх разделов – «Выше лестницу», «Вера ветра», «С нижегородского острова», «Восьмистрочья» – предстаёт блокнотом с тематическими зарисовками и набросками. Особое искусство – в быстром рисунке схватить существенные черты действительности или памятные образы и точно перенести на лист, остановив мгновение. В нескольких штрихах создана пространственная картинка, которую легко дорисовывает воображение.

*Вошёл, впустил зверюшку стужи,
и к печке жмусь – плечо в мелу,
под каждым валенком по луже
мерцать оставив на полу...*

Нет чрезмерности, избыточности. Во всём благотворное чувство меры. Сбалансированы фактура и акценты. Наравне с цветовыми штрихами в стихах работают точные детали: «...О хриплом заговоре гроз, / о красных лозунгах заката» («Пойдём смотреть на облака...»); «Зубчато в улицах, взлохмачено в лесах...», «...Случайной встречи, дождь слепой. / Зелёноглазое прозрение...» («За скосом крыши вижу радугу...»)

Соединение в одном стихотворении образов и понятий различного масштаба, различного достоинства и значения усиливает контраст, напряжённость восприятия, показывая неохватность жизни, её макро- и микромиры.

*Погасла улица, но занялась луна.
Дрожит берёза, как утопленник, бледна,
лазурно-чёрная листва в мертвящем блеске.
Мне, созерцателю, достаточно окна.
Я рад мечтательно раздвинуть занавески,
услышать голоса, и шорохи, и всплески.
Рябит стекло на кухне, ночь, искря, плывёт,
наш город на горе рассыпался огнями,
но тени решетят полёгший огород,
где райской яблоней ветвится над тенями
прошедший век, давным-давно опавший год,
а падалища дней горит в компостной яме.*

Книга богата цветом. Интенсивный открытый цвет дополняется сдержанным, который опытные художники получают из нескольких простых при точно выверенном их соотношении. Живописная составляющая есть практически в каждом стихотворении. Она придаёт настроению особый эмоциональный оттенок, усиливая или приглушая его. И по тому же принципу, по которому получается на палитре сложный цвет, в стихах из противоречивых порывов и разномасштабных деталей складываются отношения, чувства, переживания, отклики.

*Вокзал облюбовало одиночество,
какого нет в лесу и у воды.
К мирам иным уже уводит отчество
и праотцев межзвёздные следы.
Но, окликаая каждого по имени,
родных отыщешь, близких – никогда,
и небеса, казавшиеся синими,
белёсо помутнеют, как вода,
где мимо потекла листва лиловая,
кружась, чернея, устилая дно.
Поплыл перрон, и не расслышал слова я
отцовского – заклинило окно.*

Эпизоды сегодняшнего быта пересекаются с историческими событиями, частная жизнь человека вписана в очертания той среды, где она протекает, – двора, улицы, города, страны. И, как это всегда случается с настоящим поэтом, в некоторых стихах он исчезает, оставляя только своё отношение к тем значительным событиям истории, которые равновелики для каждого.

*В пристрелянные прусские лески
заброшены на подвиг по приказу,
тот у болота, этот у реки –
они легли. Их вспомнили не сразу.
Не каждому достался обелиск.
Кому-то – ни могилы, ни медали.
Но вечного забвенья страшный риск
они тогда в расчёт не принимали.
(«Разведчики»)*

Новая книга Бориса Романова «Вера ветра», объединившая в себе стихи 2015–2018 годов, необычайно цельная. При отсутствии безграничного многопланового пространства угадывается в каждой зарисовке, сделанной с той живописной мягкостью, которую позволяет достичь только работа с пастелью.

«Время поэтов: Стихотворения»
(Москва: «Кругъ», 2015)

Книга хорошо оформлена детской рукой, рисунками внука. Изящно издана. Соразмерна во всём. Приятно держать в руках. Приятно читать. Во всей книге, в её одежде и стихах присущая автору эlegantность, сдержанность, ответственность, точность.

Взгляд подхватывает изысканные акценты: «*круглый сугроб из жгели*», «*рябиновый фейерверк*», «*поскрипывающий январь*», «*зимы повадка лисья*», «*свет фар по белизне досок*», «*обочина как земли исподье*». Звучит колокольно: «*колеблет лебедь воды*». Тонко обыграно по аналогии с родной землёй в мешочке: «*Моря в склянку налейте...*» Иронично и, главное, миролюбиво: «*друзья мусульмане*». Любопытна серия лимериков.

Стихи книги компактные – быстрые впечатления, очерченные одной линией: «*...На левое плечо уселась птица. / <...> / Пернатый ветерок прикосновенья*» («По улице поплёлся имярек...»). Короткое сложное стихотворение «Мне письма до востребования шли...» – здесь напряжённая динамика встречного движения людей, писем, чувств, состояний природы, обстоятельств.

* * *

*Мне письма до востребования шли.
Без адреса, прописан за Можам,
я жил, не унывая на мели,
поскольку был упрям и обожаем.
Я не преувеличиваю, нет.
А над тобой, доверчивой и нежной,
плыл тополиный пух, но ход планет
уже навстречу выслал ветер снежный.*

С энергичным ироничным настроением стихотворение «Ночь непроглядная в ельнике...» – образ юности, поздних вечеров за книгой:

*Спит непроезжая улица,
жёлтое тлеет окно.
В нём зачитавшийся умница,
а у соседей темно.
Отрочество. Одиночество.
Снежная темь февраля.
Ведьма, ночная наводчица,
с вьюгою вьёт кренделя.*

Стихотворение «Элизабет», где эпиграфом служит строчка из телеграммы: «Помни Бету, берег моря и стога». В нескольких строках набросок большого романа. Недосказано – и от этого вдвойне романтично, накаляет желание получить разъяснения. Подталкивает раздумывать, что же было на самом деле? Но, пока задаёмся вопросом, поэт рисует живую картинку прогулки у моря, и внимание обращается к морским далям, в которых охлаждается жгучий вопрос.

*Обрывок неизвестного романа
нашла в бумагах грустная вдова...
<...>
Начнёт гадать: откуда эта Бета?
Ночь белая, белее молока,
бессонная, как северное лето,
как телеграмма, так же коротка
у Белого простуженного моря...
<...>
А может быть, собачья кличка это?..*

Задумчивое стихотворение «От фонаря рикошетом...» с тревожащими словами: «*...И краешка солнца нет. / Но видеть необходимо...*»

В стихах Бориса Романова много цвета: «*жёлуди ветер трясёт на асфальт синий и мокрый...*», «*зелёно-фиолетов ствол*», «*лиловей вспыхнул иван-чай*», «*...кудреватые дубя / отчаянно рыжеют на опушке*». Автор работает с оттенками как художник, смешивает, соединяет в цветные коллажи,

размывает грани или, наоборот, создаёт резкий контраст. Поэт предстаёт живописцем, а стихотворение оборачивается философским.

* * *

*На вывернутой глине лебеда
повылезла, зелёная на красном.
И, как всегда,
прекрасное нам кажется напрасным.
Беспечное нам кажется чужим,
а временное вековечным,
поскольку кратким летом дорожим,
земным и земляным, а не безбрежно-млечным.*

2016

Во главу угла – факт

*о книге журналиста Евгения Потупова
«Брянские дали Даниила Андреева: эссе.
Воспоминания. Дневники. Переписка. Интервью.
Хроника Андреевских чтений: 1994–2012»
(Москва: «Кругъ», 2018)*

Среди различных направлений литературной деятельности только журналист возводит неопровержимый факт во главу угла и, боготворя факт, блюдя его чистоту, строит на нём исследовательскую или аналитическую работу. Писатель – не то, он любой факт способен переработать до неузнаваемости, вывернуть наизнанку, использовать как исходный материал, но приготовить на свой вкус. Для писателя факт – лишь эхо, давшее повод для догадок и идей, для размышлений, та отправная точка, от которой начинается фантазирование.

Для журналиста факт – бог, самодостаточная незыблемая твердыня, не подлежащая искажению. Книга журналиста Евгения Потупова «Брянские дали Даниила Андреева», изданная в 2018 году, полностью подтверждает это. Она – точный слепок серии встреч, проходивших на Брянщине, в местах, которые связаны с биографией Даниила Андреева, автора «Розы Мира». В 1930-е годы Андреев неоднократно приезжал в старинный город Трубчевск на Десне, совершал прогулки вдоль речки Неруссы – притока Десны. Эти образы нередко встречаются в его сочинениях и воспоминаниях. Выстроенные в хронологическом порядке материалы книги «Брянские дали Даниила Андреева» представляют собой расширенную информацию о пятнадцати Андреевских

чтениях, инициатором которых стал автор книги Евгений Потупов. Начинание было поддержано вдовой Даниила Андреева, Аллой Александровной Андреевой, сохранившей труды супруга и выступающей с их чтением.

Время уходит незаметно и быстро, а с ним уходят наши современники. Собранный Евгением Потуповым хронология Андреевских чтений имеет одно замечательное качество: она даёт представление не только о жизни и творчестве самого Даниила Андреева, о его глубинных связях с Брянщиной, её жителями, но, давая эти исторические события как канву, встраивает в неё портреты десятков участников чтений, проводившихся с 1994 по 2012 годы. Среди выступающих и докладчиков имена Аллы Александровны Андреевой, Владимира Микушевича, Юрия Кублановского, Бориса Романова, Ильи Фаликова, Андрея Туркова, Станислава Лесневского и других поэтов, писателей, литературоведов, представителей искусств, историков, исследователей творчества Даниила Андреева.

Евгений Потупов – человек деятельный, открытый, общительный. Во многом благодаря этим чертам он имеет широчайший круг знакомств в литературном мире и является обладателем собрания книг современных авторов с их дарственными надписями. Благодаря доверительным отношениям с окружающими его людьми он имел возможность делать аудиозаписи разговоров и встреч, происходивших на Андреевских чтениях. Поэтому ключевым звеном книги «Брянские дали Даниила Андреева» являются досконально перенесённые на бумагу многочасовые аудиозаписи, сделанные как во время официальных заседаний, так и при обмене мнениями в процессе экскурсий и поездок. Подобный приём перевода аудиозаписей в книжный формат уже был успешно применён автором при подготовке изданной им в 2017 году книги «Небронзовеющий классик» о Евгении Евтушенко, который неоднократно приезжал на Брянщину.

Книга «Брянские дали Даниила Андреева», во многом построенная на основе аудиозаписей, представляет собой срезы конкретных периодов времени, мест действия, со-

стояний природы и настроения, даёт штрихи к портретам и характерам участников Андреевских чтений в полном соответствии с твердыней факта, его уникальным содержанием и антуражем, что и есть реальная жизнь. Такая книга может показаться на первый взгляд неплотной, затянутой из-за пристрастного отношения к несущественным деталям ради сохранения речи в оригинальном виде. Но в то же время она и располагает к доверию, настолько скрупулёзно отражает естественный ход разговоров, размышлений вслух, не исключая паузы на раздумья, отмеченные троеточиями...

Книга толстая, имеет 516 страниц, много интересных иллюстраций. В ней также даны исторические справки о жизни и творчестве Даниила Андреева, приводится связанная с темой чтений организационная переписка. Сначала думается, а нужно ли это, столь досконально приводить речи, письма, обычные реплики, передавать содержание бесед, иногда поверхностных, имеющих длительные паузы, незначачие отступления? Так ли это важно?.. Однако какое мы имеем право решать сегодня те задачи, которые должно решать будущее? Наша задача одновременно элементарна и чрезвычайно трудна – максимально подробно и точно донести настоящее до тех времён, когда оно устоит во времени, станет прошлым, будет обобщено и оценено объективно.

Сегодня мы не знаем, что действительно важно, а что нет, какой штрих какого современника окажется засечкой на краеугольном камне истории литературы. И пока будем размышлять и сомневаться – время уйдёт, и мы уже не вспомним НИЧЕГО лишь потому, что не собрались или поленились сохранить ВСЁ. А ведь именно внутри этого ВСЁ остаётся та золотая крупица, которая проявится лишь со временем. И в таком аспекте добросовестный труд журналиста Евгения Потупова представляется настоящим кладом для будущего.

2019

Риторика – наука, красноречие – талант

*О книге филолога Владимира Аннушкина
«Коммуникативные качества речи в русской
филологической традиции»: учеб. пособие. –
4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2019*

Французская пословица гласит: «Знания, не пополняемые ежедневно, убывают с каждым днём». Латинская пословица гласит: «Повторение – мать запоминания». В русской рифмованной традиции она менее точна, но более звучна: «Повторенье – мать ученья». Именно поэтому, невзирая на сам характер книги – учебное пособие (!) – и на то, что это уже четвёртое издание (!), невозможно было не откликнуться с пламенной благодарностью к автору, который столь настойчиво продвигал в массы свои творческие убеждения, что достиг-таки цели, пусть четвёртым залпом, но вбил в голову знания, ценность которых для любого пишущего безмерна.

Одни люди правильно пишут, потому что знают правила правописания, и правильно говорят, потому что знают законы риторики. А другие всё это делают по наитию, когда же узнают про правила и законы, сильно смущаются, признавая свою безграмотность, и уже ничего не способны написать и сказать. Отсюда понятно: каждому своё. Иными словами: риторика – наука, но красноречие – талант. В особенности это становится понятным, когда читаешь небольшую книжку Владимира Аннушкина «Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции» (Москва, 2019).

Содержание книги следует периодизации в истории развития науки о качествах речи.

Античная теория качеств – «достоинств» речи.

Качества речи в русской филологической традиции XVII – первой половины XIX вв.

Качества речи в теории словесности и стилистике второй половины XIX – начала XX вв.

Состав и описание коммуникативных качеств речи в трудах советских русистов.

Современные концепции и перспективы изучения коммуникативных качеств речи.

Семантические возможности увеличения состава качеств речи (проект «Словаря качеств русской речи»).

Книга попала мне в руки 9 декабря 2019 года, когда в малом зале ЦДЛ проходил вечер Владимира Аннушкина, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской словесности Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, председателя и члена различных ассоциаций по вопросам развития языка и преподавания риторики, члена Союза писателей России, автора многочисленных трудов по филологии и риторике, а также артистичного декламатора и исполнителя под гитару своих песен на стихи русских поэтов от Тредиаковского до Заболоцкого. Не ожидая подвоха, я открыла эту небольшую неброскую книжку, обещавшую исключительно научные разработки, и с первых слов прониклась ее литературной занимательностью, сквозящим в ней обаянием эрудированного автора.

Да, книга узко специфична, является обстоятельным руководством для специалистов и студентов-филологов, изучающих русский язык и русскую литературу. Это так. Но, пожалуй, гораздо больше она нужна тем, кто создаёт современную русскую литературу, использует и развивает русский язык – для поэтов и писателей, в первую очередь тех, кто пришёл к литературному творчеству из других об-

ластей деятельности, не получив систематического исторического и филологического образования, восполняя его недостаток по ходу дела, урывками, заочным обучением, чтением книг. Одной из них, несомненно, является книга Владимира Аннушкина «Коммуникативные качества речи...» – то самое звено в образовании, которое соединяет практическую литературу с её глубинными теоретическими основами.

Богато оснащённая цитатами основоположников риторики – римских и греческих философов и ораторов, а также их многочисленных последователей, включая современных, – книга позволяет увидеть, как из высказываний об искусстве произнесения речей, из систематизации цитат, проведённой автором книги, определяются качества речи, признанные риторикой основными: чистота, ясность, уместность, красота. Немедленно на ум приходят качества архитектуры: польза, прочность, красота, экономичность. Но архитектура может обойтись без слов, а философия нет.

Состав основных качеств речи дополняется уточняющими или интонирующими качествами, такими как: краткость, сила, живость, суровость... Указываются и такие оттенки речи, как величавость, торжественность и многие другие. Но нельзя не согласиться с мнением Дионисия Галикарнасского, писавшего: «Первое достоинство речи, без которого и все остальные теряют своё значение, – это чистота словарного состава...» Имеется в виду не только, скажем, недопустимость непристойных слов, – о допустимости которых сегодня ведутся пылкие дискуссии, – но и «неточность выражений, когда употребляются провинциализмы или слова, взятые из другого языка», – на что указывал профессор Московского университета А.Ф. Мерзляков в его «Краткой риторике» 1809 г.

Являясь учёным-теоретиком в области филологии и риторики, Владимир Аннушкин на своём вечере показал себя и превосходным практиком, наглядно проиллюстрировав собравшимся, каким должен быть оратор, владеющий умением управлять речью и использовать её качества, дабы

произвести на слушателя нужное впечатление. Вспоминая выступление уже после знакомства с книгой «Коммуникативные качества речи...», не могу не признать, что Владимир Аннушкин в совершенстве овладел и легко оперирует инструментами риторики – живостью, правильностью, ясностью, величавостью...

Качества речи представляют собой эпитеты, которыми можно охарактеризовать речь, они выделены в книге в обширный (более 300 позиций) словарь, где указаны и объяснены оттенки каждого качества: положительное оно, отрицательное или же и то и другое, в зависимости от контекста, в котором использовано. Например:

Вкусность – *вкусная речь (полож.)* – (*перен.*) – богатая содержанием, приятная, напитанная многими украшающими элементами, охотно воспринимаемая.

Декларативность – *декларативная речь (отриц.)* – заявляющая формально о некоторых требованиях.

Ироничность – *ироничная речь (полож./отриц.)* – исполненная злой или насмешливой похвалы.

Пикантность – *пикантная речь (полож.)* – содержащая тонкие намёки.

Скабрёзность – *скабрёзная речь (отриц.)* – на грани приличия, содержащая элементы безвкусыя и бестактности.

Талантливость – *талантливая речь (полож.)* – обнаруживающая словесный дар, способности говорящего.

В книге Владимира Аннушкина приятно удивляет полное соответствие описываемых качеств речи языку сегодняшнего дня, их применимость и применяемость в официальных и бытовых отношениях. Едва оказавшись открытой, книга получила пылкий отклик. Узнав, что эпикурейцы требовали от речи только одного качества – ясности, а стоики акцентировали внимание на краткости, – простой деревенский житель сразу признает себя их убеждённым последователем. Кроме того, он полностью соглашается с уважаемыми риториками в том, что для построения речей

ему достаточно русского словаря. «Что там ещё? Суровость речи? – живо откликается он на очередное качество. – Знаю пример. Майор вошёл в казарму, где был беспорядок, и, начав кратким и ясным предисловием, сказал: „Через десять минут прихожу, и мне всё нравится“».

Жаль, что представленный в книге словарь не снабжён подобными примерами, с ними он был бы ещё более впечатляющим. Но даже если пособие – канва, которую каждый восполнит своим трудом и опытом, оно и в таком сжатом виде побуждает к размышлениям, даёт инструменты, при помощи которых можно проанализировать или спроектировать любую речь.

В откликах на книгу людей, весьма далёких от риторических умствований, слышна живая заинтересованность, радость интеллектуального открытия, узнавание тех инструментов собственной речи, которыми до сих пор пользовались успешно, но бессознательно. А кроме того – приятно знать, что на протяжении всей страны с запада на восток существует устойчивая связность, коммуникативность, обеспеченная русским языком. Ведь коммуникативность – это взаимопонимание, к нему мы стремимся и в жизни, и в своих сочинениях, желая быть услышанными теми, для кого пишем, и понятыми ими верно.

2019

«И речушки скрипичный изгиб...»

два лирических стихотворения Юрия Баранова

Чтобы рассказать о лирической поэзии Юрия Баранова, надо сделать совершенно несоответствующее теме вступление.

Почему разница во взглядах на политические вопросы ссорит людей, разводит друзей, даже разрушает семьи? Почему люди так легко поддаются на сиюминутные абстракции и безжалостно бросают в этот костёр верность, честность, взаимопомощь, дружбу, любовь, взаимопонимание, подтверждённые десятилетиями доверия? Что за зловещая ловушка – политические взгляды, попав в которую, человек, не вздрогнув, отвергнет важнейшие ценности жизни? Да потому, что эти взгляды воспринимаются фундаментальной платформой, критерием правильности и принципиальности. Тот, кто их не придерживается, – враг, противник. Категоричность – основа политического пыла. Только белое и чёрное.

Юрий Баранов весьма политически заряжен, исторически подкован и имеет личное твёрдое мнение по всем жгучим вопросам современности и прошлого. Я не всегда с ним согласна. Но не считаю его своим противником, тем более врагом. Есть точки соприкосновения, не связанные с политикой, где мы едины, например, искренний патриотизм, доброе отношение к животным, уважение к профессионализму, способность с юмором оценивать крутые повороты жизни.

На его произведениях с политической подоплёкой я сосредоточиться не в силах, но не могу не восхищаться его произведениями с уклоном лирическим. Именно это течение

в поэзии Юрия Баранова мне мило, как и все те черты его характера, которые способствуют возникновению таких стихов.

Вот два лирических стихотворения 2017–2018 годов, их выбор в некоторой степени случайность. Разного ритма, разной интонации. Захотелось проанализировать их, прокомментировать то, что вижу и ценю в этих стихах, – тихое раздумье, исследование нюансных порывов души. Но, приступив к комментариям, вдруг обнаружила параллели со своими стихами и решила закрепить аналитическую линию сравнениями.

Юрий Баранов

Ниночка, помнишь?

*указан участник события,
сделано обращение к нему*

Березняк, и сосняк, и осинник,

И речушки скрипичный изгиб;

*неожиданное многозначное
сравнение*

Натюрморт завершает **в корзине**

Крупный **белый ядрёнейший гриб**.

*точно определена
доминантная роль гриба*

Шелест леса, по-русски певучий...

Всё настолько прекрасно вокруг,

*было бы банально, если бы
не следующая строка*

Что нельзя ни насколько улучшить

*неожиданный
убедительный вывод*

Даже силой божественных рук.

Но – нашёл добавление к картине

*непоследовательная
стихийная попытка
превзойти Бога*

Безупречной, **к осенним полям**:

*выход из леса
на простор полей*

Вот сейчас бы да в дымчатой сини

Надо мною лететь журавлям.

*интонация колеблется
между серьёзной
и ироничной*

Так я думал – и стало мне стыдно:

*раскаяние,
отсылка к Пушкину*

Впрямь старуха из пушкинских строк –

Всё мне мало и всё мне завидно,

с грустной самоиронией

Всё-то мне недоवेशивал Бог.

*новая тема, осмысление
отношения к жизни*

Галина Щербова

* * *

*без названия, участник
указан в тексте*

Мой верный спутник, время холодеет.

*то же обращение
к участнику события*

Мы словно рыбы остываем в нём.

усилено ощущение холода

Где наши раскалённые затеи,

Когда морозный день был жарким днём,

И как всё было сказочно, **припомни**, –

*та же интонация,
напоминание*

Среди **ноябрьских выставших дубов**

*та же обстановка,
осень, лес*

Мы **вышли из лесу, как из каменоломни**,

С корзиной белокаменных грибов.

те же аксессуары

Параллель показывает точное совпадение темы, описания окружения, используются одни и те же рабочие слова, главный герой нарисованной картины – гриб, главный герой пережитого события – спутник, к которому обращается поэт за подтверждением в истинности воспоминания и его непреходящей ценности. В остальном, в самом существенном,

что определяет настроение, стихи различны. Первое стихотворение – делает акцент на мысли: раздумье о смыслах жизни и её восприятии, причём первые 2 строфы столь самодостаточны, что можно было бы ими и закончить. Второе стихотворение – делает акцент на настроении: усиленно прорисовывается обстановка, нагнетается и множится ощущение холода, как аналога утекающего времени.

Юрий Баранов
История любви

В синеве ленинградских туманов *тонкая игра субстанцией
и её цветом*

И в сиренях весенней Москвы

Ты мерещилась мне постоянно,

Но увы, но увы, но увы...

хорошая рифма

Что ж, бывает, и гроб заколотят,

А не встретишь. Но мне повезло.

*отсюда минимумом слов
показан весь путь любви*

Ты однажды сгустилась до плоти

И со мной завязалась узлом.

А потом... **А потом развязалась,**

*жизнеутверждающе
о грустном*

Отстранилась, уже не моя,

И растаяла, и показалось:

Всё вернулось на круги своя.

*здесь можно было бы
банально закончить*

Но не всё. Что-то в мире сместилось.

Что-то выцвело в мире, увы.

*отсюда красиво
закольцовывается
мотив начала*

Как-то даже **сирень изменилась**

И туманы – не той синевы.

Галина Щербова
Сиреневое безумие

Он высмотрел меня из-за ограды.

Он прятался в сиреневых кустах.

*глухая стихия, чаща,
не цвет*

И умопомрачительные взгляды

*удача: нашлось очень
длинное слово*

распугивали порскающих птах.

Подстерегал за прутьями забора,

*вся строфа: звериная
сущность страстей*

штался вдоль него туда-сюда,

как зверь, не затевая разговора,

флажки не заступая никогда,

не называя имени ни разу.

Ломал сирень и мне швырял во тьму.

С сиренью, сумасшедшая от сглазу,

*сирень, как цветы,
но не цвет*

я сквозь сирень сама ушла к нему.

*глухая стихия, чаща,
не цвет*

Сравнивая эти два стихотворения, можно указать следующие сходства: тема любви строится на обыгрывании сирени и её цвета, там и там два участника, торжествующая взаимность. Главное отличие в композиции. Первое стихотворение показывает полный круг отношений, где в точке возвращения к началу мир блекнет. Тут согласие и взаимность человеческие, когда речь идёт о красоте чувств, а не о силе страстей. Второе стихотворение – с открытым концом. Композиция представляет собой прямую, уходящую в неизвестность. Акцент сделан на слове «зверь» и его глаголах. Все глаголы указывают, как зверь рыщет. Если первое сти-

хотворение прописано в цвете, на который откликается эстетическое чувство человека, то второе лишено цвета, зато многократно повторённое «сиреневый» клубится, как заросли стихийной страсти.

Меня должно удивлять, но не удивляет, что такой политизированный человек, как Юрий Баранов, пишет такие замечательные лирические стихи. Сама не знаю, почему не удивляет, ведь это несовместимо. Можно заняться исследованием, но не хочу. Просто радуюсь, что он их пишет. И всё.

2020

Война и Нина

о поэте Нине Бялосинской

(опубликовано: Грани. 2019. № 269)

Всё взаимосвязано. Ничто не случайно. Банальные и очевидные заявления.

Но лишь до тех пор, пока не начинаем оперировать конкретными примерами.

Если рассматривать все случайности как случайности, то незачем озадачиваться вопросом: «Как, почему это случилось, каким чудом совпало?» Можно удивиться совпадению, но не удивиться его возможности, как обстоятельства стихийного, неодолимой силы.

Если же признать, что никакая случайность – не случайность, а закономерность, то вопрос «Почему это случилось сейчас, со мной, в такой последовательности?» и вопрос «Что тогда всё это значит, к чему ведёт?» становятся актуальными и жгучими. И, впервые взяв в руки сборничек Нины Бялосинской «Ветер надежды» (2001), едва успев прочитать несколько страниц, отложила и уехала в Псков.

*Ветер надежды в меня, как в окошко, стучит,
Ветер забвенья кладбищенским холодом вьётся...*

1991

Начиная от Волоколамска вдоль дороги жёлтые памятные щиты с указанием воинских подразделений, сражавшихся здесь в отечественную войну 1941–1945, колос-

сальные числа погибших. Ближе к Пскову памятные по военным сводкам названия: Опочка, Остров... А в Пскове и на Псковщине лето, тогда как в Москве ещё затяжная холодная сырая весна. А здесь солнце, синее небо, крепкие белоснежные облака, цветущая белая сирень, ярко-зелёные стриженные газоны, множество парков и скверов, в каждом из которых можно найти коренастую белую церквушку, как белый гриб. И при ней звонницу, похожую на русскую печь. Река Великая, кремль, стены и башни, огромными белыми буквами под стенами вдоль набережной слова: «РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ».

И в Пушкинских горах лето, белые скамейки, прозрачная вода в прудах, любопытствующие люди, осмелевшие комары, экскурсоводы, вдохновенно цитирующие стихи Пушкина. В придачу к белой сирени цветёт боярышник, тысячи одуванчиков сбрасывают лёгкий десант. Могила Пушкина в Святогорском монастыре завалена цветами ко дню рождения. У подножия лестницы, ведущей к Пушкину, таблица с именами сапёров, погибших при разминировании монастыря, и могилы.

Сделанное мной описание псковского лета – второй штрих к обнаруженному впоследствии совпадению. Первым был сборник Нины Бялосинской, начатый и оставленный до возвращения. Глубокий поэт. Длинная жизнь. А всего у поэта три сборника. Чуткая и негромкая личность, «...Умеющая уместиться / В квадратной раме бытия» («Первый свет», 1968).

Талант творчества неповторим, в отличие от научного таланта. То, что сделал Эйнштейн, – сделал бы другой, не сделай этого Эйнштейн, тут жёсткая логика всеобщих законов природы. Но то, что сделает творческая индивидуальность, – никто никогда не сделает: так не увидит, так не почувствует, так не сыграет словами, так никогда не напишет о своём нелогично единичном. Нина Бялосинская – удивительный тонкий поэт.

«...Веду стихи, как льва на поводке, / И удивляюсь, что накоротке...» («С любого места разговорной речи...», 1972);

«Белый март... / <...> / Повергнет в свет, / Подвергнет свету, / Воздаст за беспросветность эту...» («Свет второй», 1968);

«Господи! Твоё творенье / в повтореньях, / как впотьмах» («Молитва», 1968);

«...выходим постепенно / друг в друга мы / из наших лиц» («Апрель», 1968);

«Да будет снег! / Просторный. / Проливной» (1971);

«Снег в октябре. / Внезапное пространство. / <...> / Снег на листе, / И листья на снегу» («Ранний снег», 1976).

На этом месте – почему именно на этом? – я отложила сборник и уехала в Псков. Вернулась и открыла, чтобы продолжить чтение со следующей страницы, а там было: «Река Великая. 1944»...

Недолёт...

Перелёт...

Это с Пушкинских гор –

Мы немного ниже –

Немец бьёт.

Знаю – с Пушкинских гор.

Дальнобойной пушкой.

А того не пойму,

Что с горы, где Пушкин...

Недолёт...

Перелёт...

А случись прямое –

Не узнала б, что лежу

Под Святой горою.

(1, 1985).

«А мы не на Опочку – мы на Остров пошли, / И могилу Пушкина я не освободила...» (2, 1985);

«...Ленты бинтов почерневших сдвигая, / Падают на землю раненый март» («...Нетерпенье машин от далекой рощи...»);

«...поднимались, / Тяжко примяты, / Дорожные, выносимые цветы, / Пропылённые, как солдаты...» («Я всё хочу спросить...», 1959)

И долго не отпускавшее воспоминание о войне, тонкое, с едва уловимой – и от этого особенно восхитительной – игрой слов: «А лето... / <...> / В июль торопится – / В зенит. / <...> / Девчата из зенитной част... / <...> / Выскивают капли счастья – / Пятиконечную сирень» (1944–1959).

И стихотворение «Боль», резонирующее в 1963 старой болью: «Мне б из окруженья добрести... / Я ещё из плена не вернулась...»

Нина Бялосинская (1923–2004), о ней даже в интернете сведений крупницы. Родилась в Севастополе. Жила в Севастополе, Саратове, с 1931 – в Москве. В 1941 окончила школу и поступила в ИФЛИ. После закрытия института с октября 1941 была в эвакуации. В 1942 вернулась в Москву, служила вольнонаёмной в Центральной военно-технической школе дрессировщиков, потом там же – красноармейцем. В 1944 была на фронте, участвовала в Псковско-Островской операции войск 3-го Прибалтийского фронта против немецкой 18-й армии (11–31 июля 1944) с задачами освободить города Псков и Остров и развивать наступление на запад. В октябре демобилизовалась и поступила на филологический факультет МГУ, окончила его в 1949. С 1950 была методистом Центрального дома культуры железнодорожников, где в 1960-е возникло известное литературное объединение «Магистраль». Член Союза писателей СССР с 1962, член союза писателей Москвы.

«В „Магистрале“ у Григория Михайловича Левина. Это год шестьдесят первый, наверное, <...> была поэтесса Нина Бялосинская, многолетний друг Панченко. Они дружили всю жизнь и сотрудничали, вместе проводили встречи в Литературном объединении в Орехово-Зуеве», – вспоминает Михаил Садовский в книге «Шкаф, полный времени».

Николай Панченко был инициатором первого вызывающе смелого выпуска Литературно-художественного сборника «Тарусские страницы» (1961), изданного под эгидой Паустовского в Калуге. Он и Нина Бялосинская были соавторами второго выпуска «Тарусских страниц» (2003).

«Я после долгой поездки в Сибирь заявился на знаменитое литературное объединение в Центральном Доме культуры железнодорожников, руководимое могикинином революционного энтузиазма Григорием Левиным. <...> ...в тот день услышал „Сентиментальный марш“ – первую песню Булата, которую Аронов, искрясь от упоения, напел мне вместе с поэтессой Ниной Бялосинской, всегда трагически печальной», – вспоминает Е. Евтушенко в антологии «Десять веков русской поэзии» и приводит своё стихотворение, где есть слова: «...И на край пианино / в красных чашках пластмассовых нам / Бялосинская Нина / не поставит буфетный „Агдам“».

«...У каждого была своя „кухня“. У Надежды Яковлевны Мандельштам – тоже, и туда входили такие, например, люди, как отец Александр Мень, Андрей Синявский, Вяч. Вс. Иванов, владыка Иона, Варлам Шаламов, Александр Любищев, знаменитый биолог, который жизнь свою провёл в борьбе с Лысенко, Варя Шкловская, Женя Пастернак, Нина Бялосинская, Сергей Аверинцев. Бывали в этом кругу Иосиф Бродский, Белла Ахмадулина, Лев Гумилёв, художник Володя Вейсберг...», – рассказывает в одном из интервью Николай Панченко.

А я с изумлением, растерянностью, растроганностью продолжаю читать сборник Нины Бялосинской.

«...Зимние сумерки, / Словно на том берегу, / Медлят и медлят / За старой железной дорогой» («Зимние сумерки...», 1990);

«Как часто в бору моём стали подкашиваться деревья...» (1985);

«Эта чистая белая тьма снегопада в начале поста. / <...> / Поздний вздох снегопада. Прощанье, прощенье и воз-»

вращенье / В синий день из скоромного, пёстрого и чёрно-белого сна» (1994);

«...Бурлит остатная листва / В осеннем медном самоваре» («Почти тенистую скамью...», 1987);

«А степь на нас во все свои цветы / Испуганно глядела...» (1962);

«И наступает пустота... / <...> / Но если это – пустота, / То отчего такая тяжесть?..» (1957–1968);

«...Говорят, что первая любовь – начерно. / <...> / Ну а если – / Не порвать и не вычеркнуть? / Ну а если ее, первую, не вычерпать?..» («Говорят, на что тебе печаль? На черта?..», 1958);

«Стоят дворы на рубеже апреля...» (1946);

«...Ни ответа, / Ни привета, / <...> / Только стелет бабье лето / Разноцветную постель» («Старинные песни», 7, 1957–1992);

«...А я стопами чёрствыми, босыми / По бездорожью твоему брожу, / По безнадежью твоему, Россия» («Я пассажир...», 1987; с ремаркой поэта «Последняя строка пришла сама, помимо моей воли. Сегодня, в 1999, она бы уже не пришла. Потому и книга названа „Ветер надежды“»).

Читаю и представляю себя недельной давности в Пскове, в Опочке и Острове, в Пушкинских горах, в Святогорском монастыре, но уже категорически не могу представить себя там без Нины Бялосинской, без загадочного совмещения моих чувств с её стихами. И непрерывно задаюсь вопросом: «Откуда и, главное, зачем столь точное совпадение событий, вероятность совпадения которых ничтожна, – поездки в Псков, где я бываю раз в сто лет, и выбор сборника стихов поэтессы, которую никогда не читала за последние сто лет?»

Случайность, на которую махнуть рукой? Нет.

Всё взаимосвязано. Ничто не случайно. Надо понять. Надо ответить соответствием.

2017

Заключение

Если сам поэт и вполне отдаёшь себе отчёт в уязвимости собственных стихов, то лучше избегать разгромных рецензий. Это не противоречит главной задаче критики: с признательностью использовать предоставляемый авторами материал, из которого можно выстроить новое знание о поэзии, увидеть отражение в ней современности. Собрав эту книгу, я была удивлена её многогранностью, многоликостью и обрадована тем, что в ней нашли место мои личные открытия и неожиданные мысли, возникшие во время чтения стихов современников.

Когда поэт дарит другому поэту свою книгу, он тайно мечтает получить профессиональный и добрый отклик. Именно так и хочется поблагодарить за подарок. Но если в стихах нет индивидуальности, авторских открытий, то остаётся вынужденно молчать. Зато как легко работать с хорошей книгой. Поэтому я высказываюсь лишь о тех авторах, которых хочу похвалить. Собственно, каждая из представленных здесь статей – благодарность автору, давшему впечатление, подтолкнувшее к неожиданной точке зрения.

Всегда легко критиковать поэтов. Обоснованно хвалить гораздо труднее. Но если есть, за что хвалить, – обязательно надо хвалить. Похвалы не означают, что у стихов нет недостатков, творческий процесс невозможен без ошибок, без отступлений и тупиков, но история поэзии дорожит только достоинствами.

Содержание

От автора. О стихах. 3

Интересен современник. Московские поэты Максим Грескьо, Олег Агринский, Александр Хабаров, Екатерина Шевченко, Наталья Аришина, Марина Кудимова 8

«Я сильным был, но ветер был сильнее...».
Поэт Александр Суворов (1965–2016), Москва 19

Стихи поэта – его дом.
Поэт Алексей Решетов (1937–2002), г. Березники 33

Женщина в саду камней. Поэт Игорь Терехов, Нальчик 38

Фагот. Поэт Александр Бутузов (1957–2013), Москва 43

«За каждой строчкой проступает флот...».
Поэт-подводник Сергей Быстров (1952–2007), Ломоносов ... 46

Сила спокойного взгляда.
Поэт Наталья Аришина, Москва 52

Сказка перелётных дней. Поэты Василий и Михаил Рысенковы, Торжок, Санкт-Петербург 67

Я решила! Поэт Любовь Сердечная, Смоленск 77

«Россия всегда на любовь отвечает любовью...».
Поэт Андрей Расторгуев, Екатеринбург 89

Бело-чёрно-красное. Поэт Александр Хабаров, Москва 97

Литературный ювелир. Поэт Сергей Нещеретов, Москва ... 106

Молодой поэт. Поэт Григорий Шувалов, Москва 113

Переплавляя печаль в поэзию.
Поэт Ирина Рогозина (Шиловская), Мончегорск 126

В книжных глубинах. О рукописной авторской книге 130

«Я из первых – видящих...».
Поэт Марина Кудимова, Москва 135

В доспехах рабочих одежд.
Поэт Юрий Иванов-Скобарь, д. Бардово Псковской обл. ... 142

Поэтическая летопись «Словенского поля».
Сборник конкурса исторической поэзии,
Изборск – Псков 151

Поэзия и познание. Поэт Олег Агринский, Москва 156

Линия жизни. Поэт Алексей Любегин, Санкт-Петербург ... 165

Зарисовки пастелью. Поэт Борис Романов, Москва 175

Во главу угла – факт.

О книге журналиста Евгения Потупова
«Брянские дали Даниила Андреева», Брянск 181

Риторика – наука, красноречие – талант. О книге филолога
Владимира Аннушкина «Коммуникативные качества речи
в русской филологической традиции», Москва 184

«И речушки скрипичный изгиб...».
Поэт Юрий Баранов, Москва 189

Война и Нина.
Поэт Нина Бялосинская (1923–2004), Москва 195

Заключение 201

Литературно-художественное издание

101 ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Галина
Щербова

• • •

ПОЭТОВ
НАДО ХВАЛИТЬ

с т а т ь и , э с с е

Фото на обложке — автора

Оформление серии *Анна Розанова*
Компьютерная вёрстка *Ульяна Иващенко*
Корректор *Анастасия Дурыгина*

Подписано в печать 00.00.2020
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84x108/₃₂
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. ???
Тираж ??? экз. Заказ №

Издательство «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru